

Алексей Яшин

БЕСЕДЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

**ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ
ОБ УМОЗАМЕЩЕНИИ**

Москва
«Московский Парнас»
2017

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)

УДК 882

Я 96

Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-73301-06-587

Цикл произведений, условно названный автором «рассказами Николая Андреевича», продолжен книгой «Задушевные беседы об умозамещении». Последнее слово сочинено по аналогии с широко популярным ныне «импортозамещением». Кстати, это не простое созвучие, ибо, говоря словами князя Щербатова — екатерининского вельможи и ярого русофила, повреждение всех нравов и ума, добавим мы, идет в Россию из Европы... Но автор в новой книге расширяет ареал «повреждения» разума, мышления современного человека с России и Европы на весь нынешний мир; более того, именно наша страна волею судеб сейчас единственная сопротивляется вселенскому умозамещению. А тот момент, что герои и антигерои такого «замещения» из русской действительности, ничего здесь не меняет: бей своих, чтобы чужие боялись! Родной фольклор не даст соврать... Еще одно существенное замечание: автор в своей второй, сугубо научной ипостаси, является известным ученым в области естествознания, создателем новой научной дисциплины «Феноменология ноосферы», развивающей концепцию академика В. И. Вернадского о переходе биосферы Земли в ноосферу. В своей (пока) 15-томной монографии он логически и фактологически строго доказал, что начальный период ноосферы, то есть наше время, увы, сводит человечество к категории «человеиника» — набору безличностных гаек и винтиков молоха машины глобализма. Еще раз отметим, что и здесь Россия единственно сопротивляется...

Иллюстрация на обложке

Олеси Янгол (Юрмала, Латвия)

Политипажные иллюстрации в тексте из старопечатных книг конца XIX — начала XX вв. Подписи к ним А. А. Яшина.

- © Яшин Алексей Афанасьевич, текст, подписи к иллюстрациям, 2017
- © Ханбеков Леонид Васильевич (предисловие), 2017
- © Олеся Янгол, обложка, 2017
- © Яшин Алексей Афанасьевич (художественное оформление), 2017

К ЧИТАТЕЛЮ

Творчеству современного русского прозаика, лауреата многих литературных премий, главного редактора всероссийского литературного журнала «Приокские зори», члена правления Академии российской литературы Алексея Яшина посвящены изданные в Москве наша* и Натальи Квасниковой** книги в серии «Созвездие России». В них дан развернутый анализ творческого мировоззрения и самобытного художественного мышления писателя из Тулы, родом и военно-морским воспитанием из города Воинской славы Полярного — колыбели Северного флота, а до этого с 1899 года главной базы Флотилии Ледовитого океана.

Именно это доброжелательно-суровое воспитание и гены череды предков-старообрядцев и переселенцев из Шотландии (при царе Алексее Михайловиче) в итоге сформировало Яшина-писателя с его своеобразным литературным почерком, включающим коло-

* Ханбеков Л. В. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина. — М.: «Московский Парнас», 2008. — 90 с., ил. (Серия «Созвездие России»); очерк также вошел в книгу: Ханбеков Л. В. Собрание сочинений. Т. 4. — М.: «Московский Парнас», 2009. — С. 62—145.

** Квасникова Н. В. От сатирика слышу!.. Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина: художественно-публицистическая повесть. — М.: «Московский Парнас», 2013. — 71 с., ил. (Серия «Созвездие России»).

ритный язык, пронизательный взгляд на окружающую действительность и незлобивое — даже в сугубо сатирических произведениях — восприятие больших и малых событий непростой во все времена жизни русского человека, русского народа...

Алексей Яшин является автором трех десятков книг прозы и литературной публицистики, и каждая последующая открывает читателю все новые грани его творчества. Не исключение и представляемая. Однако предварим ее краткий анализ необходимыми пояснениями — особенно для читателей, впервые знакомящихся с произведениями автора.

Во-первых, это относится к подзаголовку книги: «Восьмая книга рассказов Николая Андреяновича». Это уже сугубо индивидуальная авторская традиция, впрочем, исходящая от наших великих мастеров словесности, достаточно вспомнить пушкинских и лермонтовских рассказчиков... Вот и предыдущая книга Алексея Яшина «Зато мы делали ракеты» тоже «приписана» словоохотливому Николаю Андреяновичу.

Несомненно, последний в чем-то и авторизованный герой уже целой серии романов, повестей и сборников рассказов нашего писателя. Да и сам читатель воспринимает написанное от имени Николая Андреяновича, вроде как абстрагируясь от личностных черт. Срабатывает один из постулатов русского критического реализма, да и не только русского: правда писателя — объективное через условно субъективное. Иначе это не художественная литература, а газетная публицистика...

Во-вторых же, как мы уже писали в предисловии к названной выше книге, автор — отменный выдумщик в части фабульно-сюжетной организации романа и его литературной аранжировки. Так и настоящая книга (предыдущие: «Квадратная пустота», «Административный восторг, или картинки с выставки», «Зато мы делали ракеты») написана в возрождаемом Алексеем Яшиным жанре новеллино. Не следует горяча

здесь говорить о пресловутой «смеси французского с нижегородским». Как нам представляется, именно этот жанр позволяет сочетать в рамках связного изложения материала книги достаточно строгую организацию упомянутых выше фабулы и сюжета, что называется — пространную свободу повествования и своеобразие авторского литературного языка.

Однако перейдем к содержанию книги, уже в самом названии которой — и здесь Яшин оригинальничает — заложена интрига.

Проще с «задушевными беседами». На страницах книги сошлись два старинных приятеля — Николай Андреянович и знакомый нам по «Административному восторгу» Игорь Васильевич Скородумов: оба «выпускники» тулуповского флагмана военно-промышленного комплекса — НПО «Меткость», уже третьим по счету американским президентом объявленного личным врагом Штатов, это как личные враги бесноватого фюрера — подводник Маринеско, диктор Левитан и киноактер Крючков, — за разработанные там ракеты, что в прежних ближневосточных войнах насквозь пронизывали американские танки «абрахамсы» и израильские «меркавы»...

От души потрудившись на благо советского и российского оружия, оба в лихолетье девяностых годов перебрались в Тулуповский университет, который некогда и закончили. Старинный наш знакомец Николай Андреянович — на родную кафедру ракетостроения военно-технического факультета скромным доцентом передавать свой немалый опыт юному поколению оружейников, а вот Игоря Васильевича повело в научный «разнос»: обзавелся всеми мыслимыми научными и почетными степенями и званиями, стал издавать свой теоретический журнал, обосновавшись на новомодном факультете с естественно-биологическим уклоном.

А местом задушевных бесед обозначили гостеприимный пригородный дом мудрого Прокофья, тож из персонажей «Административного восторга»,

из дальней родни профессора Скородумова, в молодости служившего на крейсере «Киров» Северного флота.

Триаду собеседников «замкнуло» происхождение Николая Андреяновича — тож из владений этого славного флота. И еще Тихоновна — супруга Прокофьяча и матерый кот Мичман — хранитель очага этого дома, пронизанного душевной теплотой.

...А интрига-то названия в слове «умозамещение» — очередном вкладе автора в словарный запас великого и могучего. Явно по аналогии с уже набившим оскомину, в сущности пустопорожним «импортозамещением». Во всяком случае, так полагает автор, вкладывая свои мысли в задушевные беседы. Известно, что русский человек любит на досуге порассуждать о сущности текущего бытия. Особенно под хлебосольство Тихоновны и молчаливое одобрение кота Мичмана.

С интригующим этим умозаключением вовсе не так просто. Если читающий книги Алексея Яшина простирает свое любопытство до чтения творческо-биографической справки на обороте обложки, то узнает, что автор — не только писатель-прозаик, но и ученый с мировой известностью, а именно в той области естествознания, что анализирует современную эволюцию человека.

Проконсультировавшись с Алексеем Афанасьевичем, узнал, что тот только что сдал в печать пятнадцатую книгу своей многотомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы», в которой он развивает учение нашего великого ученого академика Вернадского о переходе биосферы Земли в новое качество ноосферы, то есть сферы господства разума. Эх, куда хватил наш сочинитель романов!

А если серьезно, то все мы сейчас присутствуем при рождении нового человека — человека ноосферного, у которого аналоговое, то есть творческое, как художественное, так и сугубо научное, мышление уступает место утилитарному, потребительскому циф-

ровому. Как надоедливо, но по сути верно, кричит телереклама: «Вместо слов — цифра!» Дабы и вы, уважаемый, все более и более редкий книжный читатель, не усомнились, оглянитесь округ себя и увидите уже явные черты такого нового человека: тинэйджер, обвешанный «гэджиками», рядовой клерк, весь день не отрывающий глаз от экрана монитора, чиновник, на суконно-цинковом лице которого явно читается цифра взятки, желательна в долларах или евро...

И все это наш автор, но уже в ипостаси ученого, обосновывает и доказывает научным языком логики, математики, психологии и других мудреных дисциплин. А против науки не попрешь! Тем более, что сплошное «оцифровывание» человека и превращение человечества в «человеиник» — аналог пчельника и муравейника — все перед нашими глазами.

Вот о таком-то превращении в бездумный винтик бездушной машины глобализма и беседуют наши приятели у камина в просторном доме Прокофья.

Знакомясь с отзывами на книги Алексея Яшина, публикуемые в литературных журналах, встречаю явные и подспудные упреки автору в мрачности, если можно так сказать, его взглядов на действительность. Но ведь это вовсе не «мрачность», а существо русского критического реализма? Достоевский что ли веселился? Или писатели из разночинцев, или Максим Горький?

С другой стороны — традиция русской литературы, заключающаяся в сочетании вроде как полного негативного отношения к описываемым реалиям жизни с изрядной долей юмора и беспощадной сатиры. Она всегда на вооружении нашего автора. Хотя бы он сам с горечью отмечает: современный человек напрочь отриняет как сатиру, так и юмор. Это симптоматично, это плохо, но Яшин-писатель не сдаётся, хотя как учёный с горечью констатирует: человечество, как в пропасть, устремилось в глобальный человеиник...

И еще одно положение русского критического реализма уверенно ведет перо в руке Яшина: писатель всегда находится в *конструктивном* (подчеркнем это определение) противостоянии так называемому общественному мнению. Он не безоглядный «низвергатель тронов», но и позиция стороннего наблюдателя — «добру и злу внимая равнодушно» — глубоко чужда истинному русскому художнику.

Книга начинается новеллами о выдающихся ученых середины прошлого века: авторе идеи водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза — простом русском сержанте О. А. Лаврентьеве и нобелевском лауреате австрийце Конраде Лоренце. Эта антитеза современным «умозамещенным» автором выбрана не случайно: мир тесен, и главные герои книги так или иначе сталкивались с названными персонажами мира большой науки.

...Сейчас, когда Россию в очередной раз в ее многострадальной истории обложили как медведя в берлоге внешние, чего умалчивать — и внутренние, враги, явственно прочитывается и назначение книги Алексея Яшина: предупреждение о грядущем умозамещении русского (и вообще — российского) народа. И в заключительной новелле автор выражает оптимизм: будем с этим бороться всем миром до последнего!

В нашу задачу не входили сколь-либо подробный разбор содержания книги и оценка его фабульно-сюжетной организации. Назначение данного предисловия гораздо скромнее: дать «вводную», выражаясь языком военных, читателю к квалифицированному восприятию авторской задумки и того, что из нее получилось: собственно книга в ее целостности, тенденции и литературной образности. А там — читателю судить.

**Леонид Ханбеков, президент
Академии российской литературы**

«Ты любишь конфеты и секс до утра...» — песенный рефрен современного общества потребления, построить которое — цель жизни наших реформаторов. Но всякой цели сопутствуют реализующие ее задачи. Одной из этих задач является превращение в скорейшие сроки детей, родившихся от нормальных родителей, в уродов американо-европейского образца (там не все уроды, есть еще национальные и сексуальные меньшинства). Удел такого скороспелого уродца — служить приказчиком в оптовке более удачливого сверстника или заворачивать гамбургеры в палатке на блошином рынке. Не его это вина — за убогость мышления, скуку пребывания в земной юдоли, апатию в жизни. У нас страна православная, католического чистилища, где можно откупиться деньгами, нет, поэтому всех вершителей испорченных судеб ждет раскаленная сковорода.

В мире существуют две признанные страны-чаевницы: Россия и Англия. Но чай в Британии — это некое пойло с молоком или сливками, но обычно без сахара. Причем истовый англосакс выпивает в день только две маленькие чаши: утром между овсянкой и яичницей с беконом и вечером между пудингом из манки и пинтой пива.

На самом деле чай умеют и любят пить только у нас: без всяких молокопродуктов, с сахаром вприкуску и лимоном, из тонкостенного стакана в подстаканнике из мельхиора — произведении мастеров финифти и другой тонкой обработки железа.

И если француз Андре Моруа в «Письмах к незнакомке» имеет в виду (француз же!) женщину во фразе: «Причина любви больше в нас самих, чем в любимом существе,— со времен Стендаля и Пруста это общеизвестно»,— то степенный русский мужик однозначно здесь подразумевает любимый напиток. И пьет его не аглицкими чашечками-наперстками, а самоварами. А чай располагает к обстоятельным и приятным беседам.

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ: ДВОЕ У КАМИНА, НЕ СЧИТАЯ КОТА МИЧМАНА

*Я вернусь в страну
не дураков, а гениев.*

Игорь Тальков

♦ Зима в этих исконно среднерусских местах установилась, плюнув на всякие новомодные глобальные потепления, по старинке, то есть в середине бывшего краснознаменного ноября... В таком ироничном подтексте размышлял Николай Андреянович, вышедши из корпуса военно-конструкторского факультета, института по-нынешнему, Тулуповского университета. Спустившись по солидной входной лестнице «пентагона», как весь город уже полстолетия именовал факультет, здание которого, выдержанное в сталинском ампире с дорическими колоннами фасада, действительно, очень походило на отдельно взятую грань этого американского учреждения, доцент-ракетчик с удовольствием захрустел по свежевypавшему снежку. Коммунхозовские дворники-узбеки из гастарбайтеров, уже привычно лентясь по-русски, только-только пополудни принялись лопатить широкий тротуар.

Спустился в близкий подземный переход под проспектом Ленина, облицованные плиткой стены которого развлекали глаза прохожих намалеванными из пульверизаторов названиями импортных рок-групп и вечным как мир девизом «Спартак» — чемпион!» Пятна свежей грунтовки маскировали еще вчера читаемые нетолерантные лозунги политически подкованных студентов. С упоминанием имен руководителей партии и правительства, как бы сказали в советские времена. И представителей отдельно взятых славных национальностей вдобавок.

Поднявшись по лестнице на выходе перехода — прямо напротив того же сталинского ампира здания технологического корпуса, только с колоннами ионическими — Николай Андреянович, в мыслях еще не отошедший от темы только что прочитанной лекции по флаттеру, то есть дрожанию оперения крылатых ракет в полете, с секундной задержкой прореагировал на оклик:

— Андреяныч! Камо грядеши* в такой чудесный день? По юным и не совсем девушкам-женщинам шалить или в «Ханты-манси» рюмаху принять? Шу-чу, шучу, тем более, что на месте нашей ностальгической распивочной уже год как возвели стеклобетонный куб с двумя вывесками...

— Не бреди душу, Васильич, — Николай Андреянович поздоровался с давним приятелем Игорем Васильевичем Скородумовым с биологического факультета, — знаю, знаю, недавно в ту сторону проспекта заходил: «Ателье дверей» и чего-то по унитазно-писсуарной части... вроде как «Дворец сантехники». Да-а, были же времена, а теперь куда не торкнешься — то японский ресторанчик с официантками из перезрелых косолученских девок в кимоно, что сидят на них как седло на корове, то гастарбайтеры для себя соорудили халяльную** кофейню...

— Говорят, в Косолучье и в Замостовье — в пролетарских районах, где еще заводы сохранились, остались и простонародные забегаловки: после двух часов водка в рóзлив, а до того фарфурики из-под прилавка...

— Это что за географические новости?

— Аптечные семидесятиграммовые склянки-бу-

* Куда идешь (церковнослав.). Также название русских изданий «нобелевского» романа Генриха Сенкевича.

** Халяльная пища у мусульман — это навроде кошерной (кошрут) у правоверных евреев, то есть разрешенная, соответственно, по Корану и по Торе.

тылочки с якобы лечебными настойками. Чистый пищевой спирт и под акцизный надзор формально не попадают.

— Н-да, — прикрякнул Николай Андреянович, — славны бубны за горами! А что это тебя, Игорь Васильевич, явно не по профилю сугубо теоретической науки в технологический занесло?

— Здесь ведь университетская библиотека стандартов. Вот таковой и понадобился по нашей биофизической части. На руки не дали. Снял ксерокопии с нужных страниц, увы, за свои кровные. Бесплатный сыр остался только сам знаешь где. Так куда движем, благо звонить тебе собирался, есть разговор-предложение?

— Тогда давай, для меня уже вдругорядь, на пентагоновскую сторону — и в «Главштаб».

— Во-о, что значит начали привыкать к очередной всероссийской трезвилке! О фарфурках говорю, а слона-то и не заметил. Двинули, дружище; я, как пригласивший, сегодня банкую. И повод формальный есть: из Ганновера медальку «Почетного изобретателя Европы» прислали. Лучше бы в евро...

♦ «Слон», он же кафе-подвальчик «Главштаб», размещался в доме между «пентагоном» и бывшим, увы, одним из старейших в стране высшим артиллерийским училищем, затем ракетно-артиллерийским, по-новомодному — военным институтом. Причем крутой спуск в подвальчик, в советское время овощной магазин, располагался в ближней к «артухе», опять же принятое в городе поименование, окончности здания, как и пентагон, позднесталинского ампира. А само название подвальчика, дополненное на вывеске изображением пулемета «максим», явно ориентировалось на основной контингент посетителей — многочисленных офицеров артухи, почти города в городе, занимавшего полный квартал, обнесенный трехметровой кирпичной стеной-оградой, с двумя, симмет-

рично поставленными относительно КПП главного входа в очаг милитаризации дальнобойными дивизионными орудиями производства сталинградского — по времени выпуска — завода «Баррикады».

Полковники и подполковники посещали заведение преимущественно банкетными компаниями обмывать очередные звезды на погонах или отмечать защиты докторских и кандидатских диссертаций; в артухе в лихие девяностые годы, пользуясь рассеянным попустительством минобороновского начальства, открыли свой диссертационный совет, который на правах гвардейского либерализма и боевого товарищества стал пачками клепать подполковников-кандидатов и полкашей-докторов военно-технических наук... Досужие языки в городе, особенно из почему-то обиженных университетских профессоров и *доцентов*, это которые с *портфелями* уроки отчитывать бегают между корпусами, иронизировали, впрочем, не совсем без оснований: «Наша-то артуха, Геннадь-Палыч, совсем оборзела: на прошлой неделе отштамповали сразу двух докторов и трех кандидатов! Скоро число выпускаемых из курсантов в лейтенанты и вовсе сравняется с количеством защищаемых... Оно, конечно, дело хорошее, но все же не следует забывать, что военные заведения в первую очередь должны готовить младших командиров!»

И все понимали опасения университетских «преподов»: выйдут на раннюю военную пенсию остепененные полу- и просто полковники и тотчас займут все вакантные должности в Тулуповском «универе». Конкуренция, так сказать.

«Главштаб», прежде рядовая забегаловка для разночинных штафинок-штатских, образовался в знаковое время сразу после пресловутого «миллениума»: военное ведомство выделило многим училищам деньги на расширение их сопутствующей инфраструктуры. Так на углах территории артухи, выходящих на

проспект, затеяли два строительства: справа — храм божий для свершения треб как училищного персонала, так и окрестных городских жителей, а слева — многоэтажного жилого дома-башни для семей офицеров училища... то есть института.

...С церковкой все вроде ладно получилось, уже скоро и малые колокола начали перезвоны в урочные дни и часы, а вот с домом нехорошо вышло. Надо сказать, к началу стройки прежний генерал вышел в отставку, а новым начальником поставили всего лишь полковника. Правда, в ближайшее же празднование Дня Победы начальник появился, красуясь, на общегородском митинге уже с большой звездой на погонах. От прилива счастья, а известно со времен Салтыкова-Щедрина, что в России генерал — не должность, а счастье, новый «превосходитель» впал в легкий конфуз. Выступая перед собравшимися у череды стел с названиями городов-героев и перечисляя оные, на миг запнулся перед упоминанием Ленинграда, затем от все того же счастья переименовал верноподданически: «...и, конечно, город-герой Санкт-Петербург!»

Публика зашелестела, а со стороны коммунистов под кумачными флагами послышался откровенный хохот. Новоиспеченный генерал побагровел (вчера звезду обмывали), но Сталинград в дальнейшем перечислении не переименовал, хотя и постарался первую часть сложносочиненного слова произнести нарочито скомкано, явно не одобряя факт существования Генералиссимуса.

От окумаченных коммунистов и здесь донеслись сдержанные смешки. И, действительно, взгляды обращенных к ряду стел сразу отмечали, что надпись золотом «Сталинград» выглядит намного новее всех остальных. Опять же все прекрасно знали: каждый новый губернатор Тулуповска, в зависимости от степени верноподданничества и общего умственного развития, перед первым же в его срок власти Праздни-

ком Победы оставлял предыдущую золотую надпись, либо же давал указание о переименовании. Так и нынешний повелел вместо прежнего «Волгоград», им же ранее введенного, вернуть «Сталинград»...

...Новый начальник училища, не успев из-за относительного небольшого чина и должности в самые веселые девятые года поправить свое материальное положение, решил наверстать упущенное на стройке офицерского дома. Решил, но не оценил ситуацию: верховная власть решила образцово-показательно приструнить разнузданное воровство, даже священный олигархат несколько затронув. Под «выездную» попал и тогдашний губернатор, сам выпускник артухи и приятель молодого генерала. Но последний, правда, лишившись должности и несостоявшегося бакшиша, «барашка в бумажке», легко еще отделался, мигом все свалив на прежнего благодетеля. А того, опять же образцово-показательно, отправили на десятилетнюю отсидку.

...Но до всех этих взволновавших губернию событий, поддавшись апофеозу расширения сопутствующей артухе инфраструктуры, и владелец подвалчика внес свою лепту, открыв «Главштаб». Как-то и не совсем случайно прямо по выходу из заведения открылся в неудобном для гражданской клиентуры и аптечный киоск... но это уже явно домыслы злоязычников. И дело новой точки общепита завертелось: после окончания командно-трудового дня по двое, по-трое преподы-офицеры до майорского звания включительно заходили на часок-другой в «Главштаб». По выходу с раскрасневшимися лицами забежали в аптечный киоск запастись презервативами и далее рассредотачивались по городу. Женатые, вернувшись ближе к полуночи к семейному очагу, по-армейски четко докладывали супругам усталыми голосами: «Инспектор из округа на днях приезжает, потому срочная тревога с выездом курсантских рот

на учебный полигон». Некоторые, особенно по воскресеньям, докладывали и рано поутру...

Офицерское счастье, равно как и у новоиспеченного генерала, непредсказуемо. Так и здесь; внезапно, дав лишь два месяца на сборы или увольнение — по желанию, закрыли известную всей стране кузницу артиллерийских кадров. Добрый наш народ опять злословил явно в адрес «руководителей партии и правительства», как говаривали в славные советские времена: дескать, знатная московская купчиха имярек, супруга высокого градоначального чина, давно облюбовала для окучивания капусты ближний к Белокаменной губернский город, через свою молодую подружку из хозуправления оборонного министерства добилась ликвидации тулуповской артухи — очень ей приглянулся целиковый квартал земли в самом престижном районе города да еще с десятком добротной постройки зданий и ракетно-артиллерийскими ангарами — готовыми оптовыми складами под предмет оптовой же торговли...

Известно, народ черт-те что мелет от безденежья и отсутствия культурного досуга (водка все повышается в акцизе), но приптели к закрывателям артухи, ранее ежегодно поставлявшей женихов для сотен и даже тысяч тулуповских девиц, томившихся в безмужестве с грудями и бедрами молочно-восковой спелости, и тогдашнего губернатора. Поговаривали: был он в учебе отчаянным двоечником-троечником, потому сохранил в памяти об *alma mater* крайнюю нелюбовь к артушным золотопогонникам.

Но человек полагает, а бог располагает. В одночасье, видать, власти решили всерьез искоренить воровскую вольницу бывших лихих девяностых, отправили на отсидку губернатора, высокопоставленного супруга московской купчихи отстранили от дел как утратившего доверие. Даже хозяйственно-оборонную молодуху под домашний арест спровадили.

Впрочем, последняя отделалась испугом и лишением хлебной интендантской должности: чтобы та не потянула за собой бывшего министра, включенного в касту неприкасаемых — не как у индусов, но в противоположном смысле, — ее пожурили, потрепали словесно в прессе и на радиотелевидении, и вместо нар отправилась она на Канары отдыхать от душевных потрясений.

Так лакомая территория бывшей артухи превратилась в необитаемую городскую пустыню. Для порядка в одном из зданий ее, заняв полэтажа, разместили штаб расположенного на постой в Тулуповске полка.

И совсем уж невпопад и нетолерантно народ злопыхал вдогонку случившемуся: мол, закрывая «игорный бизнес», щедро дали одnorуким бандитам полтора года подзаработать на счастливую старость, а училище вычистили по-стахановски за два неполных месяца!

Ну-у, на то он и народ, не способный понимать как микро- так и макроэкономику. «Макроэкономикс», как говорят преподаватели студентам экономических факультетов.

В официальной прессе внезапную ликвидацию военинститута как-то невнятно, сквозь зубы, без излишних комментариев и всего-то единожды в местных раннеутренних новостях, которые полусонный народ не слушал и не смотрел, объяснили «структурной оптимизацией армии с повышением ее мобильности и эффективности нанесения точечных ударов по вероятному противнику». Приоритетом полагается борьба с международным терроризмом. Скромненько и со вкусом.

Итак, офицеры перестали столоваться в «Главштабе» и в притулившемся к нему противозачаточном ларьке. Последний скоренько закрылся за ненадобностью, а погрустневшие штабс-офицантки и

буфетчицы без интереса приступили к обслуживанию редких посетителей из числа университетской профессуры-доцентуры. Даже диссертационные банкеты штатских преподавателей ни в какое сравнение не шли с гусарящим офицерским застольем... *«Повсюду страсти роковые и от судеб защиты нет»**.

Кстати о цыганах. Поводились было в лишенное офицерского присутствия заведение прилично одетые в партикулярное платье с золочеными галстуками и такими же вставными зубами пригородные цыгане. Но опытный в житейских реалиях хозяин подвальчика скоренько прикрыл намечающийся очаг мелочной наркоторговли, «наркобизнеса», как уважительно ко второму слову пишут в прессе, пару раз вызвав наряд крышевиков в красных шапках.

...Обо всех этих перепитиях «Главштаба», как-то боком вписавшегося в высокую губернскую — и беря куда выше! — политику, мигом вспомнили наши приятели, взглянув друг на друга и заговорщицки перемигнувшись, сами же осторожно спускаясь по крутой лестнице с изгибами в интимный полумрак пустого в этот неурочный час заведение, особо стараясь не зацепиться ногами за цельнометаллическую (это как телефон у старика Хоттабыча) копию пулемета «максим», отлитую из серого чугуна с зеленой армейской покраской и ярко-красной звездой на щитке. Пулемет стоял на полу впрыток к барной стойке и маскировался в расслабляющей полутьме высокими стульчиками. Недалеко и до беды!

♦ Буфетчица, она же штабс-официантка удивительной стройности ног и всего остального, припомнив изредка заходящих с диссертационными банкетными стайками университетских преподавателей гостей, с удовольствием (на безрыбье... эх, где прежние молодцы-майоры!) выслушала дежурные комплименты

* А. С. Пушкин «Цыгане».

и скоренько сервировала столик подальше от чугунового «максима» со множеством опасных для нетрезвых ног посетителей крюков-затворов, рычагов и прочей механики. Местный завод, кстати, основанный по второму году Империалистической войны специально для массового выпуска этих самых «максимов», выполнил заказ торговой точки на совесть, отлив механизм с сохранением всех внешних форм: хоть сейчас ставь на махновскую тачанку в съёмочном павильоне «Мосфильма»!

Закусив охлажденную первую селедочкой — не баночной магазинной, но кухонного раздела, — сладко провалившейся в желудки, мигом наполнив их восторгом вострепнувшегося аппетита, приступили к прологу беседы. Официантка обещала принести фирменное харчо от шеф-повара через десяток минут.

— Знаешь, Васильич, почему наш классик Антон Палыч так хорошо, чувственно писал об изысканной еде и первой, разгонной стопке?

— Должно быть большим любителем отобедать в приличном трактире, ресторации имел честь быть.

— Отнюдь, все наоборот. В юности таганрогской родители-мещане скуповаты на разносолы были, а в университетские годы в Москве и вовсе алтушки на хлеб и квас считал. А кругом в Белокаменной самый расцвет русского капитализма; витрины зеркальные магазинов ломятся от деликатесов, удачливые купцы и воры-подрядчики от бума железнодорожного строительства гуляют напропалую, в «Яре» зеркала шампанскими бутылками бьют, цыгане и румыны* пляшут для них сутками напролет... Голодный Антоша Чехонте со впалым животом и

* После изгнания царем-освободителем Александром II турок с Балкан румынские «певцы и танцоры» заполнили Россию от Одессы до Москвы, составив серьезную конкуренцию традиционным цыганам. В купеческом быту «поехали к румынам» все чаще стало вытеснять «поехали к цыганам»...

язвил-то беспощадно в своих ранних юморесках от невольной зависти к этому пиршеству телесному...

— Постой, постой, Андреяныч. Но ведь к середине четвертого десятка уже и именище в Мелихово имел, академиком императорским избран, гонорары ого-го! Трескай семгу с осетриной — ешь не хочу, мадеру глуши, а?

— Увы, Василийч, полуголодные годы юности и ранней молодости, резкая перемена климата — Москва после солнечного Приазовья, а также язвительность, явно перешедшая в какой-то мере в желчность, сделали свое нехорошее дело: обострилась врожденная чахотка, а по принципу обратной связи, как в наших инженерных кругах говорят, и желудок с кишечником подвели... Какая уже здесь копченая семужка с мадерцей, что прямиком с одноименного острова с якорем на этикетке?! Да еще и поездку на Сахалин на перекладных, не дождавшись года до открытия Транссиба, сам себе придумал. Вот и пришлось Книппер-супруге по утрам заказывать кухарке не разносолы, но диетическую размазню.

Жалко мужика, так и не сумел попользоваться изысками русской, а равно и любой другой, кухни. Чуть нобеля не получил первым из наших писателей. Толстой-то Лева от нее высокомерно отказался...

— Андреяныч, вижу Светочка наша харчо на поднос устанавливает. Разливай по второй, а я к сегодняшней теме перехожу.

Харчо — едово основательное, требует к себе уважительного внимания и вовсе не терпит пустобрешенства. Словом, по пословице: когда я ем, я глух и нем. Потомок старообрядцев Николай Андреянович это хорошо понимал: в раннем детстве, если заговаривал за едой, то отец, хотя и был цивилизным военмором, слегка хлопал его ложкой по лбу. Не своей, староверы личные съестные приспособления из рук не выпускают даже для праведного дела.

На обеденном столе для воспитательного дела всегда лежала чистая деревянная с лаковой росписью под «хохлому». — Не больно для детского лба, но полезно для воспитания.

♦ — Ты, Андреяныч, моего свояка, тестя младшего брательника Витьки, не запамятовал? Года два тому назад, когда меня благодарные коллеги-ученики заболлатировали на профессорских перевыборах, с тобой ездили к нему в пригород на шашлыки.

— А как же! Бывший матрос с крейсера «Киров», который я воочию в северном своем детстве не раз видел идущим по Кольскому заливу. Еще мы с Прокофьичем по годам вычисляли: получилось, что именно он на крейсере тогда проплывал мимо нашего маячного острова Большой Олений. И супруга его Тихоновна хлебосольная хозяйка, а вот Мичман и вовсе фору даст мультфильмовскому Матроскину? К чему вспомнил, случилось не дай бог чего?

— Тьфу-тьфу, перекрестись! Все распрекрасно живы-здоровы; Мичман и вовсе к этой зиме, знать, морозная ожидается, шерстистость закатил — на брюхе до пола свисает. Вспомнил же с умыслом: Прокофьич — вот натура неутомимая! — все домище свой явно под помещичьий благоустраивает: все лето возился и соорудил в своей «диванной» — библиотеке натуральный камин. Нельзя, говорит, даже в газифицированной избе без печки проживать; плита-то Тихоновне при газовой ни к чему, поэтому и камином под аглицкий ограничился. Плиткой узорчатой старинной выложил, а решетка прямо музейная...

— Где же раздобыл? Небось китайские поделки...

— Козыряй! Все из старого помещичьего или чиновничьего быта: прослышал от тамошнего участкового Кольки Шустова, что окрестный барон Филимон перевел свой табор в оседлых цыган, вписался в какую-то областную программу культурную, день-

жищ немеренно с властей под нее содрал, целую улицу домами застроить собирается. Еще Колька, по долгу службы инспектируя начавшуюся стройку, обратил внимание: цыганства откуда-то приволокла старого строительного барахла. Заинтересовавшись, как любитель бытового антиквариата, Прокофьич упротисил за литровку домашней на смородиновых почках надзирателя как-нибудь взять его с собой в обход, где и обнаружил узорчатую плитку и решетку тонкого литья и выковки.

Словесно добавив к литровке вторую и пару кило проявленного окорока, что от забитой по осени свиньи, Прокофьич отобрал нужное, которое Шустов тотчас реквизирует и велел паре цыганят покрепче донести до его дома.

— И-и, что с камином-то?

— Да все исправно, не дымит. Тепло от него духмяное, березовое. Мичман теперь только по крайней нужде — пожрать на кухне — выходит из «диванной». А дело в том, что Прокофьич, скучая по общению с интеллигентными, так сказать, людьми, приглашает нас с тобой («захватывай, мол, моего земляка по Северу») раз в неделю — две, как вам высокоученые занятия в городе позволят, приезжать «на камин» — отдохнуть, поговорить о житье-бытье, расслабиться как здоровье позволяет...

— С удовольствием. Не будем мешаться под ногами, небось, по выходным вся родня ваша там собирается?

— А зачем в выходные. Я-то человек свободной профессии, научный консультант... если только какому замученному учебной текучкой препода придет в голову дичайшая мысль о чем-то, выходящем за рамки затверженному им на всю жизнь учебника, консультироваться. У тебя как с расписанием?

— Четверг полностью свободен. По крайней мере на этот семестр.

— И замечательно! Пусть будут «четверги у Прокофьяча». Это как «Толстовские четверги» в нашей центральной городской библиотеке. Будем подражать классикам. Заодно на лыжах покатаемся здоровья для.

— Да у меня их и нет, лыж-то.

— Думаешь, у меня они водятся? Но в холодной кладовке Прокофьяча столько пар и ботинок на все размеры стоит — на всех приезжающих найдется. Родня тоже не в городских квартирах их держит. Так что послезавтра в десять, нет, лучше в девять, в спортивной униформе — шерстяные носки под лыжные ботинки не забудь — встречаемся у автовокзала — оттуда автолайн прямо к «дому с камином» подвезет. Давай, по третьей за успех мероприятия и под киевские котлеты с картошкой-фри.

...В ближний четверг после лыжной прогулки и сытного домашнего обеда с превосходной домашней — от хозяина и захваченной с собою «старкой», что уважал Прокофьяч, расположились в «диванной» перед раскопчегаренным камином. Мичман, остерегаясь прямого огня, нахально разлегся на низком столике навроде журнального, чуть обок недопитой бутылки «старки» и тарелок с легкой закуской. Прокофьяч, доложив о последних книжных приобретениях по морской тематике, убыл по хозяйственным делам, а Игорь Васильевич открыл истинную причину «четвергов»:

— Задумал новую книгу: об оскудении современных человеческих умов. Ты много чего знаешь и рассказчик отменный. Вот давай на пару и сочиним ее. Для начала вспомним оригинальные головы века прошедшего.

— Вот-вот, вспомнил об одном таком.

Несомненно, что в планах мировой закулисы, уверенно направляющей нашу страну в пропасть, русская наука приговорена и обречена. Тем не менее она еще долго будет дотлевать — в силу инерции и набранного в сталинские времена разгона. Останутся кой-где университеты, где, наряду с подготовкой полчищ менеджеров, юристов, экономистов-недоучек, управляющих казино и публичными домами, в полуподвальных помещениях сохранятся малочисленные факультеты научно-технических специальностей. Студентов там обучают по старым учебникам советской поры, а состарившиеся лауреаты Ленинских и Государственных премий, некогда создатели космических станций и мощных атомных подлодок, за грошовые гранты модернизируют подишпники для местного филиала южно-корейского автомобильного гиганта.

Матерый профессор, лауреат и орденосецу обоих режимов — предыдущего и нынешнего,— поучает самого способного из нынешних своих аспирантов:

— Ты, Егор, парень умный и старательный. Диссертация у тебя идет хорошо. Несомненно, со временем из тебя получится достойный ученый-экономист. А экономика — это двигатель прогресса в наше время самых смелых реформ и гигантских национальных проектов...

— Василий Матвеевич, я что-нибудь не так делаю?

— В общем-то есть один нюанс. Как бы это... э-э, сейчас у нас патриотизм в фаворе, а ты все практические примеры для своих теорий прямо как по американскому учебнику «Макро-экономикс»: производство «кока-колы», лизинг оборудования для ее же изготовления, транспортная логистика для «пепси-колы»...

— Так ведь на самом деле у нас эти фирмы на рынке прохладительных напитков главенствуют?

— Ну, это всем понятно. Но нельзя ли для благозвучности на защите диссертации, оставив все цифры и выкладки, оперировать, например, напитком «Колокольчик», а?

Заулыбался умный Егор, а на защиту вышел с маркетингом кваса.

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ: СЕРЖАНТ С ОСТРОВА САХАЛИН* (БЫЛИ ЛЮДИ В НАШЕ ВРЕМЯ...)

♦ Николай Андреянович сразу после пресловутого «миллениума» оставил-таки долгую и беспорочную работу в НПО «Меткость», хотя среди сотрудников трижды орденосного флагмана бывшего военно-промышленного комплекса страны в моде было иметь всего две записи в трудовой книжке: поступил после школы, профтехучилища или института — уволился по собственному желанию через десять лет после исполнения пенсионного возраста. И все: подпись кадровика, печать. И хотя Андреяновичу, как его после пятидесяти лет стали звать молодые сотрудники отдела, до пенсии было еще семь лет, но... уволился. Дело даже не в слишком скромной зарплате, к чему в его семье попривыкли, а просто пропал интерес к прежде столь увлекшей его конструкторской работе — явное следствие общего климата в НПО. Вяло доделывались изделия, начатые еще в советское время, а новых разработок не начинали: никто «сверху» не предлагал, финансирование отсутствовало. Даже предоставленное предприятию почетное право самому вести дела с зарубежными заказчиками из Эмиратов, Сирии и других арабских стран оптимизма не прибавляло.

Опять же среди работающих и руководящих на рубеже веков и тысячелетий произошло классовое расслоение: несколько десятков привилегированных зарплату получали в мешках, которую и отвозили домой в сопровождении ВОХРовского (а кое-кто и

* От автора: настоящий рассказ основан на действительных фактах; все приводимые данные давно рассекречены и опубликованы в открытой научной периодике 1990—2000 гг. Имена исторических персонажей сохранены; имена ныне живущих и главного героя — изменены.

личного) охранника, а остальные пять-шесть тысяч инженеров и рабочих — сунув несколько крупных кредиток (после деноминации и дефолта) в нагрудный карман пиджака... Как говорится, что положено Зевсу, то не положено быку. Бывшие советские инженеры любили щеголять интеллигентскими присказками от латыни.

Собрав в «бегунке» все необходимые подписи, Николай Андреянович отправился в отдел кадров НПО, попутно отметив небольшую очередь к кадровикам, причем состоявшую из молодых специалистов. На правах старослужащего протянул свои бумажки старшему инспектору по кадрам через голову несостоявшихся инженеро́в. Те, правда, вежливо расступились, пропустив его к барьеру.

— А вы-то, Николай Андреянович, пошто увольняетесь? — изумилась почтенная Таисия Егоровна, более четверти века назад принимавшая его, выпускника местного технического института, на работу, правда, на другом предприятии: Центральном КБ агрегатостроения.

Из дальнейшего разговора выяснилось: массовый отход «за ворота» молодежи объяснялся тем, что Минобороны буквально на днях снял бронь с НПО, равно как и почти со всех предприятий бывшего ВПК страны. То есть если раньше молодые выпускники все того же института, теперь университета, поступали в «Меткость» и рассеянно щелкали по клавишам компьютера до достижения двадцатисемилетнего возраста, а потом тотчас, в день рождения, увольнялись и шли в офисники-коммерсанты, то теперь это делают, не заходя в НПО, другие КБ-НИИ и заводы-фабрики.

Выслушав рассказ Таисии Егоровны, Николай Андреянович на один миг почувствовал себя дезертиром с трудового фронта.

♦ Поскольку наш знакомец, словно что-то пред-

чувствуя кардинальное в своей судьбе-работе, еще пару лет назад защитил кандидатскую диссертацию в совете при НПО «Меткость», то без труда устроился доцентом на военно-конструкторский факультет все того же родного университета. На факультете почти половина преподавателей ранее трудилась в «Меткости», поэтому Николай Андреянович как бы и не уходил с родного предприятия, а, например, перешел в другой отдел... Однако в курилке, возобновляя знакомство, все же поязвили в отношении «Меткости», теряющей свои кадры.

Язвили не злобно, даже с легкой ностальгией, но ведь все знают эту черту доброго нашего народа: отрезанный и съеденный ломоть всегда каравай бранит.

Попривыкнув за семестр к почти вольной жизни университетского «препода», как их за глаза называют нынешние студюзусы, Николай Андреянович всерьез задумался над неожиданным приглашением из самостоятельного Харькова: приехать на научную международную конференцию по профилю бывших совместных работ на несокрушимую и непобедимую Советскую Армию. Понятно, что теперь тема ученого собрания носила сугубо конверсионный характер с дружественной политкорректностью.

То есть за Белгородом и ближней границей Николая Андреяновича ждали старинные знакомцы, главное — конференция была посвящена юбилею профессора и академика Валентина Леонидовича Просвирнина, бессменного руководителя радиоконструкторского НИИ, большого друга и Генерального «Меткости», и ректора университета. Ведь некогда постсоветский теперь мир был очень тесным...

А ректор, тоже, конечно, получивший приглашение, по неделям бившийся в Москве с минвузовскими чиновниками, поехать не мог, потому поручил нанести визит декану военно-конструкторского факультета с парой своих сотрудников. Понятно, что

Николай Андреянович, похваставший приглашением, автоматически был включен в бригаду. Хотя в душе несколько и поморщился, попривыкнув к сидячей жизни без ненужных сейчас на предприятиях командировок (в своем соку все варятся, как одноименные рыбные консервы), но тут же и взбодрился. Тем более — новоиспеченному доценту негоже ректора и декана слушиваться. Да и любопытно: как там жизнь у незалежных? Опять же супруга, полухолушка, никогда на Украине не жившая, очень интересовалась.

...Уже вернувшись из командировки, Николай Андреянович за поздним ужином, прямо с харьковского поезда, рассказывал жене, дескать, жизнь как и у нас в общем, как и прежде, только по-русски говорят, а что в Киеве и у западэнцев происходит — их мало волнует. Получалось из его слов, что самое интересное — это пересечение на поезде границы с украинской стороны; такие спектакли самостийные погранцы устраивают?!

Ну, да читатели все это хорошо знают: по собственному опыту или из прессы и телеящика. Как, например, вывоз в Россию куска сала или сыра свыше 400 граммов — подрыв экономической самостоятельности. И так далее.

Еще Николай Андреянович сказал, что видел «живьем» изобретателя водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза — из бывших младших сержантов. Но супруга уже начала мыть посуду и слова пропустила мимо ушей. К тому же наукой и техникой она сугубо не интересовалась.

♦ Прибывших с Украины иногородних конферентов и гостей из России, Белоруссии, даже койкого из настоящей заграницы разместили по весенне-летнему времени со скромным комфортом в загородном пансионате-турбазе госуниверситета. На заседания конференции возили на автобусе — одного на

всех хватало. Опять же заседания проводились в университете, ибо НИИ Просвирнина продолжало считаться оборонным. Из культурной программы любитель классики Николай Андреянович выбрал знаменитый оперный театр (давали неуместную вроде как в самостийной «Хованщину»), автобусную прогулку по достопримечательностям довоенной столицы Украины и, конечно, заключительный банкет.

От Т-й делегации с основным докладом выступал декан, а профессор Сергей Яковлевич Расстригин и Николай Андреянович кратко доложились на одном из секционных заседаний.

На второй день конференции, пообедав в перерыве между пленарными заседаниями в университетской столовой, в оставшиеся до начала докладов четверть часа Николай Андреянович прогуливался в компании двух давних знакомцев из НИИ Просвирнина по вестибюлю перед актовым залом, вспоминая былые дни, когда харьковские гости по неделе-другой «зависали» в кабинетах и конструкторских залах «Меткости», а вот Николаю Андреяновичу — по малости его чина — в Харькове побывать не удавалось; только из окна поезда видел, направляясь с семьей на черноморский отдых.

— Смотри? — перебил один из харьковчан рассуждения Николая Андреяновича об особенностях нынешнего российского высшего образования, в частности, об обезьянническом введении квалификаций бакалавр-магистр, — никак сам Игорь Алексеевич на сегодняшнее заседание пришел. Давно его не видел, а все таким же молодцом! И по-прежнему в Институте физики плазмы* ведущим научным сотрудником работает.

— А-а кто это? — и Николай Андреянович

* Входит в структуру Харьковского физико-технического института (ХФТИ).

внимательно осмотрел бодрого старичка лет семидесяти пяти в аккуратном костюме-тройке, с пластиковой папочкой подмышкой, неторопливо подходившего к дверям актового зала. — А фамилия его как?

— Ах, да у вас в России его фамилия — Прокофьев — пока еще малоизвестна, хотя статью о нем я намерен видеть в свежем номере «Успехов физических наук»*, но ты, Андреяныч, как профи-конструктор, всяких там физиков-теоретиков не читаешь... А Игорь Алексеевич — двойной крестный отец мирового масштаба: изобретатель водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза, то есть «токамака» достославного...

— Постой, постой, Васильич, — прервал Николай Андреянович, принимая услышанное за особый харьковский юмор, — какой изобретатель? А Курчатов, Сахаров, Харитон... Кто там еще? — Тамм и Зельдович, кажется?

— А вот так. Конечно, бомбу и «токамак» делали десятки и сотни институтов и конструкторских бюро, и названные тобою авторитеты, в науке, конечно... вот жизнь пошла: говоришь слово, а оно по нынешнему уже другой смысл имеет! — Так они, команда Курчатова, всю ядерную физику, разумеется, перелопатили и руководили конкретным созданием водородной бомбы и «токамака», а вот основополагающие идеи по ним, по их устройству и принципу работы практически из ничего придумал Игорь Алексеевич — тогда с семиклассным образованием и солдат Советской Армии...

На этом его прервал вестибюльный звонок, приглашая на вечернее пленарное заседание.

— Вот что, Андреяныч, у нас же сегодня ответ-

* Наиболее авторитетный в России журнал по теоретической физике; издается Академией наук на русском и английском языках.

ный визит: небольшим коллективом едем ужинать к вам на турбазу, там и заночуем. Так что будет время рассказать о нашем уникале. Пошли заседать!

◆ Несмотря на свои двадцать три года и невеликое воинское ефрейторское звание, радиотелеграфист Игорь Прокофьев успел поучаствовать в войне, уйдя на нее восемнадцатилетним добровольцем в последний год, потому воевал в Прибалтике. После Победы только на неделю приехал в Псков к родителям, а далее еще на пять долгих лет отправился дослуживать на Сахалин, только что освобожденный от японцев.

Мать, Александра Федоровна, работавшая медсестрой в городской больнице, и отец, Алексей Николаевич, служивший в горкомхозе, и обрадовались приезду сына, и огорчились новой разлукой — правда, уже без войны. Игорь же дал себе слово: вернувшись с действительной — жить вблизи родителей. Но получилось, что дальше он виделся с ними только наездами... Человек полагает, а бог располагает.

В своей части он был далеко не единственным, а одним из многих, позвякивавших боевыми медалями на гимнастерках; кое-кто имел и ордена. Игорь прибыл на Сахалин в определенный ему гарнизон с медалью «За победу над Германией», а в сорок восьмом году, когда добровольно-принудительно стал сверхсрочником, вместе с двумя лычками на погоны* получил и «XXX лет Советской Армии». Во всяком случае курносому «унтеру» лихо первыми отдавали честь бойцы первых послевоенных призывов.

После войны — любая мирная служба хороша, а не избалованному климатом псковскому уроженцу, скромным семейным достатком, особенно в военное лихолетье, жизнь на всем готовом протеста и душевного неурейства не вызывала. Жаркое, но не знойное лето, относительно короткая, маломорозная

* То есть звание младшего сержанта.

зима, долгая «золотая» осень и бурная весна, изобилие ранее не виданной красной рыбы: кеты и горбуши — даже в солдатском рационе. Уха из кеты на обед, жареная горбуша с картофельным пюре на ужин. Главное — не приедалась краснорыбца. Как и хлеб отменной гарнизонной выпечки.

...Пожалуй, что и кривил слегка душой Игорь, сообщая в письме к родителям о почти приказном переводе в сверхсрочники. Многие кадровые, вкусившие от войны, продлевали свое пребывание в армии. Благо, это встречало живейшее понимание начальства. Имелось указание высшего командования как можно дольше удерживать боевых солдат и сержантов на службе. Послевоенные десантники так вообще по семь лет отслужили. Начиналась «холодная» война с Западом, армия должна быть боеспособной и многомиллионной. Опять же потенциальные призывники второй половины сороковых годов были нужнее на гражданке: старшие поколения повыбиты войной, а нужно в кратчайшие сроки восстановить страну, подготовить сотни тысяч, даже миллионы специалистов — от фабзайцев* до инженеров, врачей, учителей.

И сами бойцы, уходившие на сверхсрочную, особенно хорошо знавшие жизнь бывшие крестьяне и горожане во втором поколении, к таковым и относился Прокофьев, зачастую не неволею, но охотой продлевали военную жизнь. Все они после Победы побывали в отпусках в родных местах: разруха, голод в деревнях, в городах карточки, тяжелая работа по восстановлению, всеобщая неустроенность, воровство и бандитизм... Конечно, патриотизм, долг партийца и комсомольца — все это присутствовало в молодых душах, но человек есть человек. Да и не

* Учащихся и окончивших фабрично-заводские училища — тогдашние прообразы ПТУ.

отсиживаются они в каптерках и камбузах, а несут напряженную, без поблажки службу. А к дисциплине еще на войне попривыкли.

♦ Поначалу службы на Сахалине Игорю становилось неловко, когда вспоминал о родителях в полуразрушенном Пскове, но уже через год поуспокоился, читая письма из дома, а в семье их не было принято что-то утаивать даже из самых добрых побуждений; Алексей Николаевич и Александра Федоровна родом из крестьян псковской губернии и уже взрослыми людьми, хотя и молодыми еще, каждый порознь, перебрались в город на втором году советской власти. Там и встретились, поженились, а летом двадцать шестого года явился на свет сын: курносый и темноволосый — в коренную псковитянку-мать. Назвали его по-городскому; имя Игорь было тогда в моде, как несколько позже по «красным святцам» популярными стали немецкие имена: Альфред, Адольф, Генриэтта, даже Рем. Германия долгое время полагалась следующей страной советов...

А из незатейливых и нелукавых писем матери Игорь чувствовал: жизнь на «Большой земле» начала налаживаться, благо родители были при твердой работе, и дом, где они издавна квартировали, в войну совсем не пострадал. Дядька отца занял хорошую должность в горисполкоме, помогал чем мог.

Сам же зажил по-армейски уютно. Строевой, как ветерана, не заматывали, а служба радиотелеграфиста и вовсе не пыльная: знай себе морзянку стучи и не ошибайся при приеме, но слух у него был хороший, почти музыкальный, на гармошке поигрывал иногда. Не на своей. Главное — телеграфная служба вахтовая: полусутки, с двумя перерывами на еду, в аппаратной, вторые — свободен. А если вахта ночная, то к телеграфному ключу и вовсе редко приходится прикасаться, просто наушники с заглушками из мягкой пористой резины нельзя снимать, а при

появлении «точек-тире» записать принятый текст и передать через посыльного рядового дежурному офицеру узла связи. Но и это за ночь только пару-тройку раз случалось. Все привыкают к мирной жизни: и бойцы, и офицеры. Вот только генералы и адмиралы по ночам не спят — из числа ответственных за округ, флота и соединения; им ведь запросто может в три часа ночи позвонить Иосиф Виссарионович, а то и Булганин, Василевский, Рокоссовский...

И не только времени свободного или почти свободного — на ночной вахте — прорва, но и житейской сутолоки нет. Как сменным дежурным по узлу связи дивизии, им с младшим же сержантом Петром Полуяновым не в казарме, а в том же здании узла, положена жилая комната на двоих; рубка, как принято говорить у связистов. А поскольку с Петром они виделись только два раза в сутки на приеме-сдаче вахты, то считай, что, как у женатых офицеров: личная комната, с большим окном, двумя кроватями — и не в ярусы, как в казарме, а особняком. Вместо тумбочек — поместительный шкаф-комод, трофей от японцев; правда, замысловатые картинки и иероглифы закрашены лаковой краской светлорычжевого цвета. Главная роскошь — неведомо как сюда попавший двухтумбовый стол, а при нем прочнейший стул с полумягким сидением и высокой резной спинкой. Связисты из старослужащих поговаривали, что до устройства в здании узла связи здесь короткое время обитала какая-то трофейно-интендантская часть.

Вовсе не портили интерьер и домашность комнаты окрашенные синей масляной краской в рост человека стены, беленый потолок с матовым плафоном светильника, лампа с «ленинским» абажуром на столе и покрытый черным дерматином топчан. Раньше он предназначался для подменного телеграфиста, но потом эту должность отменили и ввели посыльного

рядового, который квартировал уже в своей казарме.

В гарнизонах свято место пусто не бывает, поэтому топчан избрал себе для проживания здоровенный рыже-полосатый кот Самурай, прописавший себя на житье и прокормление к узлу связи при разделе соплеменниками территории части. Из всех четырех жилых комнат здания он выбрал рубку сержантов-телеграфистов, как наиболее уютную и малолюдную. Ночью Самурай уходил по своим котовским делам, а днем спал на топчане, поближе к раскаленной (зимой) печке-голландке, выходившей четвертью черного железного цилиндра по углам четырех же смежных комнат. Топка печи располагалась в комнате радистов-ремонтников.

Прямо над топчаном к стене были принайтованы строгие военно-морские часы — круглые, размером с суповую миску и с 24-часовым делением оббегаемой стрелками окружности-циферблата. В морозные ночи и позднеосенние дожди Самурай спал на топчане круглые сутки с двумя перерывами на еду.

Еще в рубке имелась радиоточка-репродуктор.

♦ И еще два важных для молодого человека вопроса решилось. Во-первых, как сержант-сверхсрочник он был поставлен на денежное довольствие. Это его первая в жизни «зарплата». Во-вторых, решился вопрос и с продолжением образования, которое ранее ограничивалось окончанием седьмого класса в Пскове за несколько дней до начала войны.

Гарнизон их военной части располагался в километре от промышленного поселка, где имелась вечерняя школа для рабочей молодежи. Поразмыслив, в январе сорок восьмого года он написал рапорт командиру батальона, предварительно заручившись согласием начальника узла связи капитана Грищенко, благоволившего к старательному сержанту, а по войне и вовсе однополчанину: оба воевали в Прибалтике.

Комбат, майор Нестеров, в это время исполнял

обязанности командира полка, убывшего в Ленинград на годовичные курсы при Академии связи имени Семена Михайловича Буденного, то есть фактически начальствовал над гарнизоном, где размещался полк технического обслуживания и кой-какие вспомогательные подразделения. Остальная дивизия была разбросана по военным городкам в радиусе тридцати километров. Получив через штаб рапорт младшего сержанта Прокофьева и прочитав его, вызвал замполита Егорова:

— Вот, Виктор Феодосьевич, старослужащие наши уже третий рапорт о разрешении учиться в вечерней школе подают. Как полагаешь?

— Ну-у, Матвей Григорьевич, мы и сами кто-где упущенное за войну доучиваем. Почему бы и сержантам в гражданскую жизнь с аттестатами зрелости не выйти? Главное, чтобы службе не помешало.

— Согласен, значит. Я тоже к этому склоняюсь, но прежде побеседую со всеми тремя. Кстати говоря, завтра с утра я буду в узле связи, есть дело до Грищенко, вот и начну с Прокофьева. Кое-что о нем слышал от офицеров-связистов и нашей библиотекарши: этот младший сержант в ее хозяйстве завсегда.

В десять утра следующего дня Игорь покойно спал сам-двое с Самураем, сменившись с ночной вахты. Раскаленная боковина голландки заполняла рубку пряным теплом. Только расписанное сплошным узором окно напоминало: на улице трещит еще не отошедший от ночи нешуточный январский мороз. Зима на Сахалине выдалась почти сибирской.

Поэтому вестовому капитана Грищенко стоило трудов растолкать разоспавшегося младшего сержанта:

— Вставай, служивый, там тебя комбат требует!

Это подействовало, но не успел Игорь перепоясать гимнастерку ремнем, как в растворенную вестовым дверь вошел и сам комбат Нестеров, полуобер-

нувшись в коридор и кому-то, вроде как Грищенко, на ходу говоря:

— ...Не заблужусь, чай, в трех соснах, то есть в четырех комнатах, не усердствуй по обыденным делам, лучше со связистами своими разберись!

Сержант все же успел застегнуть ремень и даже бросить пальцы к пуговицам ворота гимнастерки, поздно сообразив: на ногах не сапоги, а войлочные обутки-тапки для времяпрепровождения в рубке.

— Здравия желаю, товарищ майор!

— Здорово, здорово, младший сержант, — комбат, делая вид, что не замечает полудомашних обуток, махнул рукой тоже вытянувшегося по струнке вестовому:

— Свободен. А ты, Прокофьев, вольно, расслабься, ты ведь с вахты, заслуженно отдыхаешь.

Комбат остановился посреди рубки, с интересом осмотрелся, а увидев потягивающегося на топчане, разбуженного и недовольного Самурая, восхитился:

— Так вот кто папаша нашего Сеньки, что дочка летом домой принесла. Ну и зверюга!

— Присаживайтесь, товарищ майор, — слегка запоздало сержант отодвинул, полуразвернув, от стола знаменитый стул с высокой спинкой.

Нестеров кивнул, сел на стул, внимательно осмотрел стол с раскрытой общей тетрадью, авторучкой, «офицерской» линейкой, двумя справочниками с заложеными бумажками страницами: по физике и по математике. Стол вплотную примыкал к широкому подоконнику, использовавшемуся в качестве книжной полки, плотно уставленной школьными и вузовскими учебниками, толстыми томами монографий, журналами по механике, молекулярной физике, электромагнетизму, ядерной физике.

— Слышал, что интересуется новейшей наукой. Где литературу-то берете?

— В библиотеке нашей части, товарищ майор, —

учебники. Иногда в поселковом когизе* покупаю, но туда научную литературу редко завозят, поэтому чаще заказываю «книга-почтой» из Владивостока и Хабаровска. Журнал «Успехи физических наук» по подписке на почте получаю...

— Что-то даже не слышал о таком. А почему именно им интересуешься?

— Так, товарищ майор, это основной физический журнал в СССР, именно в нем печатают все новейшие обзоры по ядерной физике.

— А ты ядерной физикой увлекаешься?

— Так точно, еще когда перед войной в седьмом классе учился в Пскове. Учитель физики у нас замечательный был, говорил, что будущее всей промышленности — это ядерная энергетика. Меня он сразу выделил, давал книжки разные читать, назначал на уроках выступать с докладами по цепной реакции изотопов урана, разделении изотопов уран-двести тридцать пять и уран-двести тридцать восемь. И об атомной бомбе тогда уже писали. Сейчас продолжаю учиться.

— А не высоко берешь, сержант Прокофьев? Тут взводб и роты академиков, полки профессоров головы ломают, а ты... Впрочем, молодец! Нет такого солдата, который не хотел бы стать маршалом. Это Наполеон так сказал.

♦ Разговор затянулся почти на час, даже в полуотворенную дверь дважды Грищенко с любопытством заглядывал, но комбат отсылал его взмахом руки. Выяснилось, что Нестеров сам из учительской семьи, из Калуги. Отец математику преподавал, в доме их часто бывал Константин Эдуардович Циолковский, слушал собеседников, приставив к уху черную слуховую трубочку с раструбом наружу...

* Так в 40—50-е гг. в просторечии называли книжные магазины.

В итоге комбат разрешил Прокофьеву посещать поселковую вечернюю школу, а для общей пользы обязал его пару раз в месяц в рамках текущей учебы командного состава части читать лекции для офицеров по новинкам военной техники, в частности, по атомному оружию,— из общедоступных источников, разумеется, по американским данным.

На первых занятиях офицеры с легкой усмешкой поглядывали на лектора, худощавого и курносого младшего сержанта со слегка оттопыренными ушами. Состав же слушателей неявно делился на две части: молодые лейтенанты послевоенных выпусков военных училищ, но уже не ускоренного обучения, как в войну, а прошедшие полный курс, и старлеи и капитаны, заработавшие свои немногие звезды на погоны тяжелым ратным трудом, в том числе и окончившие училища-скороспелки. Поскольку же полк являлся техническим, то уже со второго-третьего занятия слушатели более не акцентировали внимание на двух лычках черных погон лектора, но с интересом слушали его.

Когда же Прокофьев рассказывал о параметрах и устройстве атомных бомб, сброшенных американцами на Хиросиму и Нагасаки, то офицеры шушукались: в войсках слухи быстрее, чем на городском базаре, распространяются. Хотя бы до 29-го августа сорок девятого* оставалось еще полгода. А как-то после окончания занятий Прокофьева попридержал в коридоре штабного здания капитан Новостроев из второго («чужого») батальона, дружелюбно пригласил сержанта-лектора в «свое хозяйство» по-соседству попить чайку с вареньем, которое замечательно готовила на зиму домовитая супруга. А за чаем-вареньем, действительно превосходным, рассказал Иго-

* Дата испытания первой советской атомной бомбы РДС-1 (Американцы называли ее ДЖО-1 — в честь И. В. Сталина).

рю, уже переставшему смущаться общению — не по чину — с офицерами, как где-то по осени сорок пятого свел знакомство во Владике*, в гостинице военной КЭЧ**, с молодым лейтенантом-летчиком, а точнее штурманом. Выяснилось, что оба командированные, поселившиеся в маленькой комнатке на двоих, земляки — из Тулы, даже общих довоенных знакомцев нашли...

А раз так, то ужинать пошли в приличный ресторан, переодевшись в непривычные пока парадные мундиры. Дело в том, что Георгий Константинович уже издал свой знаменитый приказ: офицерам посещать рестораны не ниже второго разряда в соответствующей форме одежды. В пивные и забегаловки ни ногой! Лейтенант носил легкомысленную для его почти двухметрового роста фамилию Железкин***, а в конце ужина под большим секретом — «как офицер офицеру, земляку тем более» — рассказал, что только что вернулся из побежденной Японии. В составе экипажа военно-транспортного «дугласа» по приглашению, с умыслом конечно, американских союзников возил в Хиросиму важных генералов из Москвы — смотреть на результаты атомной бомбардировки. Генералы ходили по пепелищу, еще местами дымившемуся, а экипаж за ним увязался: где еще такое увидишь воочию!

— Так сколько же они рентген нахватили? — невежливо перебил Новостроева изумленный сержант.

— А кто их знает? Тогда ведь о радиации мало что знали.

— И он... Железкин этот сейчас жив?

— А куда он денется. Этим летом был с семьей

* Принятое на Дальнем Востоке название Владивостока.

** Квартирно-эксплуатационная часть (гарнизона).

*** Реальное лицо. Николай Андреевич работал с ним в НПО «Меткость» в 70—80-е гг.

в отпуске в Туле, и он туда же прикатил. Служит в Одесском военном округе, правда, уже не летает. И раз в год в госпиталь ложится на обследование и переливание крови. А так — здоров как бык, вторую дочь на свет произвел. Но генералы, кто умер, кто хворает сильно. Вот такие, брат, дела. Ты, конечно, интересно сегодня рассказывал о термоядерном синтезе в энергетике, в промышленности, но все же мы люди военные, поэтому, будь добр, одно из следующих занятий посвятить радиации как долгодействующему поражающему фактору. Другие офицеры тоже интересуются.

♦ Расставшись с любознательным капитаном, Игорь поспешил в свой узел связи на полусменную вахту; занятий в вечерней школе сегодня не было. Учитывая, что теперь Прокофьев отвлекался на учебу и занятия для офицеров, Грищенко, по подаче сверху, утвердил новый график дежурств Прокофьева и Петра Полуянова, введя чередование сменных и полусменных вахт.

Ближе к ночи Петруха и сменил его. В мороз не хотелось из тепла здания бежать в круглосуточную дежурку столовой, поэтому в рубке достал из шкафа резервную банку тушенки, полбуханки ржаного, заварил чай, используя самодельный кипятильник. Поел, не забыв про проснувшегося Самурая, сел за стол и раскрыл тетрадь.

В голове еще вертелись остатки разговора с капитаном Новостроевым, но он их усилием воли отложил «до лучших времен», вернувшись к всецело занимавшему его уже не первый месяц термоядерному синтезу. Тем более, что почти в каждом из получаемых им ежемесячных номеров «Успехов физических наук» содержалась обзорная статья по перспективам ядерной энергетики.

Уже приучившись читать между строк научные публикации по перспективной тематике, Игорь не

сомневался, что и в СССР наряду с созданием атомной бомбы уже проектируются атомные энергоустановки и целые электростанции, и в Америке многие участники Манхэттенского проекта переведены на «мирные рельсы». Но ведь на урановых реакторах не свет же клином сошелся? Опять же уран не кайлом или врубовой машиной в шахте добывается, как донецкий или воркутинский антрацит. За ним еще надо побегать, потрудиться. Еще Маяковский писал про радий, что в граммы добыча, а в годы труды... Опять же не только технические задачи приходится решать, а нечто посложнее. Офицеры вот в курилке, в перерыве занятий, шушукуются: мол, потому и Туву* в самый разгар войны присоединили, что там залежи урана.

А для термоядерного синтеза топливо хоть из ближайшей водопроводной крановоды или деревенского колодца бери! Главное препятствие здесь — это рабочие температуры, сравнимые с поверхностными на Солнце. Ни один материал на Земле такого не выдержит, расплавится тотчас. То есть все упирается в удержании 6000-градусной плазмы от соприкосновения с чем-либо кроме воздуха; впрочем, и последний здесь выгорит...

Школьную программу по физике он изучал по институтским учебникам Волькенштейна и Хвольсона — что нашлись в полковой библиотеке, поэтому хорошо усвоил основные принципы физического эксперимента: все новое надо стараться привести к аналогии с уже известным. Здесь Игорю, как работавшему с радиоаппаратурой, а в школе активному участнику радиокружка, в качестве такой аналогии на ум постоянно приходила обычная радиолампа.

* Тувинская народная республика, как и Монголия, находившаяся с 20-х гг. под «протекторатом» СССР, была в 1943 году введена в его состав в статусе автономной республики.

Тем более, что все устройство ее прекрасно просматривается через прозрачный стеклянный баллон: раскаленный катод испускает поток электронов, которые проходят через управляющие сетки, не касаясь никаких железок и стеклышек, и попадают на анод.

В школьные годы, имея дело только с обычными радиолампами из широковегательных приемников, нагревающимися во время работы, но не очень — в ладонь можно взять, — Игорь и не задумывался, что из себя представляет этот поток электронов. А вот в их узле связи стоят шкафы коротковолновых передатчиков типа «Победа» с киловаттами мощности на антенну. А от усилительных ламп ГУ-80 размером с двухлитровый термос так и пышет жаром; внутри же стеклянного баллона как горящая дуга электросварки. Вот здесь-то он понял, что такое раскаленная плазма, в данном случае электронная.

Но ведь, исключая испускающий катод и «принимающий» анод, эта плазма как бы висит и движется в вакууме баллона лампы, не касаясь, как в мощной ГУ-80, всех металлических и графитовых деталей.

Из прочитанных статей в физическом журнале и двух-трех специальных монографий, также выписанных им «книга-почтой» из Москвы, Игорь знал, что решение задачи удержания плазмы с солнечной температурой есть прямой путь к созданию термоядерного реактора и далее термоядерных электростанций. Идей предлагалось много, но все они закликивались на сверхогнеупорах, как в урановых реакторах, или, например, в доменной печи. Но поскольку 6000 градусов ни одно вещество на Земле не выдерживает, то инженеры-физики придумывали самые сложные устройства «термоядерных котлов» с системами охлаждения стенок: от циркуляции жидкого азота до многослойных конструкций с постепенным «съемом» слоев плазмой. Все это, как четко представлялось сержанту, не приближало к решению задачи.

Когда ему пришла в голову аналогия с радиолампой, Игорь заново и очень тщательно просмотрел всю свою литературу по ядерной физике, книги в полковой библиотеке, выпуски реферативного журнала по этой же тематике, что он тоже недавно стал выписывать по подписке. Увы, даже намек на удержание термоядерной плазмы в электромагнитном поле ему не встретилось.

«Ведь не может быть,— размышлял в ночной тишине и духмяной теплоте кубрика Игорь,— чтобы никому из мировых светил-физиков, нобелевских лауреатов, не пришла в голову эта мысль — идея на поверхности? Скорее всего, работы в этом направлении ведутся, но в глубокой секретности...»

Это несколько успокаивало, но тут же пришла еще более настырная мыслишка: «А почему, собственно говоря, это должно быть тайной? Во-первых, это не урановые реакторы, в которых оружейный плутоний готовят. Там сверхсекретность понятна и необходима. А вот в термоядерном реакторе никаких «отходов» для оружия не предвидится! Во-вторых, хотя и молод был сержант, не искушен вовсе в делах и тонкостях высокой научной этики-политики, но поминал: предметом заинтересованности государства, то есть тайной, может быть рабочее, техническое решение, но никак не общая научная идея. Иначе и законы Ома или Ньютона до сих пор держались бы под грифом «ОВ»^{*}.

♦ В служебных обязанностях, занятиях в вечерней школе, в вечерних и ночных бдениях в своем кубрике промелькнул до конца сорок восьмой год, и пробежали зимние месяцы года сорок девятого. Торопясь скорее окончить школу, Игорь даже не вос-

^{*} «Особой важности» — высшая форма секретности в СССР; исключительной важности была только форма «Я» — ядерная.

пользовался летом отпуском. Впрочем, из его письма Александра Федоровна и Алексей Николаевич поняли докуку сына и не очень обижались. Немного беспокоило, что сын ничего не пишет о планах на будущее и не такой уж далекой демобилизации. И невеста на примете есть...

А у сержанта Прокофьева на носу был месяц май, на Сахалине роскошный, но не до нее было Игорю. Положенный же отпуск он оформил и провел в подготовке к экзаменам — за три учебных года, которые он прошел в един, и выпускные. Все он сдал прекрасно, не краснея и запинаясь, получив в итоге из рук директора аттестат зрелости. «Первый случай в моей практике, молодец!» — похвалил его семидесятилетний ветеран образования Лев Павлович, — после демобилизации обязательно учись, Игорь, дальше. Живешь-то ведь рядом с Ленинградом. Будущее у тебя обязательно будет. Достаточно тебе воевать и служить, долг свой перед родиной сполна выполнил!».

Однако в то время демобилизоваться досрочно даже участнику войны было сложно: многие и срочную по семь лет тянули; обстановка в мире опять накалялась, теперь уже не от Гитлера, а от Гарри Трумэна. Стране нужны были сталинские дивизии из кадровиков, познавших опыт Великой войны...

Смирившись с обстоятельствами, Игорь продолжил свои ночные бдения в кубрике. Уже осенью тетрадка в сорок восемь листов была заполнена описанием, чертежами и кой-какими расчетами по термоядерному промышленному реактору. Исходная идея — только своя. Ничего, даже намеков на подобное сержант не нашел в физических журналах, самых свежих.

За основу реактора Игорь взял радиолампу, от которой и сама его идея возникла. Итак, два электрода, две сферы, как матрешки-куклы, расположе-

ны одна в другой с зазором. Причем внутренняя, малая сфера сплетена в виде сетки с ячейками, то есть прозрачна для летящих от внешней сферы ионов дейтерия. Сетка-сфера находится под очень высоким отрицательным потенциалом, а сама раскаленная плазма создается ионами и вторичными электронами с электрода-сетки. Плазма удерживается в электрическом поле — вроде как яичный желток в белке яйца. К стенкам и сетке сфер она не прикасается, а значит и не может их расплавить. Конечно, все это «работает» при очень тщательных и точных расчетах конструкции.

Самая большая плотность плазмы — в центре сетчатой сферы, где и происходит термоядерная реакция «горения дейтерия».

Испытанная в самом конце августа советская атомная бомба, понятно, заставила Игоря подумать и о военном применении термоядерной реакции. Опять же мыслил он по отдаленной аналогии с толовым зарядом. Ведь тепловой шашкой можно и гвозди забивать, и расплавить, залив в любую форму... Но приставь к ней взрыватель, подожги бикфордов шнур — и бросай в речку, где кета с горбушей косяком на нерест идут. Главное, чтобы старшины или кого из офицеров в радиусе двух-трех километров не наблюдалось...

А детонатором для взрыва термоядерного горючего должен служить атомный взрыв в центре этого горючего, который, в свою очередь, производится «пушечным» соединением двух подкритических масс урана. В качестве термоядерного материала после долгих раздумий и чтения доступной ему литературы Игорь выбрал дейтерид лития-6*.

Если относительно работоспособности термоядер-

* Так называемая водородная бомба имплозивного типа с 6LiD в центре (реальный технический проект).

ного реактора его конструкции у Игоря все же были некоторые сомнения, особенно в расчетной части — он трезво оценивал свои скороспелые познания в ядерной физике, а особенно в высшей математике, — то в части водородной бомбы он был полностью уверен: сработает.

♦ Ближе к зиме пятидесятого года — последнего в его затянувшейся службе — все чаще стал задумываться: пока он тут исчиркивает целые общие тетради, американцы, быть может, уже на полных парах повторяют свой Манхэттенский проект, но только с водородной бомбой. А что делать? Доложить по начальству — так майор Нестеров и капитаны Грищенко и Егоров неизвестно как отнесутся. Скорее всего, Нестеров и Грищенко, расположенные к нему, но более всего пекущиеся о ровном течении службы в своих подразделениях, посоветуют дожидаться дембеля, а там уже и стучаться в разные двери. Замполит же Егоров первым делом прочтет лекцию о бдительности и военной тайне, а потом «стукнет» особистам. Те же люди нервные, начнут ежедневно таскать к себе, выпрашивать, смотреть с прищуром подозрительности. Может отправят для освидетельствования в психдиспансер в Южно-Сахалинске... Все может случиться, а главное, понимал хорошо: это уже не его личное дело, а *государственной важности!*

Поэтому его начальники и слушать-то не станут, особенно про бомбу, в прямом смысле рот ему заткнут. Больно охота им потом стреляться, если доку-ка младшего сержанта станет известной в верхах и будет объявлена сверхтайной?

Прямо написать в Кремль? — Вот это, пожалуй, вернее. Даже адресовать письмо на имя Генералиссимуса; от знакомого сержанта Достая, почтара из полкового особого отдела, знал: никто, конечно, в Кремле письмо, адресованное Вождю, не понесет

срочно на подносе Иосифу Виссарионовичу, а вскрыют его в секретариате. Но зато до ворот Кремля никто не осмелится полюбопытствовать его содержанием. Досталь намекнул: даже служебная инструкция на этот счет имеется для почтовых работников.

Однако Игорь все откладывал и откладывал дело с письмом. Как ни странно, помогли решиться сами американцы, точнее — их президент Гарри Трумэн: в самом начале января московское радио несколько раз за день сообщило, что президент США выступил перед Конгрессом, где призвал ученых-ядерщиков в ответ на испытание Советами атомной бомбы быстро создать еще более мощную бомбу, действующую на иной физической основе. Понятно, что речь могла идти только о термоядерном оружии.

...В тот же день поздним вечером и захватив часть ночи, изведя несколько тетрадных листков под черновики, Игорь написал письмо Вождю. Наиболее трудным оказалось обращение к Сталину; остановился на воинском звании Иосифа Виссарионовича, как сам человек военный. Чистовик писал на припасенном белом листе машинописного формата, хорошего качества — под «слоновью кость». Писал кратко, памятуя о занятости адресата:

«Товарищ Генералиссимус!

К Вам обращается младший сержант Прокофьев Игорь Алексеевич, проходящий воинскую службу в должности радиотелеграфиста (в/ч ..., о. Сахалин). Извините, что отнимаю Ваше время. Как и весь советский народ, все миролюбивое человечество, сердечно поздравляю Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, с Юбилеем. Желаю Вам, Вождю советского народа, хорошего здоровья и еще многих славных свершений в деле руководства*

* 21 декабря 1949 года И. В. Сталину исполнилось 70 лет.

СССР, страны-победительницы, уверенно ведомой Вами к построению коммунизма!

Товарищ Генералиссимус! Из известного сообщения ТАСС от сегодняшнего числа, посвященного заявлению президента США, следует, что американская военщина ведет работы над созданием термоядерного оружия сверхразрушительной силы. Не считите меня самонадеянным, но у меня есть технический проект-разработка водородной бомбы. Это результат моей самостоятельной работы, как интересующегося со школьных лет ядерной физикой. Война и служба не позволили мне получить надлежащее образование, но я его по мере сил компенсировал активным самообразованием.

По Вашему указанию готов представить полное техническое описание предлагаемого устройства практического типа.

С уважением, мл. сержант И. А. Прокофьев».

...Подписался, сложил вчетверо лист хрусткой бумаги, запечатал в «гражданский», то есть с маркой, конверт «АВИА», купленный днем в поселковой почте, прилег на койку, пододвинув Самурая в угол к ногам, и тотчас провалился в крепкий сон.

Наутро, перед вахтой, отыскал замполита, капитана Егорова и сообщил, что отправляет письмо Иосифу Виссарионовичу.

— Это как понимать? О чем письмо? — с изумлением воззрился на сержанта Егоров.

— Поздравляю с 70-летием и прошу распорядиться рассмотреть одно мое изобретение.

Теперь Виктор Феодосьевич уже сузил в щелочку слегка азиатские глаза:

— Не поздно ли спохватился? И по чину ли тебе поздравлять от себя Вождя, а? Может, какую кляuzu на нашу часть, а мы-то тебе все условия создали...

— Никак нет, товарищ капитан. Службой я до-

волен, да и о кляузах начальству не сообщают. Мне важно, чтобы кто-то в верхах ознакомился с моим изобретением, а тут такой повод. Извините, конечно.

Егоров постепенно успокаивался, вспомнив, что настырный младший сержант вечно что-то изобретает, лекции офицерам читает. Даже ухмыльнулся под конец разговора:

— Хитрец ты, Прокофьев, может, захотел дембельнуть досрочно: дескать, в Москве академики за головы хватятся и срочно вытребуют тебя, а? Ладно, шучу. Письмо отправляй заказное, а особистам краткий рапорт не забудь написать. Береженого бог бережет.

...Непонятно, кого имел Виктор Феодосьевич в виду. Скорее всего себя. В конце-концов сержант был беспартийным, то есть не его епархии. Пускай комсорги — от ротного до полкового — репу чешут*.

♦ Прошли неделя, другая, миновал месяц. И еще пара месяцев. Ответа не было. Загодя предупрежденный Досталь (ответ наверняка шел бы через спецчасть) при встречах разводил руками: пишут, мол.

Капитан Егоров тоже интересовался, но он же отчасти и успокоил:

— Ты представляешь, сколько писем, телеграмм пришло в секретариат товарища Сталина в декабreyанваре с поздравлениями? Наверное, миллионы. Во-все нетрудно было твоему утонуть в этом потоке. И посейчас, небось, лежит твой листок с проштемпеле-

* Оглушенные антисталинским агитпропом — от времен хрущевского либерализма до нынешнего дембешенства СМИ — доверчивые наши люди и помыслить не могут, что в те «гулаговские времена» можно было запросто написать письмо Вождю и даже получить в той или иной форме ответ, не опасаясь, что тотчас прикатит «воронок» из фольклора, и дадут любителью писать «наверх» 10 лет без права переписки (Авт.).

ванным левым верхним углом «Вх. № ...», подшитое вместе с двумя-тремя сотнями таких же листов в картонном скоросшивателе, которых тоже не одна сотня в архиве третьего разряда.

Человек по натуре добрый, несмотря на собачью должность, Виктор Феодосьевич даже посоветовал повторить письмо, для надежности адресуя его в ЦК ВКП(б).

— ...Я как раз через пару дней еду в Южно-Сахалинск на войсковой партактив и передам твое письмо через орготдел обкома для отправки в цэ-ка со спешной почтой. Это не секретка, можно и обычные отправления прилагать. А у меня как раз в орготдела техработником служит одна... ну-у, скажем, родственница, — подмигнул по-свойски Виктор Феодосьевич, известный в полку обожатель женского пола. Сержант нравился замполиту своей настойчивостью, а главное — Прокофьев, хотя и салага, но принадлежал к их фронтовому братству, где разница между унтером и офицером, по крайней мере не на людях, несколько размыта. Во втором письме Игорь упомянул и об управляемом термоядерном синтезе.

Через пару дней капитан Егоров, прихватив письмо сержанта, уехал в Южно-Сахалинск, а всего через неполные две недели, когда сержант находился на вахте, в рабочую комнату торопливо вошел начальник узла связи капитан Грищенко, одновременно встревоженный и снедаемый любопытством:

— Прокофьев! Чего ты там натворил, тебя срочно требуют в штаб полка, а?

— Никак нет, товарищ капитан, ничего не натворил. Да я почти месяц за ворота части не выходил. Не могу знать.

— Ладно. Сейчас придет Полуянов, за ним уже побежали, сменит тебя, а ты с посыльным мигом в штаб. Он на машине.

Через минуту пришел заспанный сосед по кубрику. Принимая от соседа вахтенный журнал, успел шепнуть:

— Этот старлей из особистов меня при выходе из кубрика обыскал и дверь опечатал.

— А Самурай как же? — ошарашено спросил Игорь.

— Не заметил. Тот от незнакомого человека под топчан сиганул.

— Р-разговорчики! — построжал совсем сбитый с толку Грищенко, — Прокофьев, марш на выход!

♦ В штабе молчаливый старлей-особист повел Прокофьева прямо в кабинет Нестерова, но уже не майора-комбата, а подполковника и комполка без приставки «И.О.». Кроме Матвея Григорьевича находились еще двое: особист полка майор (тоже свежеиспеченный) Деревянкин и солидный мужчина лет пятидесяти, аккуратно причесанный, в темном костюме, с галстуком.

— Товарищ подполковник! Младший сержант Прокофьев по вашему приказанию прибыл, — отпортовал Игорь.

— Хорошо. Присаживайтесь, — показал Нестеров на стул рядом с гражданским, — с майором, надо полагать, сержант, вы знакомы, а вот — приехавший по вашему делу завсектором Сахалинского обкома партии товарищ Белкин.

С любопытством глядя на сержанта, тот улыбнулся и протянул руку:

— Познакомимся, Игорь Алексеевич. Меня зовут Сергеем Антоновичем. Дело в следующем. Вчера нам в обком позвонили из ЦК ВКП(б). Ваше предложение, сущность которого известна только первым лицам обкома, заинтересовало соответствующие инстанции в Москве. Вам предписывается написать в самое ближайшее время — не более месяца — подробный отчет для отправки в столицу. Командование

части создаст все условия для работы, освободив от прямых служебных обязанностей. Есть ли какие просьбы, пожелания? Нет. Ну и прекрасно. Если возникнут вопросы любого характера — звоните прямо мне в обком, вот на бумажке мой телефон.

«Пан или пропал», — мелькнуло в голове сержанта, и он повернул голову в сторону комполка:

— Товарищ подполковник, разрешите в присутствии товарища Белкина обратиться к вам с просьбой?

— Давай, сержант, для того мы и собрались здесь.

— Мне еще до конца этого года служить, а я хотел попробовать уже этим летом поступить на физический факультет МГУ. Нельзя ли досрочно демобилизоваться?

Нестеров с неммым вопросом посмотрел на обкомовского:

— Как полагаете, Сергей Антонович? Тем более, что фронтовик, да и в мирное время вволю наслаждался.

— Вы, Матвей Григорьевич, командир, как говорится, царь и бог в своей части, вам и решать. Со своей стороны всячески рекомендую. Парень, вижу, хороший, с головой, а советская наука сейчас пошла семимильными шагами.

Чувствовалось, что вихрастый сержант явно понравился обкомовскому гостю.

— Можно подумать, а когда вступительные экзамены? — поинтересовался Нестеров.

— В августе, товарищ подполковник, но заявление по почте надо уже в июне отправлять с разрешением командования.

— Хорошо. Заявление отправляй, я завизирую. А вопрос о досрочной демобилизации решим окончательно после составления тобою отчета. Ну, товарищи, — комполка поднялся со стула, остальные во-

след за ним,— всем все ясно. Сергея Антоновича попрошу заверить первого секретаря обкома, что не подведем, выдадим на горб даже раньше установленного срока. Как, младший сержант?

— Так точно, досрочно,— встал по стойке «смирно» повеселевший Прокофьев,— не подведем, товарищ подполковник!

— Понятно. Я сейчас Сергею Антоновичу покажу наше хозяйство, а Василий Игнатьевич,— Нестеров обернулся к майору Деревянкину,— даст подробные инструкции герою, так сказать, сегодняшнего дня.

Распроцавшись по уставу с командиром и за руку (по инициативе гостя) с завсектором обкома, Игорь заторопился вослед стремительному в движении особисту в его кабинет.

— Ну и задал ты нам задачу, изобретатель хреновый,— по-доброму, с ухмылкой начал инструктаж майор. Прокофьев сделал понимающе-скорбное лицо: дескать, извиняйте меня со своей докукой, но теперь и я уже сам себе не принадлежу. Дело-то государственное.

Деревянкин, хотя и не кончал университетов и академий, но психолог был отменный, все прочел по лицу сержанта, еще раз ухмыльнулся и перешел к делу:

— На время работы над отчетом тебе присваивается высшая, первая форма секретности. Тут от тебя нужны разные анкеты и подписи — это сегодня все у моего помощника в шестой комнате сделаешь. Он уже предупрежден.

Это — раз. По инструкции из обкома ты должен работать в отдельной охраняемой комнате, а перепечатывать твои записи может лишь машинистка нашего отдела с соответствующим допуском. Такой у нас нет, но ты ведь, как радиотелеграфист, сам можешь печатать?

— А как же, товарищ майор, десятью пальцами вслепую. Это мои должностные обязанности.

— Угу, очень хорошо. Комната у тебя уже имеется. Соседа выселим в казарму, на окно уже ставят решетку, в коридоре у двери круглосуточно будут дежурить бойцы из комендантского взвода. Кроме тебя никто входить не имеет права; сам будешь выходить, хотя бы даже по малой нужде в галюн, дверь опечатывай. Будет у тебя своя печать. И караульный каждый раз обыщет. Уж не обессудь. Печатную машинку доставим тоже сегодня. Да, если при печатании, а делай все в одном экземпляре, лист испортишь, то ни в коем случае не выбрасывать. Потом по акту сдашь. Все листы дадут уже проштемпелеванные с грифом. Чертежи рисуй тушью. Все необходимое из чертежных принадлежностей тебе дадут.

Главное — пиши все очень подробно, ничего из существенного не упуская, поскольку по приемке отпечатанного и вычитанного тобою же экземпляра все черновики твои, рукописи, все, что у тебя в комнате есть рукописного — будет по акту уничтожено. Останется только в памяти.

...И ни одна душа, включая меня и Матвея Григорьевича, не говоря уже обо всех остальных, не должна ни полслова, ни четверть намека знать, о чем ты пишешь. Все ясно?

— Так точно, товарищ майор!

— Э-эх, жили себе спокойно, от войны отдыхали...

♦ Не месяц, но без малого три недели Игорь провел буквально отрезанным от всего большого и малого мира. Даже радиоточку-репродуктор убрали особы по причине строжайшей бдительности. Впрочем, на том и инструкция настаивала.

Хотел ретивый старлей и кота Самурая перевести в хозчасть на жительство, но поднаторевший в

секретной бюрократии Прокофьев потребовал показать соответствующий параграф в инструкции, пообещал позвонить в обком, в Южно-Сахалинск. Самурая оставили, разрешив ему без обыска покидать келью затворника; время стояло летне-весеннее, и матерый котяра являлся домой только под утро — пожрать и отоспаться днем.

...Да и сам затворник неохотно отлучался от увлекшей его работы — на камбуз поесть и вечером, когда навалившаяся на Сахалин жара спадет, часок-другой провести на воздухе. Главное — ему и поговорить-то теперь не с кем было. Бывший друг и сосед по рубке Петька Полуянов здороваться перестал и зверем смотрел. Понятно, кому охота ни за что из «собственной» комнаты в казарму переселяться?

Но самое обидное — все остальные солдаты и сержанты части стали его сторониться. Поначалу Игорь списал это на зависть человеческую: дескать, живет один, сам-барин, в столовой на довольствие младшего офицера переведет... Но потом из солдатских разговоров дошло: хитроумные особисты, дабы пресечь все разговоры секретного сержанта с сослуживцами, пустили дезу: младший сержант Прокофьев по заданию начальства пишет характеристики-доносы на всех мало-мальски знакомых ему солдат и унтеров.

...И куда бы ни шел по территории части и в самом здании узла связи Игорь, всегда в нескольких метрах маячила фигура кого-то из особистов невысокого чина, даже знакомого ему сержанта-почтаря *Досталя*. Вот уж истинно *достали*!

Но все это были хотя и досадные, но все же мелочи жизни. Главное — несказанное удовольствие доставляла сама работа над первым в жизни научным трудом. Да и чисто оформительские дела аккуратисту по характеру Игорю пришлись по вкусу: печатание текста, вычерчивание на форматках ватмана

тушью чертежей, вписывание в текст формул — тоже тушью. К вечеру каждого дня он с удовольствием смотрел на растущую стопку готовых чистовиков, бережно упаковывая до утра в новую картонную папку с завязками. Кстати, вместе с пишмашинкой и прочей канцелярией особисты принести и портфель, в который он должен был в конце рабочего дня складывать черновики и чистовики, печатывать его и сдавать в особый отдел. Но Игорь позвонил по внутреннему телефону с узла связи майору Деревянкину и легко убедил в ненужности столь сложной процедуры: и так его местожительство под круглосуточной охраной бойца-краснопогонника с карабином.

Победив особиста, Игорь в душе хитрюще усмехнулся: про глупость с портфелем не забыли, а вот опечатать форточку большого размера на зарешеченном снаружи окне запамятовали! А он ее прохлады ради держал открытой вовнутрь круглосуточно...

Итак, отпечатав последний лист чистовика, дважды тщательно вычитав отчет, он свободно вздохнул и по служебному позвонил Деревянкину об окончании работы. Особисты прибыли целой группой, но в кубрик вошел только майор. Отведя глаза в сторону топчана со спящим Самураем, чтобы ненароком не прочитать хоть слова в черновиках и чистовике, Василий Игнатьевич давал распоряжения:

— Та-ак, Прокофьев, делай все по команде. И вот возьми причандалы: сургуч, бечевку, зажигалку, мешки для черновиков и готового отчета.

И далее под монотонную диктовку Деревянкина, упорно отводившего взгляд от стола с бумагами, Игорь в течение часа проделывал сложные операции с пересчетом листов чистовика, испорченных на машинке, оставшихся неиспользованных, всех черновиков, включая школьные записи — все что было в кубрике рукописного. Все эти цифры он заносил в протокол. Капал разогретым зажигалкой сургучом,

ставил свою печать и особого отдела, которую каждый раз Деревянкин вынимал из кармана галифе и тотчас забирал из рук сержанта.

В итоге Игорь передал майору два опечатанных мешка: малый полотняный с чистовиком и большой рогожный с остальными бумагами. Эти мешки Деревянкин лично понес к машине в сопровождении двух автоматчиков «на изготовку» и Игоря. Еще один солдатик забрал пишущую машинку, тушь и готовальню. Личную печать особист у сержанта изъяс. Оставил свой пост в коридоре и охранник.

В особом отделе в присутствии Игоря большой мешок, не раскрывая, сожгли в специально растопленной летом голландке. Сам Деревянкин кочергой разворошил легкий бумажный пепел.

На прощанье майор сообщил автору, что уже сегодня отчет будет отправлен секретной почтой в спецотдел обкома в Южно-Сахалинск. Позднее, из разговора с Белкиным Игорь узнал, что отчет был отправлен в ЦК ВКП(б) заведующему отделом тяжелого машиностроения И. Д. Сербину.

♦ На другой же день младшего сержанта Прокófьева вызвали в штаб, ознакомили с приказом о досрочной мобилизации, выдали проездные документы до Москвы и через час попуткой отправили в Южно-Сахалинск в распоряжение завсектором Белкина.

Спешно собирая нехитрый свой скарб, Игорь помирился с Петькой Полуяновым, вновь водворенным в кубрик, велел опекать Самурая. Зашел попрощаться с капитаном Грищенко и замполитом Егоровым. Оба искренне желали успеха ставшему в одночасье известным всей дивизии сержанту. Просили написать, как станет студентом МГУ.

Вроде как и по необходимости здесь эти годы находился, но даже одна-другая слеза из глаза накатились, когда пожимал руки Полуянову и отцам-

командирам, в последний раз гладил по загривку Самурая. Ко всему привыкает человек, везде торопится гнездо свить...

В Южно-Сахалинске его высадили у обкома. Из проходной позвонил Белкину. Тот выслал молодого человека в костюме и галстук, который повел сержанта в бюро пропусков. Через десять минут он уже беседовал с милейшим Сергеем Антоновичем:

— ...Значит едешь в Москву учиться?

— Да поступить еще нужно, Сергей Антонович. Хоть готовился, есть вызов на экзамены, от командира части рекомендация и хорошая характеристика, но все одно боязно: ведь физфак МГУ! А тут какой-то младший сержант с Сахалина...

— Не боги, как раньше говорили, горшки обжигают. Голова боится, а руки делают, — завсектором явно был из учителей. Так оно и оказалось при дальнейшем разговоре.

— Жаль, что Семен Андреевич со всем руководством обкома на пару-тройку дней убыли на север острова, к горнякам на выездное совещание. Он хотел с вами поговорить.

Игорь сообразил, что речь шла о первом секретаре обкома, а Белкин перешел уже к деловой части разговора:

— Самолет на Хабаровск завтра в середине дня вылетает, а там тебя на скорый посадят; место забронировано. Как раз в Москву к началу экзаменов поспеешь. Переночуешь в обкомовской гостинице — это в левом крыле здания. Харчеваться будешь в нашей же столовой. Кстати, через полчаса обед — тебя Константин, наш инструктор, что оформлял пропуск, отведет и в столовую, и вселит в гостиницу. Он же после обеда проводит в читальный зал специбблиотеки — до вечера ознакомишься с одним любопытным документом. Это распоряжение Семена Андреевича.

...Из почти суточного пребывания в обкоме более чем столовая с официантками, подававшими незатейливые, но хорошо приготовленные, сытные блюда, гостиничный номер на двоих, куда его поселили одного, Игорю более всего запомнились часы, проведенные в спецчиталке. Оформив с помощью инструктора Константина несколько подписок-расписок, он получил из рук пожилой библиотекарши увесистый, в формат писчего листа том в коленкоровом переплете без названия. Только в верхнем правом углу был проставлен штампом инвентарный номер. Под переплетом находилась пачка отпечатанных на машинке листов, точнее их копий на множительной машине, прошитых по левому полю тонкой бечевкой, концы которой на обороте последней страницы были заклеены калькой с оттиском круглой уже печати. Это был перевод отчета видного американского физика-ядерщика по военному использованию атомной энергии. В нем Игорь нашел подтверждение некоторым своим мыслям, но еще больше узнал и нового, «на ходу» корректируя уже свои конструкции.

♦ Восьмого августа он прибыл в Москву, а первое сентября встретил уже первокурсником физфака МГУ. А потом так его научная и учебная жизнь закрутилась... Но это надо уже вспомнить всю историю советских проектов водородной бомбы и до сих пор промышленно не реализованного термоядерного синтеза.

♦ Вернувшись из «зарубежной» поездки. Николай Андреянович впал в благодушную интеллигентскую рефлексию. Понятно — о судьбах русских ученых и изобретателей. И раньше частенько задумывался, а тут и повод куда как явный. Но если раньше он размышлял о судьбах выдающихся классиков русской науки, то теперь перед ним пример современника, которого он несколько дней назад воочию наблюдал.

А история и вправду изобилует всякими кунштюками. Как радиотехник по образованию, Николай Андреевич как пять пальцев своей руки знал электродинамику — физическую науку о генерации, обработке, распространении в эфире и приеме электромагнитных волн: то же радио, где по будням с восьми до одиннадцати часов ряженные врачами актеры убеждают пенсионеров в пользе пищевых добавок («Мертвого с одра поднимут!»), а главное — ТВ — враг номер один современного человечества.

А в электродинамике одно из базовых понятий — вектор распространения энергии электромагнитной волны. На Западе его именуют вектором Пойнтинга, у нас — Пойнтинга-Умова (или Умова-Пойнтинга), в сталинские послевоенные годы — просто вектором Умова; это когда шло великое восстановление авторитета русской науки. Но все равно в электродинамике этот вектор принято обозначать заглавной греческой буквой « $\vec{P}$ », то есть в честь Пойнтинга все же...

Сущность же разночтений в том, что первым дал определение этого понятия Николай Алексеевич Умов, выдающийся русский физик последней трети XIX — начала XX веков, создатель московской физической школы, а заодно и физического факультета Московского университета, на котором и учился сержант Прокофьев спустя полвека с лишком. А иностранец Пойнтинг только с десятков лет спустя дал определение этому вектору, да и то лишь для частного физического случая.

Николаю Алексеевичу вообще не везло на приоритеты. Так, открытый им закон распределения электрического поля в пластине произвольной (неправильной) формы просто присвоил очень даже знаменитый немецкий физик-электротехник Кирхгоф. Видно, был он человек простой: прочитал в малоизвестном в Европе русском научном журнале статью Умо-

ва, перевел на немецкую мову и опубликовал в каком-нибудь солидном «Zeitschrift für Elektrotechnik»*.

В правдивости последней истории Николай Андреянович не сомневался, ибо прочел ее в случайно попавшем в его руки томе словаря Брокгауза-Ефрона дореволюционного издания. А Брокгауз, тем более Ефрон, были издателями солидными и непроверенных трижды фактов в свою энциклопедию знаний не допускали.

Николай Андреянович уже и не вспоминал о паровозе братьев Черепановых, аэроплане Можайского... — всех их переплюнули запоздалые западные изобретатели. Кстати, изобретатель телевизора Зворыкин и создатель вертолета Сикорский потому и остались первооткрывателями, что вовремя уехали «за бугор».

Но во всех этих, очень многочисленных, случаях хоть есть логика: борьба за приоритеты как показатель самодостаточности государств. Другое дело, когда эти «схватки под ковром» разворачиваются в пределах самой страны. Тут уже действует не логика, но амбиции, в худшем случае — откровенный карьеризм и своекорыстие.

А можно и с другой стороны взглянуть: студент физфака МГУ (а это не провинциальный пединститут!) разговаривает на равных с кандидатом физматнаук, вчерашним аспирантом Сахаровым, обсуждают конструкцию водородной бомбы. Проходит сравнительно недолгое время: Андрей Дмитриевич признанный «отец водородной бомбы» и Трижды Герой Социалистического труда, а бывший сержант — научный сотрудник Харьковского физико-технического института.

Правда, стремительную научную карьеру Андрея Дмитриевича изрядно подпортила супруга, неистовая

* «Электротехнический журнал» (нем.).

демократка до времени, в разное время путано именовавшая себя то грузинской, то армянской княгиней... Но это уже субъективный фактор.

И на токомаке многие академическую карьеру сделали, хотя до сих пор до промышленной реализации дело не дошло. И вряд ли дойдет, пока в мире энергетикой правят нефтегазовые, угольные, атомно-урановые транснациональные корпорации. А вот это как раз фактор объективный!

Вообще говоря, в современной науке и подчиненной ей промышленности корпоративность играет основную роль.

Это прекрасно знал Николай Андреянович, проработав тридцать лет в оборонно-промышленном комплексе. Казалось бы, что в советское время какая могла быть корпоративность, что всегда есть в чем-либо вред, если полностью превалировал государственный интерес? А вот так и был; он являлся внебрачным дитем здоровой, специально поддерживаемой промышленными министерствами конкуренции: кто лучше сделает! Но народившийся байстрюк-корпоративность тоже времени не терял.

Сколько Николай Андреянович за десятилетия работы встретил талантливых конструкторов-оружейников — у себя в НПО и на других предприятиях страны, где бывал в командировках, — создававших самые совершенные, во много раз превосходящие западные, образцы стрелкового оружия: от пистолетов до пулеметов. И что же? Каким бы авторитетом не пользовались руководители орденосных НИИ-НПО, но не могли прошибить некую стену, поставить новые разработки на вооружение Советской Армии. А военпром все также тиражировал в миллионах экземпляров стрелковое оружие 40—50-х годов разработки, слегка модернизируя его в соответствии с требованиями времени...

А с сержантом с Сахалина и вовсе так приклю-

чилось, что попал он со своими эпохальными изобретениями промеж соревнующихся (слово «конкуренция» тогда не произносилось вслух) группировок физиков-атомщиков.

Да и сам он, как понимал Николай Андреянович, человеком был скромным... Откуда уроженцу из Пскова, из рядовой семьи, повоевавшему, а потом пять лет проведенному солдатом у черта на куличках — откуда ему, молодому еще человеку, иметь нахрапистость, умение где надо подлизнуть, а то и вовсе сподличать, словом — пробивные способности?

Николай Андреянович сам провел детство и юность хотя и поближе Сахалина, но все равно в медвежьем углу, в среде военных моряков, потому мог с полным правом о характере сержанта-изобретателя судить по себе.

С другой стороны, зачем нужно было всем этим славным академикам, героям и лауреатам так общно почти полвека замалчивать имя автора идей водородной бомбы и управляемого термоядерного синтеза. Секретность? — Но ее в отношении этих «изделий» сняли еще при Хрущеве: Сахаров гордо и публично именовался «отцом водородной бомбы», а токомак с тех же пор является международным проектом.

...Николай Андреянович не поленился сходить в читальный зал университетской библиотеки и перелистать тот самый номер «Успехов физических наук»*, про который ему говорил в Харькове знакомец из НИИ Просвирнина. Нашел воспоминания самого бывшего сержанта о встречах с Л. П. Берией и другими знаменитыми людьми:

«...Через некоторое время, правда не очень малое, в кабинет председателя пригласили Сахарова, потом меня.

* «УФН», 2001, Т. 171, № 8, С. 886—894 (Цитата подлинная).

Из-за стола поднялся грузный мужчина в пенсне и пошел навстречу, подал руку, предложил садиться. Далее последовали вопросы о родственниках, в том числе осужденных и т.д. О делах ничего. Это были смотрины. О моих документах ему уже было известно заранее. Ему хотелось, как я понял, посмотреть на меня и, возможно, на А. Д. Сахарова, что мы за люди. По-видимому, мнение оказалось благоприятным.

Через некоторое время посыпались какие-то блага: повышенная стипендия, Постановлением Совета Министров СССР была выделена вместо общежития меблированная комната в Москве близко к центру (набережная М. Горького, дом 32/34), организована доставка любой необходимой литературы, назначены оплачиваемые Первым главным управлением (ПГУ) дополнительные преподаватели. Когда вышли из Кремля вместе с Сахаровым, он сказал, что теперь будет все хорошо, будем работать вместе.

Вскоре произошло новое событие. Вечером в общежитии меня разыскал молодой человек спортивного вида и предложил ехать с ним. Мы поехали. Приехали к зданию на Новой Рязанке, недалеко от Комсомольской площади. После оформления пропусков, а это была длительная процедура, поднялись в кабинет Н. И. Павлова на втором этаже. Оказывается, меня там уже давно ждали. Прошли в другой кабинет. Я прочел табличку — Б. Л. Ванников. В кабинете оказались два генерала — Б. Л. Ванников и Н. И. Павлов, а также штатский с черной окладистой бородой. За все время моей службы я не видел ни одного генерала, а тут сразу два, да этот бородатый штатский. Начался разговор. Вопросы задавал бородатый. Впоследствии я узнал, что это был И. В. Курчатов.

В разговоре Павлов вставил реплику: «Он хочет в это устройство вставить атомную бомбу». Это ме-

ня настолько насторожило, что я невольно подумал: «Могу ли я рассказывать им об устройстве водородной бомбы без санкции сверху?», и у меня невольно вылетело вслух, что я был у Берии.

Дальше моим трудоустройством занялся Павлов. Я приходил к нему, рассказывал о своих идеях, излагал их письменно и отдавал ему. Он прятал все записи в сейф. Своим добрым отношением к моим работам он вдохновлял меня на новое творчество. Он познакомил меня с Д. И. Блохинцевым, который в то время руководил в Обнинске строительством первой в мире атомной электростанции.

Затем Н. И. Павлов познакомил меня с И. Н. Головиным, одним из руководителей работ по МТР в ЛИПАНе. Меня пригласили поработать у И. Н. Головина.

Кроме того мне была предоставлена возможность заниматься дополнительно с преподавателями: физики (Телеснин Роман Владимирович, физик, закончил в 1926 г. Киевский государственный университет), математики (Самарский Александр Андреевич, в настоящее время академик РАН) и английского языка.

С А. А. Самарским у меня сложились очень хорошие отношения. Я ему обязан не только конкретными знаниями в области математической физики, но и в области методологии, в умении четко поставить задачу.

С А. А. Самарским я провел расчеты «магнитных» сеток. Были составлены и решены дифференциальные уравнения, позволившие определить величину тока через витки сетки, при котором сетка защищалась магнитным полем этого тока от бомбардировки высокоэнергетическими частицами плазмы. Эта работа, законченная в марте 1951 г., дала начало идее электромагнитных ловушек.

В мае 1951 г. я получил допуск в ЛИПАН для

работы в группе И. Н. Головина. Здесь мне рассказали об идее термоизоляции высокотемпературной плазмы магнитным полем, предложенной А. Д. Сахаровым и И. Е. Таммом. Я думал, что они предложили эту идею независимо от моей работы июля 1950 г. Но, как рассказал потом Сахаров, на эту идею его натолкнула моя работа, которую он рецензировал».

Из прочитанного Николаю Андреяновичу уже почти все стало понятно. Не таким уж крохотным винтиком являлся бывший младший сержант уже по первому году пребывания в Москве; дескать, вызвали посмотреть-подивиться и отпустить восояси. Как передовую доярку по разнарядке какому-нибудь обкому вызовут в Кремль, вручат орден, сфотографируют рядом с товарищем Калининным или — позже — с Георгадзе и тут же напрочь забудут о ее существовании.

Нет, наш герой сразу включился в серьезную работу. Главное — руководство страны и глава атомных проектов маршал Л. П. Берия как раз полагали его автором и инициатором обеих идей и дали указание об эффективном использовании автора в реализации его изобретений.

Так оно поначалу и было, а потом его потихоньку оттерли, как это умеют делать в академических кругах.

...Была ли обида? Наверное, не без этого. Но явно в злость или какую-иную меланхолию она не переросла. В этом и сам Николай Андреянович убедился во время случайной встречи в Харькове.

Великие дела порой делают малые люди!

Реальный прототип главного героя повествования: младший сержант Олег Александрович Лаврентьев; Сахалин, 1950.

♦ Игорь Васильевич восхитился услышанным:

— Да-а, были люди в наше время, говоря словами Поэта. Самое главное, сколько таких сержантов в сталинском и последующем Советском Союзе народилось? Тот же сержант Калашников... Великий и мудрый Вождь был дарован нашему, в общем-то несчастливому, Отечеству. И хрущевская «оттепель», и расцвет Державы при Брежневе — до четвертой его геройской звезды — все наследие установки Сталина: прежде думай о Родине, а потом о себе. Что бы там диссидентствующие на кухоньках, а ныне во весь голос вещающая продажная пресса, радио- и телевидение не говорили.

Ладно, давай сворачиваться, затемнело позимнему на дворе, пора и нам. В следующий четверг и я для тебя занимательную историю уже загадал. Будь здоров, Мичман!

Нас всегда поражала своей нелепостью прит- сказка: «Истина рождается в споре». С кем спорил Диоген в своей бочке? Как мог спорить глухой Циолковский? С кем дискутировали Шопенгауэр и Марсель Пруст, запиравшиеся от людей? Как нам представляется, споры возникают уже после рождения истины — в ярост- ном отстаивании приоритетов.

Солнце — источник жизни. Чтобы понять все метаморфозы на пути от солнечного света и тепла до обретения Неким ученой степени, следует, отринув все соблазны спокойной жизни, по шаткой лесенке из терновника пробиться через соблазны наград и громы-молнии богожител-лей науки, добраться до истины. Если, конечно, она вас не испепелит своей изначальной просто-той...

**НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ:
ПРОФЕССОР НА ВОСТОЧНОМ
ФРОНТЕ
(И У НИХ ТОЖЕ БЫЛИ ЛЮДИ...)**

♦ Следующий «каминный четверг» ознаменовался мощным ночным снегопадом.

— Хрен вам, Европа долбано-педерастическая, — резюмировал разгонную лыжную прогулку Игорь Васильевич, очищая с Николаем Андреевичем залепленные снегом лыжи перед крыльцом Прокофьяча дома, — это у вас там внеплановые наводнения и всякие гей-парады в поддержку антирусских санкций. Суньтесь к нам — мигом заметет и заморозит* и Федерико Магеллини, и гомосексов-министров, и бывшую гэдээровскую комсомолку Ангелу Меркель, главное — политических проституток из бывшего соцлагеря и западных союзных республик. Венграм только зла не желаю, они всеми силами противятся дяде Сэму. Хотя бы им более всего пристало супротивничать нам: за восстание 1848-го года, подавленное Паскевичем по заказу Австрии. — Все глупость Александра Первого, «властителя слабого и лукавого... плешивого щеголя, врага труда», как писал Александр, но — Сергеевич в наметках к продолжению «Евгению Онегина», склоненного на Венском конгрессе к «Священному союзу». Да еще и Вторую венгерскую армию под Воронежем в Отечественную наши бойцы, почти без пленных, уничтожили полностью. Правда они и не сдавались. А венгерский мятеж пятидесятых? — Они советским бойцам животы резали и пшеницей фаршировали, а наши танками умеренно давили...

* Видимо русский погодный бог прислушался к словам экспрессивного профессора — иначе почему после грядущего Нового года всю Европу заморозил и снегом завалил?

Но сейчас единственно из бывших «друзей» супротив России не прут. Вот что значит история, гены и кровь.— Все же мадьяры, из наших мест вышли, из северных предуральских угорцев, родственники нынешним коми-пермякам...

— Не иначе, Васильич, ты для каминной беседы приберег седни какого-нито героя из славного племени угро-финнов?

— Вовсе и нет, хотя и здесь имя древнего Атилы и нашего современника генерала Калашникова многое значат. Нет. Буду говорить о нобелевском лауреате, немце, по происхождению австрияке, Конраде Лоренце.

— Это какой-такой Лоренц? Физик известный? А не тот ли, книжками которого о животных, их инстинкте, почти что разуме, мы зачитывались в школьные годы? В библиотеках на них образовывались стойкие очереди.

— Вот именно он самый, Конрад Захариас Лоренц. Однако, нас уже Прокофьич с Тихоновной заждались. Вот и Мичман, смотри во втором слева окне, к стеклу своей благородной мордой прилип: непорядок, мол, на кухне все шипит — скворчит, а двуногие и бесхвостые не торопятся. Захворали что ли, аппетит утратили? Пошли в дом.

В тропически теплой прихожей первым встретил примчавшийся кот, недовольно вольтижирующий распущенным полосатым хвостом.

Гвоздем сегодняшнего обеда был искусно приготовленный Тихоновной на горячее рулет из кролика. Прокофьич для почину завел в конце лета этих пушистых ушастиков, заняв в скотном сарае пустовавший доселе угол клеткой под них. Николай Андреевич, хваля блюдо, признался, что такой вкусноты кроличий рулет он только единожды в школьные годы ел в родном заполярном своем городе. С первого по шестой класс, когда родители с младшими

брательниками жили на островных маяках гидроотдела Северного флота, квартировал он в интернате пансионного образца при школе. Кормили там хорошо, но приедалось однообразие. Потому, когда в кармане заводилась денежная мелочь — после навещении матерью, приезжавшей раз в месяц-другой в город на попутном гидроотдельском или ином катере для покупки папирос, охотничьего пороха и китайского цветочного чая для отца, всякой хозяйственной мелочи и обуви-одежды для Николки и брательников, — позволял он себе роскошь сходить в единственный в городе, знаменитый еще с довоенных времен ресторан «Ягодка». С первого же года правления Хрущева все гарнизоны флота, авиации и артиллерии на Севере были объявлены полностью безалкогольными, поэтому «Ягодка», где некогда героические подводники шумно отмечали успехи очередного выхода в море с потоплением немецких кораблей, новые свои воинские звания и ордена на кителях, превратилась просто в городскую столовую, правда, высшего разряда и с официантками в белых наколках и передниках.

Так в один из редких заходов в «сухой» ресторан пятиклассник Николка заинтересовался означенным в меню заячьим рулетом и заказал его вкупе с полупорцией знакомой ему сборной солянки, вишневым компотом и кремовым пирожным. И так вкус того запоярного рулета запомнился, что сколько бы он в последующей жизни на «большой земле» не ел жареную, вареную и пареную крольчатину, про себя отмечал: не то! А вот рулет Тихоновны уравнил то давнее вкусовое ощущение...

Вместо пропавшей в городе «старки» гости на этот раз привезли «перцовку» — по зимней погоде — и бутылку массандровской мадеры, явно по ассоциации с не столь давним, очередным в русской истории «покорением Крыма».

♦ Игорь Васильевич, как и его давний друг и приятель Николай Андреевич, тоже «выпускник» трижды орденосного НПО «Меткость», до которого трудился в ЦКБ агрегатостроения, куда был распределен после окончания тулуповского политеха, ныне университета. Но если Николай Андреевич по профессии ракетчик, то его коллега в «Меткости», будучи по образованию радиотехником, занимался радиолокацией — явно не в мирных целях, а в «универе» скоренько переквалифицировался из военного радиофизика в гуманитарного биофизика, благо, физико-математическая основа у них общая. Словом, перековал мечи на орала... И взял такой научный разгон, скоренько став двойным доктором наук, двойным профессором, многожды заслуженным и почетным, создателем всероссийского научного журнала *«Феномены разума: XXI век»*, председателем сразу двух диссертационных советов и прочая, прочая, что обиженные всем этим его добрые коллеги по факультету, в основном его ученики и защищенные под его председательством, сотворили пакость*, в результате чего Игорь Васильевич с трудом удержался на факультете и в вузе вообще. Благоволивший к нему декан выхлопотал неудачливому заслуженному профессору вольнолюбивую должность научного консультанта, дав полезное напутствие: «Ты сейчас не в «Меткости», где по делам оценивают, а в университетском змеином гнезде. Постоянно держи в голове присказку: хочешь нажить кровных врагов — не делай никому добра бесплатно. Годика на два затихни, ни с кем не общайся, запершись в своем кабинете, пиши высокоученые трактаты, издавай свой журнал; главное, чтобы в

* Подробно о злоключениях профессора Скородумова см. в книге: Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новеллино.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

университете и вообще в городе о тебе забыли, ориентируйся на Москву, другие города с научными школами, за границу, где тебя хорошо знают как корифея науки. Я знаю, что говорю. Сам через все это проходил и... как говорили в советские времена: успехов тебе в труде и в получении заработной платы!»

— Кстати, Андреяныч, я ведь тебе привез свежий номер своего журнала, он в сумке, передам когда до дому тронемся,— вспомнив, сказал Игорь Васильевич; только-только оба, не считая Мичмана на фуршетном столике, расположились в послеобеденном блаженстве перед пылающим камином.

— Спасибо, я...

— Хотел еще добавить: в этом номере как раз перевод одной занимательной статьи Лоренца, кстати, совсем недавно впервые опубликованной в Германии и то в не очень известном журнале по психологии, издаваемом в провинциальном университете. Как раз по теме моего интереса, о чем хочу сегодня поговорить с тобой.

— Сам «юберзетцал» с немецкого небось?

— Не совсем. Начерно сам, а для правки отдал матери своего бывшего аспиранта. Она доцентша на инязе педуниверситета.

— Административный ресурс научился использовать, уважаемый герр прежде бескорыстный профессор?

— Нет, все на паритетных началах: в журнале к статье примечание: «Перевод с нем. И. А. Зотовой под ред. И. В. Скородумова». А доцентше, кстати на данный момент незамужней и в полном расцвете второй молодости, еще один «плюсик» к отчету на очередных должностных перевыборах. Все довольны, в том числе и друг другом. Жаль, что сейчас увлекся новой книгой, а то бы и приударил!

— Правильно, Васильич, держи порох сухим. Ты меня уже заинтриговал Лоренцем. Что же он

помимо популярных книжек по природоведению сотворил, аж нобеля получил? И как на него вышел?

— На первый вопрос чуть позже подробно расскажу, а как вышел? — Тут история в каком-то смысле сродни рассказанному тобой о сержанте с Сахалина... и моему изгнанию из преподав добрыми коллегами: с устроенной провокацией.

♦ — По ранней этой осени, распечатывая нужный мне материал с опять же немецкого (ох, как же порой может расцвести женщина в середине пятого десятка! — Это, Андреяныч, все доцентша из головы не уходит...) Интернета, натолкнулся на сообщение, что нобелевский лауреат, основоположник этологии, то есть науки о поведении животных, выдающийся австрийский зоолог и зоопсихолог Конрад Лоренц посмертно в 2015 году лишен почетной докторской степени Зальцбургского университета как приверженец нацистской идеологии... Ни больше, ни меньше. Однако, эти австрияки шутники: в конце прошлого века отчеканили пятидесятишиллинговую монету к двадцатипятилетию присуждения Лоренцу Нобелевской премии, а спустя полтора десятилетия понятно с чем его сравнивали.

Это как мои добрые коллеги: пронюхали, что один сибирский академический институт, где у людей науки образ доллара-евро еще не вытеснил по причине «далеко от Москвы» творческое мышление, то ли в шутку, а может и всерьез постановили на научном совете выдвинуть мой десятитомник по феномену разума на «нобеля», так мигом и турнули меня с профессорской должности... Оно может и к лучшему — руки развязали, в смысле голову, от доуки — муки чтения лекций нынешним студиязусам, преимущественно «моя твоя не понимай» посланцам за дипломами из Средней Азии и с Ближнего Востока.

Главное, тотчас сообразил, ознакомившись по «Википедии» с биографией знаменитого австрийца: а

ведь это же тот самый пленный лейтенант Лоренц, о котором вспоминал порой на семейных праздниках мой дядька — старший брат отца. Я тогда в школьниках первой ступени ходил, но в память запало.

...Земля-то с виду кажется необъятной, но, увы, все же маленькая. И совершенно разные люди на ней в немыслимых сочетаниях порой пересекаются. Вот ты в Харькове лицеизред инициатора создания водородной бомбы и «Токомака», а дядька Степан, старший из моих дядьев, одно время командовал будущим нобелистом. Дело обстояло так.

Ровесник Октября Степан Скородумов перед войной, окончив бухгалтерско-экономической техникум, успел послужить пару лет по специальности и в звании младшего лейтенанта в стройбате на Дальнем Востоке. Перед самым началом Великой Отечественной был переведен в Подмоскowie. При обороне столицы его часть из строительной переформировали в пехотную и бросили в Истринском направлении, где комвзвода Скородумов и получил ранение в ногу. После трех месяцев госпиталя нога действовала нормально, но этакая разлапистая хромота осталась на всю жизнь.

Видного собой лейтенанта со специальным образованием, хотя и прихрамывающего, выписная комиссия недалеко от Москвы госпиталя во владимирском Кольчугино признала годным по условиям военного времени к нестроевой и направила в интендантское управление в Москву, уже ставшую тыловым городом. А там его только и ждали:

— Во-о, какого молодца прислали! И в звании, и с медалью уже, с образованием по нашей части!

— Так точно, товарищ полковник, готов приступить — куда пошлете.

— А пошлю я тебя недалеко, лейтенант, на замоскворецкие склады...

Из дальнейшего выяснилось: начальника этих

самых продовольственных и вещевых складов, капитана, только что расстреляли за воровство. Разумеется, никакого переучета материальных ценностей не делали: склады стратегического назначения, такие огромные подземелья, куда въезжали и расходились по боковым дорогам меж стеллажей, амбаров, пирамид из мешков, ящиков и бочек грузовые машины круглые сутки — ночью, во время комендантского часа, со спецпропусками на стеклах. В кабинах парочка: водила и матерый сержант в форме по принадлежности к роду войск. Красные, синие, голубые, малиновые, черные, зеленые околышки фуражек.

Просто установили факт воровства — и шлепнули по законам военного времени.

— Так что, лейтенант, вот тебе предписание, до складов попуткой тебя отправлю, проживать там же будешь с удобствами в охранном бараке — почти квартирка с отдельным входом! У охраны свой командир; с ним общий язык скоро найдешь — тоже раненный фронтовик твоего возраста. А собственно подчиненные — грузчики, кладовщики, экспедиторы, счетоводы-женщины. Все из призванных на нестроевую, в основном, по возрасту. Кроме грузчиков, те средних лет и крепкие.

Что тебе еще скажу: если подворовывать будешь, то по совести. Больше своего веса не съешь, не выпьешь. Словом, прежде думай об отечестве... Так нас унтеров-снабженцев еще при царе учили; только к отечеству самого царя и бога присовокупляли, что сейчас не в употреблении.

И пошла у прихрамывающего Степана тыловая служба: ответственная, достаточно опасная в интендантстве, где доносчиков много, к тому же на таком хлебном месте. Но крепко помнил наставление матерого полковника, тож скоро расжалованного подчитую — хорошо без тесного знакомства с голубыми картузами.

Женитьбу на давней своей тулуповской невесте — по уговору с ней («время, Даша, военное, неопределенное...») — отложил на потом. Не забывал с интендантскими машинами, что следовали через Тулуповск, передавать ей солидные посылки; вся семья Дарьина молилась на него в эти полуголодные карточные годы. Но и себе в умеренном кобеляже не отказывал. Раз, а то и пару, в неделю, затарив вещмешок деликатесами из съестного и питьевого, назначив «за себя» помощника, уходил ночевать к окрестной, отчаянно скучающей молодухе.

Окончательно освоившись в должности, осмелев, стал заглядывать и во вновь заработавшие столичные рестораны, расширяя круг знакомых скучающих дам, а, главное, деловых знакомцев по снабженческой части. Бог во всем миловал. В конце сорок четвертого под женитьбу выхлопотал две смежные комнаты в замоскворецкой коммуналке, перевез в столицу Дашу. Сразу после Победы родился сын, а на погонах прибавилась долгожданная третья звездочка. К фронтовой медали добавились «За оборону Москвы» и «За победу над Германией». Со всем этим не стыдно было и в ресторанах появиться. Да еще и вызывающая уважение штатских ленточка за ранение...

Однако, счастье вечным не бывает. В феврале сорок шестого необдуманно, временно потеряв бдительность, впал в конфуз. Начиная с окончания войны, зачастили на склады посыльные от алчных (а кто из высокопоставленных женщин не алчная?) полковничьих, генеральских, а то и маршальских жен с записочками на мануфактуру, икорку с краснорыбницей, сырокоченку с сырком, армянский коньячок и грузинские вина; попотчевать, мол, своих боевых мужей.

Степан, тонко разбираясь в ситуациях времени, отпускал по званиям и заслугам супругов просительниц. Но однажды промахнулся, перепутав посланца от генеральской жены с полковничьим, не додал тре-

буемого. На его беду генерал тот оказался от главного индентантского ведомства.

...Уже другой полковник, не тот прежний, отма-терил Степана, но, узрев на кителе его фронтовую медаль, сменил гнев на милость:

— ...Я и сам повоевал, тоже по ранению в снаб-женцы попал. Оставить тебя на складах, сам пони-маешь, не могу. Но и отставлять тебя от службы не хочется: ты ведь кадровый. До войны служил, ране-ние и награды имеешь, военные годы в кратности идут в стаж. Еще пару-тройку лет послужишь и выйдет тебе пенсия; хотя и не полная, но все же пенсия, вовсе не лишняя в жизни дальнейшей. Пока сдавай дела, ко мне через пару деньков зайди, про-вентилирую по твоей части у знакомцев.

А уже через месяц, завезя по пути Дашу с сы-ном в Тулуповск («устроюсь на месте, выпишу вас») вместе с «прощальным даром» складов — мешком американской тушенки, отечественной коп-ченой колбасы высшего сорта и пары бутылок конь-яка для тестя, прибыл Степан в Армению, где вбли-зи Еревана военнопленные немцы строили военный городок, имея ввиду близость турецкой границы. Степан же вступил в должность начальника финча-сти штаба стройки. Там он и узрел чудоковатого пленного младшего офицера вермахта Лоренца с ус-тойчивой у охранников и вольных местных рабочих кличкой «Птицелов». Причем, птичек он вовсе не ловил, а приманивал искусным свистом и приручал не хуже как собак и кошек.

— А теперь собственно о Лоренце и его гени-альном открытии,— Игорь Васильевич разлил по стопкам, закурил.

♦ В конце 1947 года директор Физиологическо-го института АН СССР, ученик И. П. Павлова, Герой Социалистического Труда, академик АН СССР, Академии медицинских наук и Академии

наук Армении Леон Абгарович Орбели (не путать с его братом Иосифом Абгаровичем, востоковедом, академиком АН СССР и Армении) получил по фельдпочте МГБ, бывшего НКВД, письмо от военнопленного Конрада Лоренца, младшего офицера медико-санитарной службы вермахта и кандидата в члены Национал-социалистической партии Германии (*NSDAP — Die National-Sozialistische Deutsche Arbeiter Partei*). Поскольку Лоренц являлся кандидатом в НСДАП (Это как у нас были кандидаты в члены ВКП(б), затем КПСС...), признанной Нюрнбергским трибуналом преступной организацией (Это как опять же у нас в 90-е годы горячие головы, явно из бывших парторгов, требовали признать КПСС преступной организацией...), то полагался не просто военнопленным, но осужденным на три с половиной года на принудительные работы, большую часть которых и провел на стройках в Армении.

Но обратился он к Орбели, понятно, не по невольному «землячеству», а по знакомству еще в довоенные времена с работами именитого академика, вице-президента АН СССР по адаптационно-трофической роли симпатической нервной системы, в первую очередь, и другим вопросам физиологии высшей нервной деятельности.

...И Орбели вспомнил публикации конца тридцатых годов набравшего авторитет университетского ученого из Австрии, а после аншлюса — из Германии. По физиологическим аспектам поведенческих реакций в животном мире. Особенную привязанность тот питал к поведению гусей... Гурман Орбели по ассоциации тотчас вызвал зрительно-обонятельный образ запеченного с яблоками гуся, что искусно готовила кухарка-домработница. Сглотнул слюну и уже с неподдельным интересом прочитал письмо, хорошо владея немецким.

Военнопленный Лоренц просил содействия ака-

демика «организовать» ему через МГБ возможность оформить, то есть самолично отпечатать на машинке с латинским шрифтом, работу по этологии, созревшую у него в голове за время войны и плена, и прислать ее Орбели для квалифицированного ознакомления.

Такое разрешение «гусиному отцу», как заглаза в европейском ученом мире еще в довоенные времена именовали молодого профессора, было хлопотами Орбели дано. Он и стал первым читателем развернутого исследования Лоренца. Понятно, не считая спецов из МГБ, тщательно вычитывавших «из под машинки» текст — но на предмет своего интереса: нельзя ли извлечь что-либо полезное по ведомственной принадлежности. И не агитирует ли нацистский партайгеноссе выдающегося советского ученого... «Каждому свое», как цитировал доктор Геббельс остряка Ницше на воротах концлагерей.

...Ученый мир в определенном смысле замкнут сам на себя, поэтому выходящие из него для общего пользования научные трактаты и учебники высшей школы содержат только голую фактологию, но никак не отражают межличностные отношения, споры и противостояния и так далее вплоть до своего рода фольклора этого высокоученого мира. Так и в отношении последствий ознакомления Орбели с машинописью труда Лоренца бытуют в кругах старинных, послевоенной формации корифеев советской естествоиспытательской науки различные домыслы. — Особенно после получения этим австро-немецким ученым, в «теплой» компании с фон Фришем и Тинбергеном, Нобелевской премии в начале семидесятых годов.

Одна из таких академических былей связывается со встречей Генералиссимуса с Орбели, когда оба находились на отдыхе в Абхазии. Услышав за обедом с местным руководством, что в сухумском сана-

тории, подведомственном Академии наук, уже с неделю проживает выдающийся физиолог Орбели, которому совсем недавно исполнилось шестьдесят пять лет, Сталин попросил связаться с ним и пригласить на денек на озеро Рица: «Хотя и с небольшим опозданием, но, помятуя пословицу, что лучше поздно, чем никогда, хочу поздравить его с «промежуточным» юбилеем, заодно побеседовать за «хванчкарой» прошлогоднего урожая, что из Тбилиси прислали, о делах в академии...»

Сказано — сделано, и вот уже Вождь с академиком на знаменитом причале-плоту сидят за столиком, угощаются, с тонким политесом, как принято если сойдутся грузин с армянином, похваливают кухню визави. Иосиф Виссарионович одобрительно отзывается об армянском коньяке и долма́, а Леон Абгарович вовсе не льстиво, но с интонацией гурмана похваливает вина Кахетии и хинкали. Вспомнили о Павлове и перешли к академическим докукам. Сталина всего более интересовало: не отстает ли советская наука от буржуазной в части биологии и медицины? Слушая четкую, размеренную речь Вождя, Орбели столь же логично, зная нелюбовь собеседника к словоизлияниям, продумывал ответ, а взгляд его как бы сам по себе любовался видами противоположного берега зеркально отсвечивающего озера: прямо от воды и далеко ввысь, до хребта поднимался под значительным углом зеленый, сплошь травянистый склон, обнимая почти половину Рицы. А на разных уровнях его микроскопическими отсюда букашками паслись, медленно, как высокие тучи на голубом небе, передвигаясь, стада коров и отары овец. Ровная тишина и спокойствие царили над озером и высоким склоном. Это и называется мирным покоем природы. А запусти на этот склон, всей своей зеленью и крохотными стадами зеркально отображаемый гладью озера, такое же число, сотни и

тысячи людей? Не будут они мирно пастись, но при первом удобном случае передерутся друг с другом, стенка на стенку...

Выслушав, Иосиф Виссарионович с минуту помолчал, обдумывая услышанное, резюмировал так же доверительно:

— Согласен, товарищ Орбели, с основным тезисом пленного профессора: человек в своем стремительном развитии обогнал эволюцию в социальном плане, но период самого его существования несоизмеримо мал по сравнению с геологическими, биологическими эпохами. Поэтому Лоренц и пришел к выводу: только для человека характерен примат социального над биологическим. Отсюда и второй его вывод: агрессия человека, в отличие от минимально-достаточной у животных, неограничена. Словом, самоуничтожение человечества. Обладая, благодаря интеллекту, способностью создавать ужасающие средства истребления, человек остается в плане биологическом все тем же зверем, но уже ни с чем не ограничиваемой жестокостью.

Сталин снова помолчал, пару раз внимательно посмотрев на академика. Орбели понял: последующие слова Вождя суть завершения темы и негласные указания: как советская наука должна относиться к учению Лоренца, то есть руководство к действию*.

— Да, товарищ Орбели, *возможно* (Сталин сделал многозначительное смысловое ударение) так и есть. Но это находится в прямом противоречии с марксистско-ленинской установкой: для человека, тем

* Впрочем, если считать разговор Сталина и Орбели «научной легендой», то и без ведома и указания Вождя вся этология в совокупности ее положений в СССР до середины 1960-х годов полагалась лженаукой, а ее выводы об особой агрессивности человека — и вовсе до девяностых годов. Зато все мы в юности зачитывались популярными книгами Лоренца: «Кольцо царя Соломона», «Год серого гуся» и «Человек находит друга».

более в социалистическом обществе, неизменен принцип преобладания социального, общественного, чем и руководствуется наша советская наука! А Лоренц... как отбудет свой срок на наших стройках восстановления страны, пусть едет в Германию или в Австрию, он ведь оттуда, занимается создаваемой им наукой этологией. Будущее покажет. Все покажет.

Уже встав из-за стола и направляясь в сторону дороги с машинами обочь ее, Сталин приостановился, обращаясь к академику:

— Вы, товарищ Орбели, проведите здесь пару-тройку дней, отдохните. Здесь хорошо, несуетно. А короткую записку на тему нашего разговора позже, дома составьте для меня. Кстати, я ведь самоучка, потому всегда много читал, сейчас читаю. Где-то в двадцатых ознакомился с трудами французского философа-естественника, лауреата Нобелевской премии Бергсона. Еще дореволюционного издания книги в русском переводе. И у него, задолго до Лоренца, четко обозначено, правда, в других терминах, что человек обогнал эволюцию и овладел ее... не всегда разумно это используя. До свидания, товарищ Орбели, доброго вам отдыха!

◆ — Эй, птицелов, герр твою мать, Конрад! Дуё в штаб, возьми нашего сержанта — и в свой лазарет. Какая-то лихоманка у него приключилась: рвется и рожа красная.

Военнопленный, лейтенант медицинской службы Конрад Лоренц, присвистнул руладами, выращенные и прирученные им жаворонок и скворец вспорхнули. соответственно, с «законных» для них правого и левого плеча вылинявшего за два года френча без погон и уселись неподалеку на нижней ветке кизилового дерева. Конрад для острастки шутливо пригрозил им указательным пальцем и пошел в одноэтажное штабное здание. Научившись еще в годичное пребывание в лагере для военнопленных на окраине преду-

ральского Кирова свободно изъясняться по-русски, лишь взглянув на одутловатого сержанта, почти сорокалетнего его сверстника, доложил, тая улыбку, новому начальнику финчасти Степану Игнатьевичу Скородумову:

— Алычовый шнапс, по-русски самогон, температура в ереванской котловине под сорок и закуска из вчерашней гороховой каши. Идите, герр сержант, к нашему фельдшеру, он знает чем помочь.

Степан ухмыльнулся, глядя в добродушные глаза австрияка:

— Ты бы, Конрад, в своей самостоятельности не только «Фауста» репетировал, что, конечно, полезно для перевоспитания бывших гитлеровцев, а лекции бы для разнообразия читал...

— А я и читаю, герр обер-лейтенант!

— Ну-у, ты все больше в них напирал на поведение гусей и людей, а ты бы про умеренность потребления этого самого... с учетом жаркого климата. А с закус... то есть с пищевым рационом, сам понимаешь, как профессор, что ваш Гитлер с вашими же войсками довели страну до карточного пайка. Кстати, сам-то как профессором, в сорок с таким лет в армию попал, да еще на Восточный фронт?

— По провокации студентов в Кенигсбергском университете, где я руководил кафедрой психологии...

— И-и, на чем же они тебя поймали, тем паче члена гитлеровской партии?

— Обычная история, герр обер-лейтенант. Известно во все времена и во всех странах: студенту в радость великую обмануть, а то и этим самым, говном по-вашему, измазать профессора. Так и здесь студент-двоечник, да еще из «фонов», то есть баронов, якобы для понятия попросил на лекции по зоопсихологии изобразить позу агрессивной гориллы. Ну я и представил: волосы на голове разлохматил, в челку сбил, плечи и локти вперед выдвинул, ну а

ладони сложил на понятном месте: животные всегда, готовясь к защите, прикрывают детородные места.

А дружок двоечника, сам такой же, щелкнул фотоаппаратом, а фотографию они с соответствующей подписью «профессор Лоренц пародирует нашего великого фюрера» послали в гестапо. Так меня, почти сороколетнего профессора, в октябре сорок первого и забрали в армию.

— И что, так и воевал все время до плена?

— Нет, конечно, герр обер-лейтенант, вряд ли бы живым так остался. Поначалу назвался мотоциклистом — это у меня в студенческие годы в Вене было такое увлечение, потом друзья устроили в военнопсихологическое подразделение. Его скоро упряднили, а я оказался в тыловом госпитале в Познани. На русском фронте был всего два месяца весной сорок четвертого, где и попал в плен под Витебском.

— Сдался?

— Никак нет, нестроевые части при отступлении отрезали ваши и всех «хэнде хох!» Год в кировском лагере отбыл, а потом сюда. Нравится мне в России, герр обер-лейтенант, только голодно... ну, это я все прекрасно понимаю. Если нет других поручений, то пойду посмотрю на вашего «алычевого» сержанта.

— Иди-иди, Конрад, герр профессор тож. Это ты потом своим немцам расскажешь про свою хорошую жизнь в России...

— Извиняюсь, я не немец, а австриец.

— Тем более, земляк покойного фюрера. Ладно, это я к слову. На вот тебе допдаек как врачу.— Степан протянул Лоренцу завернутый в газетную бумагу кусок овечьего сыра в лаваше,— и-и, заканчивай при людях жрать вареных скорпионов! Тьфу!*

* По другим источникам (из научных биографий, а не из воспоминаний Степана...) Лоренц ел жирные брюшки скорпионов сырыми, предварительно отрывая ядовитый хвост...

♦ Степан, сам без году неделя на лагерной стройке, потому так расхозяйничался, что остался за старшего: капитан-начальник, плохо переносивший жару ереванской котловины, с превеликой радостью укатил в слезно выпрошенный отпуск на прохладную ярославскую родину. А насчет вареных скорпионов не с потолка Степан взял: военнопленный врач в самое жаркое время дня ловит задремавших на солнышке гадов, в изобилии заселявших щели старого глинобитного потрескавшегося сарая, ловко отрывал им ядовитые конечности, а потом варил, словно бы это были раки, в котелке на разведенном костерке.

На все увещевания начальства лагерной стройки, более всего опасавшихся потерять единственного в подчинении врага от укуса твари, Конрад отвечал с наивной чистосердечностью: «Я, герр-капитан (герр обер-лейтенант — Степану), врач и, главное, ученый-биолог, мне нужно головой работать, а для этого нужна белковая пища, которой в нашем рационе крайне мало...»

И тот, и другой, обескураженные логикой фрицевского профессора, коротко взглянув на его добродушное лицо, смачно сплевывали, делали неопределенную отмашку рукой и уходили, все же начальственно советуя «варить эту гадость» подальше от любопытствующих глаз пленных и бойцов охраны: «Дурной пример заразителен! Ты-то спец по обращению с тварями, а вот какой другой оболтус сунется к сараю — и тебе же лечить его придется... если и сможешь помочь».

С корабля на бал оставшись на хозяйстве в лагере, Степан скоренько освоился, сходу выбрав отработанную еще в московском интендантстве позицию Понтия Пилата между охраной, строительными подрядчиками, хозблоком и пленными: сами, мол, разбирайтесь меж собой, только в мои финансы не лезьте, а главное, делайте вид, что все полезные

указания исходят от меня, а вредные для дела — от «стрелочника». А там начальник вернется из отпуска и сам во всем разберется. На то у него на погонах четыре звездочки...

Поскольку собственно с делами финчасти, как давно заведенными, справлялся сороколетний одутловатый сержант, любитель алычового, равно как и тутового, самогона, призванный в войну бухгалтер, оставшийся на сверхсрочную — переждать голодное карточное время на гражданке, — то Степан почувствовал себя, как ранее на замоскворечных складах, настоящим русским начальником: без докуки и особого утруждения руководить... то есть руками водить. Оттого времени у него оставалась предостаточно помечтать о скорой военной пенсии, устройении на хлебное место в Тулуповске после выхода в запас, что-нибудь по хозяйственно-финансовой части... Да и дому родительскому пришла пора ремонт основательный задать.

В скучное послеобеденное время, когда в самую жару даже военнопленные умудряются куда-то поспрятаться, попривык — с подачи профессора-птицелова, много чего умевшего — устраиваться за тем самым глинобитным сараем со скорпионами в щелях под развесистым деревом: плотная тень и хоть какой-то ветерок на склоне холма, где и велась стройка. Скамейку еще до прибытия Степана соорудил все тот же неутомонный, умеющий в любой обстановке завести себе что-то похожее на домашность, на родной дом в Альтенберге близ Вены, добродушный австрияк, бегло говорящий по-русски, сразу пришедшийся по душе Степану, особенно после того случая, когда к прозвищу Лоренца «птицелов» добавилось другое: «волшебник».

Было это так. Степан, уже пару недель осваивавшийся на новом месте службы, вышел по делам из штабного домика. На площадке перед ним, где

пленных стояли утром и вечером для пересчета, пышно именовавшейся начальником охраны «перекличкой и дисциплинарным наставлением», по какой-то причине слонялись пленные, а несколько охраненных солдат вели ожесточенный спор о преимуществе и недостатке великой новости: хозяйка в этот месяц вместо привычной пайковой моршанской махорки завезла из Нагорного Карабаха тючки с прессованными, еще непорезанными табачными листьями. Кто хвалил, кто поругивал; для табака нужно будет запастись трубками. «А чего проще — вот как у Конрада, смастерим из высушенных кукурузных початков», — урезонивал их старшина, сам по званию и должности дымивший «беломором».

Немцы с неподдельным интересом, ибо и им перепало что-то от пайкового курева, прислушивались к солдатской ругани. Кто-то из давно попавших в плен, а потому уже знавших по-русски, походя вступал в разговор с «герр зольдат». От них незлобиво отмахивались: «Не мешайся, Курт, под ногами. Не до тебя! Вам Гитлер на фронте и в тылу цыгарки болгарские и турецкие чуть не в лаковых коробочках от пуза давал, а мы махрой в самокрутках давились...». Поскольку седоусый инвалидный охранник как раз держал в руке развязанный кисет с неодобренной им махрой, то достал из него щедрую щепоть и ссыпал в мигом протянутую ладонь «гефрайтера Курта». Тот заулыбался и принялся с другом Отто ловко сворачивать самокрутки. Бумага у военнопленных своя: порезанные на квадратики номера антифашистской газеты на немецком, что иногда с почтой привозили в лагерь из политотдела ЗакВО*.

Наискосок площадку пересекал чудоковатый профессор, как раз дымя своей кукурузной трубкой. На плечах у него привычно для всех сидели приручен-

* Закавказский военный округ.

ные им жаворонок и скворец. Только вышедшие из пленцового возраста, они любознательно посматривали на таких же, как и их хозяин, людей. На дармовщину курившие Курт и Отто в преддверии перехода всего коллектива стройки с махорки на карабахский табак хотели было поинтересоваться у профессора-врача насчет особенностей вырезания трубок из початков, но здесь скворец, увидев пролетающую стайку своих диких сородичей, спорхнул с плеча Лоренца и устремился их догонять. Немцы и русские, оставив разговоры, с сочувствием посмотрели на профессора, но тот, неспешно отставив от губ трубку, развернулся в сторону стаи с беглецом и почудному, с переливами засвистал. С изумлением все увидели, как одомашненный скворчонок, догнавший было стаю, как-то завихляв зигзагами, затем развернулся и скоренько подлетел к хозяину, тормозяще затрепыхал крылышками и сел на *свое* плечо, прикрыв от стыда глазенки. Жаворонок с другого плеча посмотрел на соседа как старшина на напившегося солдата...

Лоренц вернул трубку на место, пыхнул притухшим было дымком и молча проследовал дальше.

...Вторую свою кличку «волшебник» он в этот день получил от своих коллег по плену: немцы, воспитанные своими муттерхен на сказках Гофмана и Андерсена, братьев Гримм тож, мигом вспомнили про искусных музыкантов, под чью дудку всякое зверье пляшет... Курт и Отто все это растолковали солдатам охраны, а те разнесли по лагерному начальству и вольнонаемным.

♦ В один из очень жарких дней Степан, еще до обеда отдав все необходимые распоряжения по хозяйству, отправился за сарай к «скамейке Конрада», как ее звал весь лагерь. И профессор тоже только что пришел, но с другой стороны. «Герр обер-лейтенант» и «герр профессор» изустно поприветствовали друг

друга, присели и закурили: Лоренц свою трубку из початка, Степан — беломорину, от которой профессор как всегда вежливо отказался, на этот раз пояснив:

— Вы, герр обер-лейтенант, особо не прислушивайтесь к врачам, что по обязанности своей говорят о вреде курения. Жизнь в больших городах делает тамошний воздух во сто крат вреднее табачного дыма: бензиновые выхлопы, испарения нечистот и прочее. Притом курят почти все только на войне — от волнения и постоянной опасности. А в обыденной жизни далеко не все. Понятно, мальчишки подражают взрослым, давятся противным для них дымом. Женщины, то есть настоящие и будущие матери, инстинктивно берегут свои организмы. А из мужчин курят только невротики по характеру и жизни, но, в основном, травку никотиану потребляют по необходимости те, в организмах которых по тем или иным причинам не вырабатывается нужная норма витамина *РР*, то есть никотиновой кислоты. А от этого недостатка человеку угрожают различные недуги, например, пеллагра — это когда кожа шелушится и облезает. Вот такой страдалец и добавляет нужный витамин курением.

— Да-да, герр профессор, не было бы счастья, да несчастье подвалило.

— Извиняюсь, до понимания русских пословиц и присказок я еще не дозрел. Кстати, как врач вам говорю, вовсе не по обязанности клятвы Гиппократата, но по знанию физиологии и биохимии человека: после сорокалетнего возраста бросать курить — еще больший вред организму наносить. Это долго и специальными терминами объяснять, так что просто примите мои слова во внимание...

— Так получается, что все же папиросы вреднее трубки, раз вы, герр профессор, от моих отказываетесь?

— Точно так, яволь, как наши ефрейторы даже в

плени щеголяют. Понятно, что и табак кроме никотина много чего бесполезного человеку в дыме своем содержит, но вреднее всего — дым от горящей бумаги в русских папиросах и самокрутках и в наших сигаретах. Вот почему менее вредны трубка и сигара. Ну-у, до сигар всем нам далековато, а трубку сделать любой мальчишка может. И еще одна польза курения в ситуациях, требующих предельной работы мозга: никотин мобилизует память, мгновенную сообразительность. Потому курят военные и... ученые. Для первых — это как ваши сто грамм перед атакой и таблетки первентина, что нашим солдатам раздавали.

Женаты, герр обер-лейтенант?

— Да, семейный. По осени, по прохладе сюда перевезу из Тулуповска, если самого куда не переведут. Военные не сами за себя думают. А у вас как на этом фронте?

— Тоже. Супруга Маргарита Гебхардт; с ней мы с детства знакомы. Сейчас в нашей семейной усадьбе в Альтенберге — на берегу Дуная — меня дожидается. Кое-кто из пленных уже дома, а мне лишнего за членство в партии, хотя я там и «застрял» в кандидатах, накинули.

— По обязательке, небось, как профессору положено?

— Нет, у нас это не привязывалось друг к другу. По убеждению. Правда, к середине войны, много чего повидав в Польше, в Познани, где служил в резервном тыловом госпитале, от убеждений этих напрочь отказался. А вступил в тридцать восьмом после аншлюса с Рейхом. Тогда почти все австрийцы это приветствовали, поскольку в Вене такие клерикальные власти подобрались, что своей откровенной тупостью почти революционную ситуацию создали...

— А оказалось, что хрен редьки не слаще?

— Да-да, герр обер-лейтенант, человечество и отдельные люди только на ошибках и учатся. И все

равно их повторяют: ничему история не учит. У русских и здесь, конечно, своя пословица имеется?

— Вновь на грабли наступают.

— О-о, это архипонятно. Вернусь домой — отыщу словарь русских пословиц. На ночь буду читать. Извиняюсь, мне моих птичек покормить время пришло.

Конрад отодвинулся на самый край скамейки, освободив место, достал из бокового кармана выцветшего офицерского френча горстку ячменя, которым его охотно снабжали на кухне, посыпал на доску скамейки, как-то особенно присвистнул, после чего жаворонок со скворцом слетели с плеч и не хуже куриц задолбили клювами.

— Червячков бы им, — посочувствовал Степан, — а то все сухомятка.

— А они их утром с кустов склевывают. Я специально с ними еще по росе хожу.

— И как они по привычке на плечах сидеть? Чудно.

— Ну-у, герр обер-лейтенант, это мое научное открытие, в смысле мое научное объяснение давно и хорошо известного факта: кого птенец, только что раскрывший глаза, увидит в движении, в ходьбе, за тем и будет ходить, полагая его своей матерью. *Импринтинг* по-научному называется. Оба моих подопечных из тех несчастливцев, что выпали еще полуживыми из своих гнезд и первым в движении увидели меня. Значит — я их мать. У себя в Альтенберге так случилось, что целый выводок серых гусей за мной ходил и плавал, когда купался. Отсюда и первое мое прозвище в Венском университете, где числился доцентом... без жалованья: «гусиный отец»...

— И я с гусем историю из детства помню, когда на лето из Тулуповска приезжал к деревенской родне. На все село был знаменит матерый гусята, во-жак стаи, что за бабкой моей всегда ходил, стоило ей от дома отойти: бабка в лавку — он за ней пол-

села идет, она в церковь, пока ее не закрыли, — гусь туда же. Еще ворчит, что в церкву не пускают; ждет бабу всю службу!

Бабка говорила, что трех царей — двух Александров и Николашку Кровавого пережил. Теперь вот на советскую власть трудится. Приврала, конечно, старая: вряд ли трех. Отец прикидывал: если даже в год убийства Александра Освободителя на свет появился, то должно быть ему под сорок лет! Приврала, приврала...

— Никак нет, герр обер-лейтенант, естественный срок жизни гусей, уж поверьте мне, «гусиному отцу», сорок — сорок два года, если в котел с лапшой не попадет. Так что все по срокам сходится. Права, значит, была ваша гротсмутер!

— Да-а, дела, значит до половины человеческой жизни гусь дотягивает, если тот лет до восьмидесяти доскрипит?

— Опять же, герр обер-лейтенант, здесь не все так просто, ибо естественный, природой гарантированный срок человеческой жизни, как и у ближайших родственников — обезьян, меньше гусиного: тридцать пять лет!

Степан с невольным сомнением посмотрел на ученого собеседника, но, встретив полную доброжелательность на лице того, возразил:

— А как же в деревнях нередко бабки, как моя, и деды, что в войнах, по пьяни или в тюрьме не преставились, до восьмидесяти-девяносто лет не то что на печи скрипят, но по хозяйству еще гоношатся? Вот в соседнем с бабкиным селе, где старообрядцы-«поповцы»^{*} проживают исстари, водкой почти

^{*} Русское старообрядчество, правильное — староверчество, исторически делится на несколько направлений, «толков». Поповцы — единственный толк, имеющий структуру обычной православной (нико-нианской) церкви: архиереи, священники, церкви. Канонические области: Брянская, Калужская. Московская и Тульская области.

не балуются, не курят, есть и примершие в сто — сто десять лет. Бабка опять же, тайком от партийного отца окрестившая меня, шибко грамотная до церковных книг, читала про Мафусаила, прожившего девятьсот лет...

— Вы не сомневайтесь в моих словах, герр обер-лейтенант, — я ведь профессор по биологии и медицине, отвечаю за свои слова даже здесь, в лагере, не только за университетской кафедрой. Да, именно тридцать пять лет. Это еще отец медицины Гиппократ говорил: до тридцати пяти лет человека оберегает природа, а после он сам должен заботиться о своем здоровье. Во-первых, про Мафусаилов возраст — это греки, а потом с греческого и русские перевели из Ветхого Завета возраст дословно с древнего арамейского, языка иудеев, не зная, что в древнем их календаре годом назывался месяц, то есть Мафусаил прожил всего-то семьдесят пять лет. Честь ему и хвала! А то, что мы живем порой за два гусиных возраста — это успехи цивилизации и культуры: привычное и достаточное питание, труд по силам, медицинская помощь. Кстати, в не столь уже далеком Средневековье средняя продолжительность жизни в Европе, исключая восточных славян, Россию в первую очередь, составляла и вовсе двадцать семь лет! — Бесконечные рыцарские войны, чума, холера, а главное, чего никогда ранее Россия не знала, — страшная и постоянная голодовка, по сравнению с которой наш лагерь — сезонный санаторий с усиленным питанием.

— И доппак из вареных скорпионов?

Лоренц добродушно заулыбался своей слабости, развел руками, несколько насторожив закончивших клевать ячменное зерно птичек, вспорхнувших на свои плечи:

— Зато, герр обер-лейтенант, я под угрозой расстрела не буду есть гусятину.

— Ну, ладно, мне пора в пищеблок приварок на завтрашний день утверждать, а вам, смотрю, не терпится корябать своим гвоздем гроссбух? Кстати, поосторожнее с гвоздем на случай наезда проверяющих, особенно из политотдельцев: режущие и колющие предметы в лагере запрещены. Прощевайте!

Степан, достав из кармана галифе пяток ирисок в обертке, ссыпал их на ладонь Конрада:

— К чаю на ужин. Да сами ешьте, для мозгов полезно, не раздавайте этим шаромыжникам* Курту и Отто. Они и так как мухи около кухни выются!

◆ К «гроссбуху» профессора в лагере все попривыкли, даже «кум» — младший лейтенант, в едином лице составлявший оперчасть, уяснивший со слов Лоренца, что это научный труд по биологии, а вовсе не описание режимного объекта — стройки. Кум, конечно, обо всем доложил по команде, потому прибывший по другим делам майор из оперчасти ЗакВО захватил из Еревана переводчика. Тот читал по-русски майору размышления о поведении и инстинктах серых гусей. пока тому не надоело. На вопрос же внушавшего ему доверие чудоковатого ученого военнопленного о возможности взять рукопись домой в Австрию, неопределенно ответил, что-де, во-первых, надо еще дожидаться окончания срока плена; во-вторых, это будет решать начальство того сборного лагеря, откуда пленных будут репатриировать. «Про гусей писать можно. Полезная в хозяйстве птица», — резюмировал особист и отправился угощаться у начальника строительства, благо время близилось к

* Кстати, порой мы очень уж хвалим ученых немцев. Так лучшим этимологическим словарем русского языка безоговорочно считается четырехтомник немца Фасмера. Увы, происхождение всех трех ругательных слов (шваль, шаромыжник, шантрапа), оставшихся в русском языке после Наполеонова нашествия, Фасмером толкуются совершенно превратно, далеки от истины бесконечно...

обеденному. Поскольку в этом лагере как-то не при-
вилось начальственное воровство, то и пленные свою
неурезанную пайку, а кашу порой с добавкой, полу-
чали; солдаты охраны и вольнонаемные строители не
жаловались, а капитану было с чем встретить прове-
ряющих разных рангов. Капитан, начальник лагеря,
тщательно скрывал, что дьячок-дед нещадно лупил
внучков за богохульные слова и единую утащенную
конфетку... «Безусловный генетический рефлекс вы-
работался», — по схожему поводу пояснял Степану
профессор.

Познакомившись с профессором, Степан не стал
задавать глупых вопросов навроде: почему на обыч-
ной бумаге чернилами ручкой не пишете и пр. По-
нятно, что бумагой для письма разжиться сложно, а
по лагерным правилам пишущий в охотку на бумаге
военнопленный — это все равно, как если бы тот
же Курт или Отто зашли в оружейную комнату и,
выклянчив у старшины махорки, а лучше по паре
(одну за ухо в запаску) «беломорин», уселись бы
передохнуть в тенистой каптерке... Все же честь
знать положено и профессору! — Лагерь-то сугубо
режимный.

Конрад сидел на *своей* скамейке за сараем и,
развернув свой гроссбух, или, как его называл Яш-
ка-одессат из солдат охраны, талмуд, и рисовал —
карябал гвоздем иллюстрацию к тексту: на этот раз
не гусей, но собачью морду, в последовательности
изображений опытной рукой графика-рисовальщика
выражения которой переходили от полнейшего доб-
родушия и преданности хозяину до совершенной
злостности: сморщенная переносица, оскал ощеренной
пасти, суженные веки глаз... так и чудится грозное,
предупреждающее рычание. Даже сидящие на плечах
жаворонок со скворцом притихли и нахохлились.

— Это они, герр обер-лейтенант, не собаки ис-
пугались, — остро перехватил взгляд подошедшего и

тоже усевшегося на скамейку Степана, — они плоских рисунков не осознают, и вообще реагируют только на движение. А я вот иллюстрирую главу об агрессии в среде животных... и людей, конечно.

— Чудно вы пишете, профессор, за неимением нормальных писчебумажных принадлежностей, — польстил Степан, зная, что Лоренц очень гордится своим грессбухом.

Тот с неделю назад с дотошной обстоятельностью ученого немца (австрийца тож) объяснил герру обер-лейтенанту, что обычная писчая бумага, если бы такая случилась у него, и чернила в части сохранности записанного — вещь малонадежная в кочевой лагерной жизни.

— Бумага по военным временам очень низкого качества: в сырость как промокашка из школьных тетрадей, в жару и сухость коробится и ломается. Чернила выцветаются, а на отсыревшей бумаге и вовсе делают записи не различимыми для глаз. Но, как говорит *наш* ефрейтор Чернопятко, хохол даже на здешней горе Арарат сумеет выгнать самогон и сала достанет. Австрийский немец тоже догадлив. Собрал на строительной свалке за складом пустые мешки из-под цемента, вырезал пару сотен листов стандартного писчего формата, отмыл их от грязи и цементной пыли и крошек, высушил на солнце, под прессом — два досчатых обрубка и камень под двадцать килограмм — разгладил. Затем сшил листы тонкой провололочкой, пробив стопки листов по самому левому краю кровельным гвоздем, а переплет сделал из фанеры, обернув ее кирзой от пришедших в полную негодность сапог старшины. — Я ему два чирья удалил с причинного места...

Пишу только на той стороне, что внешней на мешках была: покрыта водоотталкивающей лаковой пропиткой. Здесь два существенных достоинства: она гладкая, а любая царапина острым на ней навек

сохраняется, что называется, до исления. Вот мой пишущий «прибор», — и протянул Степану уменьшенную копию того предмета, что в лагерной жизни именуется заточкой. Его не раз вертел в руках кум, застав пленного профессора за письмом, но возвращал хозяину, убедившись, что собственно металлическая часть не превышает двух сантиметров. Однако по обязанности наставлял: «Упаси, сам знаешь кто, если это на глаза кому из проверяющих лагерную жизнь попадется! Не посмотрят на *твое* профессорство и возраст — за можай загонят. И нам с товарищем капитаном кроме мата много чего придется выслушать...»

И Степан с уважением не раз рассматривал удивительный пишприбор, который Лоренц всегда носил в левом нагрудном кармане своего ветхого френча офицера вермахта, упрятанным в металлическую трубу с колпачком — от трофейного (для победителей, конечно) немецкого медицинского градусника. В плексигласовую, оребренную для удобства письма трубку-держало вставлен с рабочего конца резак, заостренный во всю длину гвоздь, закаленный владельцем и отполированный. Но главное — вдоль «пера» до самого острия была выточена канавка навроде той, что всегда имеются на боевых и охотничьих ножах, исторических мечах, всех кинжалах и палашах — для стока крови.

Здесь же по канавке стекала густо разведенная марганцовка, тоже навечно пропитывая выцарапываемые профессором буквы на листах гроссбуха. Чернильницу, обычную школьную непроливайку, Лоренц также носил, но уже в боковом кармане френча, в медицинской металлической баночке с крышкой. К марганцовке он, как лагерный врач, имел неограниченный доступ.

♦ — Так что там об агрессии? — продолжил Степан начатый разговор.

Лоренц отложил свое перо, со вкусом раскурил трубку, явно радуясь появившемуся любознательному собеседнику.

— А это главная тема моих исследований, начиная со стажировки в Англии в двадцатых годах у знаменитого биолога Джулиана Хаксли и работы в Венском университете. И только на войне пришел к окончательному выводу, который сейчас и развиваю в рукописи. Вы, герр обер-лейтенант, человек образованный, много в жизни повидавший, в войне участвовали, в отличие от меня, тылового врача, непосредственно в боях, ранены, поэтому поймете мою мысль.

Все дело в том, что человек в своем развитии от высших обезьян до современного обогнал эволюцию жизни на Земле — ту самую дарвиновскую, что мы изучаем в школе. Я сам искренний дарвинист, и у вас в стране, насколько знаю, учение Дарвина органично вписывается в марксистский материализм. Что значит обогнал? А то, что если бы человек развивался по законам эволюции как и все остальные животные виды, то от пещерного нашего предка до достижения современного образа жизни и мышления человеку потребовались бы сотни тысяч лет, а он уложился, так сказать, в какие-то десять с небольшим тысяч!

То есть человек, как любил повторять мой учитель Джулиан Хаксли, есть животное, осознавшее и перехватившее естественную эволюцию. Хорошо это или плохо? Хорошо, что человек за столь короткий срок стал полностью разумным и, как уже ваш биолог Мичурин говорил, сам стал управлять природой... впрочем, не очень-то и хорошо, ну-у да об этом долго можно рассуждать.

А плохо в том смысле, что человек за относительно короткий период цивилизации и культуры несказанно развил свой мыслительный аппарат, нау-

чился все делать по преобразованию природы, но при этом научился создавать совершеннейшее оружие войны и охотно использовать его по поводу и без него. За примером далеко ходить не будем: только что пережитая человечеством самая страшная мировая война.

Зададимся вопросом: откуда такая мощная агрессия в человеке, особенно в современном? А это все из того же корня, человек обогнал естественную эволюцию: несказанно развил мышление, но инстинкты его никуда не делись, оставшись на уровне самого примитивного обитателя пещер. Отсюда и противоречие интеллекта и инстинкта человека.

С точки зрения биологической эволюции агрессия — это вовсе не зло, поэтому в своих работах я и пишу: «Агрессия (так называемое зло)», а необходимое средство выживания вида. Отсюда и межвидовая и внутривидовая борьба; борьба за существование и отбор наиболее полноценных особей. Биологам-эволюционистам давно известно: чем больше «вооружено» животное, тем меньше оно проявляет агрессивности. Своего рода подобие морали: взять нужное для пропитания и на том успокоиться. Тот же тигр, хищник сверхвооруженный: отловит косулю, сожрет ее и неделю дрыхнет в камышах. Трава по нему хоть не расти.

Но чем это вооружение меньше, тем меньше и мораль животного. А чем меньше мораль, тем больше агрессия: всех против всех, закон выживания. Древний человек, еще до овладения примитивными орудиями навроде дубинки, был практически безоружен: ни когтей, ни клыков, ни рогов. Поэтому его животная мораль была предельно низкой. Теперь рассуждаем так. Человек, обретя разум и став самым вооруженным видом — от дубинки до американской атомной бомбы (и у вас, не сомневаюсь, герр оберлейтенант, она скоро появится), — в полной мере со-

хранил инстинкт предельно низкой морали. Отсюда и его сверхагрессивность. Инстинкт-то, как биологическое явление, за десять с небольшим тысяч лет цивилизации и культуры разумом не перестроишь!

И когда говорят, что все беды человека от его ума, это истинная правда: создал все средства уничтожения себе подобных, а инстинкт агрессии, то есть слабой морали, подавить не в его власти, герр оберлейтенант. В этом, вкратце говоря, и мое открытие, основное направление моих исследований, которые и надеюсь продолжить после возвращения из плена.

♦ — Понимаешь, Андреяныч, в чем гениальность открытия Лоренца? В чем-то почище водородной бомбы твоего харьковского знакомого, что служил сержантом с двумя лычками на Сахалине. Вот простой пример на сегодняшний день: весь мир в страхе перед террористами; де-факто понятно: теракты страшнее водородной бомбы. Кстати и сам Лоренц в своих послевоенных работах и выступлениях слово в слово это повторял: что страшнее — атомное оружие или сверхагрессивность человека? Но атомную бомбу достаточно не использовать, а биологический инстинкт агрессивности человека, увы, никакими конвенциями и договорами не уберешь...

— Признаться, Васильич, в памяти только популярные книжки «герра профессора» про повадки животных. Об его исследованиях врожденной агрессивности человека как-то не доводилось читать...

— И верно, где прочесть-то? Эта сторона исследований Лоренца в советское время под запретом находилась. Только в конце девяностых годов стали у нас издавать его серьезные труды. Но как раз в это время в России вовсе перестали что-либо читать. Даже так называемые ученые это нерентабельное дело прекратили. Дорого яичко в пасхальный день!

— Чем же завершился плен профессора и служба в Армении твоего дядьки?

— Недолго Степан Игнатьевич помучался в тамошней жаре. Вспомнил о нем его благодетель-полковник, ставший генералом, и перевел его в родной Тулуповск на хлебное место в гарнизонном интендантстве. Даже о новой звездочке на погоны похлопотал — вот оно тогдашнее военное братство! Вдохновленный дядька так и дослужился до полного пенсионера по линии Минобороны, семейно обустроился, хотя воровать так и не научился. А после отставки уже в горкомхозе трудился на очень приличной для областного города должности.

А Лоренца все же успел проводить из ереванского лагеря. Понятно, о дальнейшей судьбе военнопленного профессора он не мог ведать, но в девяностые годы, когда стали издавать книги Лоренца, я узнал из разных источников, что из Армении профессора этапировали в подмосковный Красногорск в привелигированный по понятиям пленных лагерь. Дело в том, что, как говорили мне знающие люди, в это время в СССР шло строительство оптико-механических заводов, а оптика доселе являлась самым слабым местом советской военной, да и гражданской, промышленности. По репарации оборудование и документацию флагмана оптической отрасли Рейха комбината «Карл Цейс Йена», отошедшего в советскую зону оккупации, вывезли и распределили между будущими гигантами советского оптико-механического производства: Красногорск, Загорск, что ныне Сергиев Посад, ЛОМО — Ленинградское оптико-механическое объединение, Изюм близ Харькова и Минское оптико-механическое объединение. Поскольку Йена входила в территорию, планировавшуюся как будущая ГДР, то рачительный хозяин Сталин порекомендовал немцам заново создать «Карла Цейса» — но только для мирных нужд грядущего соцлагеря. Что трудолюбивые немцы и исполнили.

А почему привилегированный лагерь в Красногорске, равно как в Загорске и пр.? — Был отдан приказ: со всех лагерей военнопленных отобрать специалистов различных профилей. А раз Лоренц являлся профессором, хотя бы даже биологическим, то туда ему и дорога — на усиленный паек и ударный труд во искупление прежних грехов.

Поскольку же Лоренц оказался австрийцем и не профессором по оптике, то его скоренько определили в сборный лагерь первой партии репатрируемых австрийцев, мобилизованных в вермахт. Здесь Конрад всерьез беспокоился о своей рукописи, которую успел завершить в ереванском лагере. Как тонкий психолог, понимал, что в советской стране еще царит эйфория великой победы, а русский человек, без того душевно добрый, расслабляется, стряхивает с себя паутину настороженности и подозрительности. Этим и воспользовался, обратившись к руководству лагеря с просьбой разрешить взять «гроссбух» на родину, благо рукопись посвящена исключительно теории биологии.

Ему ответили в том смысле, что добро могут дать только сверху, а для этого нужна машинопись рукописи. И здесь охотно пошли навстречу: выделили для занятий каморку рядом с оперчастью, в которой поставили стол с трофейной немецкой машинкой «*Reinita*» с латинским шрифтом, бумагу и копирку для печати двух экземпляров. В самый короткий срок Лоренц выдал на года машинопись, в которую в нужных местах пририсовал иллюстрации и схемы. Один экземпляр отправили «на всякий случай» в архив на Лубянку, второй — научному «цензору», которого профессору великодушно разрешили выбрать самому. Он предпочел академика Орбели, присовокупив к машинописной рукописи сопроводительное письмо.

ясь разрешения свыше, разрешил профессору захватить «гроссбух» с собой, взяв с него честное слово, что в рукописи только биология и никакой политики. Об этом русском великодушии донельзя потрясенный Лоренц впоследствии постоянно вспоминал. Более того, начальник дал ему и «охранную грамоту», чтобы в пути более рьяные досмотрщики не отобрали странный предмет...

...Конрад Лоренц вернулся домой в феврале сорок восьмого года. С собой он привез «гроссбух», прирученных еще в Армении жаворонка и скворца, подарок супруге — им же вырезанную деревянную статуэтку утки, знаменитую трубку из кукурузного початка и жестяную ложку. Впереди у него было руководство созданными им в Германии и Австрии научными институтами, нобелевское лауреатство и мировая слава.

До конца своих земных дней он с юмором и добром вспоминал годы, проведенные в советском плену. От добра добра не ищут...

♦ — Однако, Андреяныч, что-то мы с тобой в ностальгию по старым добрым временам и людям ударились. Пора, пора переходить от гениев ума к современному ничтожеству умозамещения. Кстати, вот напоследок вспомнил из рассказов дядьки Степана: еще при отъезде из армянского лагеря тамошний «кум» почти дружески посоветовал профессору не брать с собой — от греха подальше — сомнительный по виду пишущий прибор. Он и подарил его на расставании Степану. Тот же, возвратившись в Тулуповск и крепко осев в родном городе, поначалу забыл о нем, но как-то, подшивая валенки старшему сыну, сломал дедовское еще шило, а тут на глаза попался никелированный футлярчик с Лоренцовым приспособлением для письма. Обрадовался и с тех пор только им и пользовался для починки обуви: не ломалось это шило, на совесть профессор закалил.

Шло время, семья разрасталась, дети выросли и обзаводились мужьями и женами. Тесен стал отцовский дом: кто солидную пристройку освоил, а кто квартиру получил. При разъездах и перемещениях перепрофилированное на шило перо немецкого профессора, уже ставшего к тому времени нобелевским лауреатом, куда-то запропастилось.

— Пора нам, Васильич, покинуть этот гостеприимный дом с камином. Кстати, чего-то не хватает для каминной классики, не кажется тебе, а?

— Полка у него пустая. Что-то должно на ней стоять, тогда и композиция будет завершена. Пошли, а то совсем стемнело, автолайны все реже ходят. Хотя, если опоздаем, то Прокофьич с Тихоновной в ночлеге не откажут, а домой позвоним — тоже, думаю, особо не беспокоятся.

— Никак нет. Завтра пятница — у меня первая пара. Пошли.

Одевающихся в прихожей гостей провожали Тихоновна и сонный Мичман.

— А где командир корабля?

— У калитки с Урупкиным разговаривают. Чегой-то на ночь глядя цыган притащился. Небось, не допил, самогоновки просит.

Действительно, оседлый цыган Урупкин в долгополом ватном пальто «гроб с каракулем», со старинной шапкой «хрущевкой» на голове, сверкая глазами на бронзовом от природы и вышитого лице и топорща чернящие буденовские усы, убеждал Прокофьича совершить честный и обоюдополезный обмен: поллитровку «домашней» за некий предмет, который держал в руке. Другая занята поводком здоровенной овчарки с отливающей золотистой рыжиной шерстью, которую весь поселок знал под кличкой, со звуочной с именем видного руководителя партии и правительства, гремевшим в лихие девяностые...

Подойдя поближе, собеседники разглядели в

правой руке оседлого цыгана хотя и простенький, почерневший, но явно старой работы канделябр под две свечи.

— Так вот чего не хватает на... — хлопнул себя по лбу Игорь Васильевич, неосторожно повывисивший голос.

Но Урупкин уже уловил заинтересованность своим товаром и в разговоре с Прокофьичем резко повысил тару с поллитра до ноль семьдесят одной.

Коря себя за потерю бдительности в присутствии оседлого цыгана, Игорь Васильевич поневоле раскрыл карты:

— Ну-у, допустим, поллитра — красная цена за эту рухлядь, но все же, Прокофьич, поможем мужику снять усталость трудового дня, — со значением подмигнул хозяину дома так, чтобы Урупкин не видел.

Понимая, что родственник-профессор напраслины не скажет, Прокофьич, сделав жест рукой, скоренько сходил в дом, вынес требуемое и обменял на канделябр. Когда Урупкин, рассчитывая в уме, प्रदेशивил он или баш на баш сварганил, удалился с овчаркой и бутылкой, Игорь Васильевич все объяснил к вящему удовольствию Прокофьича:

— Это бронза второй половины девятнадцатого века. Ототри грязь и зелень кислотой, отшлифуй пастой ГОИ* на своем войлочном моторном круте и...

— Учи ученого! Приведу в надлежащий вид и еще полачу: как золотая сверкать будет... и-и куда ставить?

— Как куда? На каминную полку. И вставь в канделябр витые пасхальные свечи, что у Тихоновны видел. И вся комната засияет, Мичман глаз не оторвет!

* Уникальная советская шлифовальная паста, первоначально созданная для нужд оптической промышленности, но затем широко стала использоваться и для чистовой шлифовки металлов. ГОИ — Государственный оптический институт.

— Синьор, я вам сообщу величайшую эволюционную тайну науки, которой мы служим. Вы в своей диссертации доказали, что время существования неандертальцев и кроманьонцев пересеклось. А я сейчас пишу монографию, где доказываю: среди современных людей есть потомки тех и других. Постнеандертальцы — это генералы, прапорщики, политические вожди, братки, словом — люди с сильной волей. А потомки кроманьонцев — это слабосильная интеллигенция, особенно по научной части, телевизионные комментаторы, политические перевертыши, то есть люди с узкими лицами и затылками «тыковкой», малокровные, часто — безденежные...

Фригийский колпак бесчестия всегда болтается за спиной научного новатора. Это как фашины с дротиками, что несли за триумфатором-полководцем, въезжавшем в Рим после одержанных побед, напоминая: слава твоя коротка, если ты не будешь ее постоянно поддерживать. Раз взявшись за меч воина или перо ученого, не почивай на лаврах, а трудись, трудись и еще раз трудись! (Об учении уже сказал основоположник социализма).

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ: НА ЦЫГАНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

♦ То ли из сегодняшней каминной беседы всплыл и не хотел уходить из активной памяти образ военнопленного австрийского профессора, закусывающего лагерную ячменную кашу парой свежепойманных скорпионов — к ужасу конвойной команды, а может перцовка с массандровской мадерой, качество которой за время хохлацкого правления довели до старинной ебурлығы за рупь-десять бутылка, плохо в желудке друг на друга наложились, но сон Игоря Васильевича в воследовавшую ночь случился сумбурным и прерывистым. А тема сна? — Уже наутро, как самодельный психолог, Игорь Васильевич, как два пальца об асфальт, доказал сам себе: сказался эффект «последнего кадра». То есть, во сне чаще всего отображается тема последнего видового или слухового перед глубоким засыпанием впечатления. Если перед этим супруга упрекала в низкой зарплате или отказала... понятно в чем, то и снится будет кассирша учреждения, в табельный день приятно удивляющая суммой зарплатной выдачи («Ой, профессор, вам тут подкинули большую премию...» неважно за что), либо та же кассирша, удивительно помолодевшая, на местном курорте накоротко, как принято в этих заведениях отдыха, сошедшаяся с молодцеватым профессором, всю ночь удивляющая его любовными приемами... Кстати, Игорь Васильевич вспомнил рассуждения Фрейда, что самые сексуальные женщины — это ведущие сидячий образ рабочей жизни: те же кассирши, секретарши, конторские служащие, поскольку за трудодень сидения кровь наполняет тазовую область тела, поэтому оную гражданку так и тянет после окончания рабочей смены лечь под матерого мужика: до полной раскрепощенности и непристойности, до пугающих — через тон-

кую стенку — соседей криков восторга и краткосрочного обморока...

А само название эффекта «последнего кадра» по схожей психологической обусловленности идет от работников сценического и кинематографического искусств, ибо зритель запоминает только финальные моменты. Это прекрасно знают нынешние шоумены. Потому-то при составлении программ концертов «на бабки» между продюсерами голосистых, равно как и безголосых, певцов и певиц идет отчаянная открытая и подковерная грызня за эффект последнего выступающего.

Далеко в своих размышлениях Игорю Васильевичу здесь не надо было ходить. В совсем не далеком от поселка Прокофьяча, ближнем и к областному центру промышленном городе, первенце позднесталинской индустрии, вырос, обрел голос, а затем покориł Москву и Россию талантливый певец патристической тональности. В одном из значимых концертов он не поделил этот последний выход на сцену с тож знаменитой мусульманской певицей, за что его и хлопнул из револьвера продюсер последней. Тот-то, понятно дело, скоренько убыл в Израиль, откуда, как некогда казаки с Дона, выдачи своих нет, а в промышленном городке своего кумира до сих пор вспоминают ежегодными празднествами...

Так и лейтмотивом сумбурного сна Игоря Васильевича оказался «последний кадр» по выходу из дома Прокофьяча: оседлый цыган Урупкин со старинным бронзовым канделябром, так и просившимся на каминную полку. Все же рачительный хозяин выдал тому изначальную поллитровку «домашней», а Тихоновна, как истинно русская баба жалостливая к домашнему скоту, вынесла цыганской овчарке сахарную кость. Она погладила удовольствовнно заурчавшего кобеля, отчаянно завертевшего хвостом, по загривку, назвав его по всероссийски громкому имени,

но политически грамотный оседлый цыган упрекнул ее: «Нэ надо, дорогая Тихоновна, так говорить! Сейчас другие времена настали, как говорят по телеку — *политсорентные*, нельзя животных называть именами руководителей партии и правительства» (Здесь Николай Андреянович и Игорь Васильевич в восторге подпрыгнули: ну, цыган, ну и политическая грамотность во все слои народа проникла!)

— А как же теперь ее кличут? — спросила Тихоновна.

— Ваучер, — горделиво сказал оседлый цыган, бережно упрятывая поллитровку за борт своего «гроба с каракулем».

— Хрен редьки не слаще, — усмехнулся Николай Андреянович, — а ведь сейчас и это не политкорректно?

— Не знаем мы, романэ, этих корректностей, а мне наш участковый Колька Шустов, что намерен получил капитанские погоны, велел переименовать кличку. Да еще и летошним временем велел всему табору, теперь уже оседлому, явиться, как это... на *прамезиру* и проголосовать за *нашу* партею. Не как раньше, даже по бутылке на лицо не дали...

◆ Снилось, что зашел он к декану факультета. Просто проходил мимо и зашел, как человек воспитанный и помнящий добро, поздороваться. Поздравить с добрым зимним утром. Хотя бы его нынешняя должность «вольного стрелка» и не предполагала в табели о рангах отношений начальника и подчиненного. Просто поздороваться. Однако, декан обрадовался приходу Игоря Васильевича, как человека, с которым можно без всяких этих табелей поговорить о делах насущных: может что и полезное подскажет?

— Понимаешь, Васильевич, времена сейчас сугубо экономические, во всем требуется этот самый *бизнес* разэтаким устраивать. И мне ректор говорит,

что, дескать, надо тебе на факультете какую-нибудь денежную для университета специальность открывать. А я ему и прямо говорю: задумка есть, фармакологию открыть. Все хорошо: очное, вечернее и заочное обучения разрешены. И все «платники» в нашем городе и области нахлынут. Какая же денежная выручка для «универа» образуется, а? На это он меня и благословил. Добавил: «Я — человек, во многие двери в столице вхожий. Чем могу — помогу». Как сам полагаешь, Васильевич?

— Задумка здравая, но кому эта самая фармакология сейчас нужна? Во-первых, мы есть вуз провинциальный, значит и кадры вроде как должны готовить для своей губернии преимущественно. Но у нас исстари никакой фармации не имелось, только ранее обязательная для каждого областного центра крохотная «галеновая фабрика», где для нужд местных аптек и больничек готовили спиртовые настойки лечебных трав навроде боярышника и пустырника, что по их копеечной советской стоимости в основном потребляли профессиональные алкаши, а все эти снадобья они именовали обобщенно, так сказать, «мурашами» — от названия наиболее лакомого муравьиного спирта. Правда, в девяностые годы по столичному примеру делали «брынцаловку»* в емкостях от поллитры до многолитровой тары. Сейчас и вовсе, наверное, сгинули. Нет, года три тому назад купил тюбик синтомициновой эмульсии для домашней аптечки, но тут же и в помойку отправил: мазь в тюбике оказалась несмешиваемой: целебная белая паста и коричневого оттенка разжижитель выдавливались

* Имя Брынцалова гремело и прославлялось пьющим народом в эти годы. Став «королем от фармации», наладил производство архидешевого аптечного алкоголя. Еще ТВ радостно сообщала о его чудачествах, например, при ремонте Красной площади скупил оптом прежнюю брусчатку, которой и выложил полы своей двухэтажной дачи...

поочередно и в гордом одиночестве... Перед выбрасыванием — я с умеренным домашним матом, супруга с легким сожалением о потраченных сорока рублях — осмотрел коробочку и мигом вспомнил, как по местному радио начальница медицинского департамента с гордостью рапортовала аж самому губернатору о возрождении тулуповской галеновой фабрики; уже, мол, запущена линия по производству противовоспалительной синтомициновой мази... Нет, областная фармпромышленность не состоялась, а для настоялки боярышника ежегодный выпуск специалистов высшей квалификации явно избыточен.

— Но ведь в аптеках провизоров, а это работники как раз с таким образованием, никто не отменял? Опять же есть другие города с фармацевтическими исследовательскими институтами, с производством лекарств и...

— Никак нет, Анатолий Семенович.

— В смысле... чего и где нет?

— Нет больше провизоров в аптеках, а потому там почти стопроцентно импортными снадобьями торгуют девочки, окончившие то ли медучилище, колледж по-нынешнему, а может и какое ПТУ, лицей опять же по-сегодняшнему.

— Ну-у, это ты, Васильевич, хватил левизны в отрицании всего нынешнего жизнеустройства страны. Как же без провизоров? Кто рецептурные лекарства, мази всякие будет составлять? Не девочки же из этих... колледжей и лицеев?

— Докладываю, как всегда, из первоисточника. Прошедшим летом у племянницы жены на щиколотке левой ноги обострился дисгидроз. Опасного ничего, дело сезонное — все от рождения, кардинально не лечится. А на вид что-то вроде покраснения с шелушением кожи. Но вы ведь прекрасно знаете, что молодые женщины, впрочем, и не очень, летом полагают щеголять на людях с ногами, сплошь голы-

ми от пяток и пальцев до середины бедер... а то и повыше: смотря по стройности и длине этих конечностей. Я и говорю племяншке — мажь, мол, мазью «тридерм», все зарубцуется и почти не видно — до следующего лета — на взгляд идущих тебе навстречу потенциально завидных женихов: умеренное брюшко в неполные сорок лет, разведен, доход от ста тысяч баксов в год, квартира в центре и коттедж за городом...

Она мне — все бы тебе, дядь Игорь, иронизировать. Мне надо вылечить тотчас и навсегда! Такие вот максималистки в возрасте от четырнадцати до восьмидесяти лет сейчас объявились.

...Не отказался Игорь Васильевич и от предложенной деканом по причине зимней расслабленности стопки коньяка под лимончик, после чего продолжил.

♦ ...— А племяншка все пристаёт: у тебя, дядь Игорь, биологов и врачей знакомых тьма тьмущая в Москве, как сам рассказываешь в гостях у нас. Обратись к кому-нибудь солидному по этой кожной части! Делать нечего, племянница в двадцать лет и с видами на замужество не только максималистка, но и нозойлива... впрочем, как все они от четырнадцати до восьмидесяти. Вспомнил одного профессора, с которым накоротко, то есть на банкете, познакомился в столице на защите моего аспиранта. Медицинский профессор в возрасте («Ох, Игорь Васильевич, года уже не те. Так что по седьмой рюмке дернем, а дальше уже компанию не составлю...») и с академической бородкой очень гордился даже не своей европейской известностью и почетным профессорством в Пражском и Веймарском университетах, но тем, что изобрел очень простой и эффективный способ лечения *рожи* ног, упорно считаемый медициной не поддающейся радикальному... и прочее.

В тот же день разговора с красоткой-племянницей позвонил профессору, благо и повод есть: поздравил с

Днем медицинского работника. Описал хворь родственницы, а уже вечером получил от обязательного столичного знакомого по «мылу», как студенты имеют электронную почту, скан рецепта с подписью профессора и академической печатью.

Позвонил племяннице, что тотчас примчалась, несмотря на недетское время суток, чмокнула дядю в щеку, радостная убежала. Дескать, с утра схожу в аптеку.

...«Схожу с утра в аптеку» обернулось, как несколько дней спустя рассказала сестра, счастливая мать несчастливой невесты с ножной хворью, беготней по десяткам самых приличных аптек города. Словно по сговору, продавщицы смотрели на рецепт столичной знаменитости как баран, в смысле — овца, на новые ворота: мол, у нас только *готовые формы* в продаже, а вашу мазь должен делать специалист, как его... да-да, провизор. А у нас таких давно уже и в штате не значится. Понятно, что с академическим рецептом бегала мать. Невестящейся дочке в золотой летний сезон не до того. И выход по врожденной женской догадливости тотчас нашла: в этом году вошли в моду сапожки для жаркой погоды: белые, из тонкой кожи, пробитой десятками, если и не сотнями, вентиляционных дырок. К тому же короткие, до середины икр голенища этих псевдосапог выполнены свободно болтающимися раструбами.— Это как у солдат вермахта были: перед атакой воины Третьего рейха засовывали в похожие раструбы запасные патронные рожки для шмайсера. Туда же упрятывали и пустые рожки — у экономичных немцев учет матчастности строгий был: сколько полных получил, столько и пустых сдай гефрайтору-кладовщику!

Племяшка же не только замаскировала от придирчивых и оценивающих взглядов потенциальных женихов-миллионеров (лучше не в деревянных, но в бакинских!) свои лодыжки, но при своих удивитель-

но стройных и длинных ножках даже увеличила эффект сексуальной притягательности где-то на пятнадцать-двадцать баллов — по принятой сейчас в вузах болонской стобальной системе оценок...

А мать, обегав полгорода, еще вторую половину обзвонив, добралась в конце концов до областного медицинского департамента, где ей популярно объяснили: аптека с провизором в городе и в области вообще сохранилась только одна: в дальнем Косолучье, прямо перед металлургическим заводом. Добравшись с тремя пересадками до предместья первенца сталинских пятилеток, розыскала аптеку, где ее неприятно поразили: «...А Гертруда Феодосьевна на все три летних месяца взяла, как обычно, отпуск за свой счет. У нее семеро внуков в разных городах, везде потетешить, потетешить малышей сам бог велел!»

Пришлось заневестевшейся племяшке «тридермом» обходиться. Кстати, хорошо помогает, но — временно.

— Фармацевтическая же промышленность, — продолжил Игорь Васильевич после второй под лимончик с деканом, — в стране сейчас полностью отсутствует. Даже те простенькие таблетки аспирина, аспаркама и цитрамона, считающиеся отечественным продуктом, на самом деле штампуются и упаковываются — с добавлением отечественного мела — из полностью импортного, из Франции и Швейцарии, сырья тамошнего химпрома, что привозят к нам в трехсотлитровых железных бочках зеленой окраски.

Так что и здесь никто наших будущих выпускников-фармакологов не ждет. Кстати говоря, откуда в наше славное время взяться отечественному фармахиму, если его не было и в советское время.

— Эт-та как не было? Что-то ты, Васильевич, то резко влево даешь в своих размышлениях, а тут же хулишь нашу бывшую родную советскую власть не хуже тех архидемократических баб, что на время

избирательных кампаний в девяностые выпускали из дурдома!

◆ — Я не хую. Вот я, как человек с мизерным жалованьем и опущенный нашими добрыми коллегами хуже некуда, изгнанный из профессорского сословия, даже в местные санатории-курорты съездить не могу. Вы же только-только вернулись с отдыха на болгарских Золотых песках. Дозвольте полюбопытствовать: мои любимые по советским временам тамошние десертные вина «Тамянка» и «Бисер», которыми вся советская страна была завалена, там, в Болгарии, сохранились?

— Куда там, сплошной винный импорт. Только редко где встретишь красное сухое навроде «Шипки»...

— Вот и я к тому. Сейчас у них Единая Ро..., извиняюсь, заговорился всего лишь с двух стопок, зима действует.— Единая Европа у бывших братушек сейчас, ЕС короче говоря! А в Евросоюзе строго предписано: кому что производить. Вот дражайшая Анна Александровна,— Игорь Васильевич кивнул в сторону приемной, где от холода и безлюдья маялась почтенная факультетская секретарша,— пожалев нас, только что принесла под третью стопку баночку рижских шпрот. А как полагаете, отчего это люто ненавидящее Россию лабсдушное правительство все нам да нам, а не в родной ЕС, шлет свои замечательные шпроты? А все от того, что единственным производителем шпрот в Евросоюзе назначена Германия, где и «шпротят» балтийскую кильку в одноименном городе Киле... Кильские шпроты — так в дореволюционной России этот фуршетный деликатес именовался. Сардины — только из Португалии и Италии, острова Сардиния* тож, семга — из Нор-

* В первые годы после Крымской войны, где Королевство Сардиния принимала участие, в России к рыбке сардине относились неодобрительно...

вегии; селедкой, понятно дело, только и живет Исландия с населением в половину тулуповского. С питьевой пайкой то же самое: виски и портер — из Англии; коньяк, шампанское и бургундский сухач — из Франции. Портвешок*, мадерца, tenerife и вообще крепленые вина, понятно откуда — по созвучию названий страны и атлантических островов. Десертные же вина — прерогатива Италии, потому Болгария осталась при своем интересе...

В целом западники не дураки, потому все делают из принципа, в данном случае, максимальной общей пользы. А при такой пользе всегда будут и обиженные — опять же к пользе общей. И у нас в бывшем соцлагере существовало такое общепольное разделение труда. Если кто забыл, что такое был СЭВ — Совет экономической взаимопомощи — пусть, будучи в столице, пройдет по проспекту Калинина и рассмотрит высотное здание в форме развернутой книги. Это был главный СЭВ.

Как и все в СССР и в странах лагеря социализма, а это 1/3 всего мира по территории, населению и валовому производству, было сделано Сталиным; по вооружению же только одна Советская страна обладала половиной мирового арсенала! И это позволило во многом сделать разделение труда в СЭВ. Причем — о, мудрость Сталина! Как будто предвидел все в точности за полстолетия вперед**, когда враги разрушат соцлагерь, а бывшие друзья-братья вмиг станут озлобленной стаей овчарок в руках натов-

* У нас с настоящим португальским портвейном народ познакомился только в начале 80-х годов: Лиссабон расплатился за советскую нефть поставкой эшелонов превосходного напитка.

** См. нашу книгу: Алексей Яшин. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

цев... — СССР оставался автаркией*, все и вся производил сам. При этом все вооружение и продукция класса «А», как помнится из политэкономии — промышленность средств производства, «оставалась» за нашей страной, а ширпотреб класса «Б» распределялся по странам соцлагеря. К примеру, мы делали атомные и дизельные подводные лодки, океанский надводный флот, а торгово-грузовые, пассажирские суда вплоть до речных клепали на верфях ГДР и Польши, а за нефть их уже мастерили в Дании и Финляндии. Так что нефть, как бы там не злопыхали нынешнии наши пресса и телевидение, была вовсе не средством существования Советского Союза, но удобной платежной монетой, к тому же экономно расходуемой...

— Давай, Васильевич, по третьей и последней под несостоявшиеся рижские шпроты, а то ты на любимого конька крепко уселся. Так что мне ректору по фармакологической части ответить?

— Так и ответить, Анатолий Семенович: класс провизоров исчез, а фармакологических исследований и собственно такой промышленности в России нет. Кстати, я кратко закончу про СЭВ, для чего и вспомнил эту славную организацию. В СССР из фармации, если не относить к ней химическое и бактериологическое оружие — против такого же западного, разрабатывались и производились только антибиотики стратегического запаса и гамма повседневных лекарств, а все остальное было возложено на Венгрию, Болгарию, Югославию и Польшу. Плюс вьетнамская мазь «Звездочка»...

Когда в начале девяностых у нас класс-гегемон пришел к власти, то всю отечественную фармацию

* От греч. *autos* — сам, *arkeo* — находиться в достатке, то есть экономическая, хозяйственная, политическая и пр. государственная самодостаточность.

под корень свел, а на внутренний рынок мощно вырвались западные транснациональные корпорации. Отечественной же осталась только... реклама лекарств на радиотелевидении. Ба-а-а! — Игорь Васильевич в полном восторге хлопнул себя по слегка вспотевшему от рюмок коньяка лбу, — раз фармацевты с «вышкой» теперь вовсе никому не нужны, то не пора ли нам, в смысле вам и руководству университета, выступить с инициативой, обратиться с Минвуз: открыть новую, отвечающую духу времени и апофеоза потребительства и частнособственничества — но в официальных бумагах перевести это на политкорректный язык — специальность? Задача таких специалистов суть квалифицированная реклама фармпрепаратов и прочего в средствах массовой информации, а назвать специальность завуалированно, например, с употреблением столь модных сейчас американизмов: «Менеджмент современной фармакологии»... или что-то в этом роде. Только ни слова в названии про экономику, а то бабы с этого университетского факультета мигом инициативу перехватят!

— Эк, Васильевич, куда хватил! Даром, что двойной доктор наук, двойной профессор, заслуженный и почетный «в квадрате» или уже «в кубе»? Ты вот, как типичный кабинетный ученый-исследователь, далек от администрирования. Бесконечно далек, как говорил *наш* классик марксизма. Чтобы открыть новую специальность — это мне и ректору все бросить и целый год не вылезать из московских министерских кабинетов и коридоров!

— Анатолий Семенович, вам же ректор, что свободно входит в эти кабинеты, обещался всячески помочь. Потом, а это любят в любом руководстве, минвузовском в том числе, надо бить на новизну, востребованность идти в шаг с быстротекущим временем — нашим временем, динамичным и инициативным, как некогда горячился первый российский

президент. Вот вам для примера пресловутый менеджмент качества, что теперь официально введен во всех вузах страны...

Доброе лицо декана сморщилось как от внезапной зубной боли.

— Понимаю, понимаю, Анатолий Семенович, что это служба в вузах вроде как с гестапо ассоциируется...

— Ха-а! Догадываюсь, что это с твоих слов весь университет за глаза называет его «менеджментером количества»?

— Это неважно, — уклонился Игорь Васильевич от прямого ответа, — главное по сути: качество контроля обучения подменили учетом количества всяких бумажных баллов, коэффициентов и прочей канцелярищины. А насчет гестапо, хотя и сильно сказано, но сам не раз слышал, как проверяющая из учебной части распекает чем-то провинившуюся в оформлении ведомости — числа им сейчас нет — доцентшу, затем словесно прощает ей оплошность, как женщина женщину по доброте душевной, добавляя: «Молитесь богу, милочка, что *менеджменту* эта ведомость на глаза не попала!» — И бережно поддерживала под локоток обморочно побледневшую от ужаса молодой преподашу.

Так я к чему: этот самый «менеджментер» изобрели не в Минвузе, не в высоких департаментах, что кормятся от образования, а в двух глубоко провинциальных университетах-новоделах, один — бывший пединститут — в поволжской республике, бывшей автономной советской и пр., другой где-то на юге в районном городке, где посередине площади свиньи в жаркую погоду в лужах отдыхают. Это я образно, по Гоголю Николаю Васильевичу, говорю, конечно. Но суть: предложения из провинции на ура в столице встретили. Вот и мы, то есть вы и ректор, подсушитесь.

— Нд-а-а, имеет смысл подсуетиться. Спасибо за подсказку.

♦ Как гласит наука психология в части содержания сновидений — у того же Фрейда,— дальше, после пространной завязки действие калейдоскопически ускорилось. Минвуз сугубо бюрократически-административная организация, потому для оправдания своего существования и высоких окладов содержания аппарата обязан ежегодно, ежемесячно, а лучше всего ежесуточно выказывать бурную деятельность, отчитываясь за которую приказами, отражающими всевозможные новации в деле улучшения высшего образования. Или его де-факто развала.— Кому как больше нравится. Потому уже через месяц от достопамятной беседы Игоря Васильевича с деканом под коньячок, лимончик и выданную заботливой Анной Александровной баночку отвергаемых Евро-союзом рижских шпрот приемная комиссия университета спешно начала прием заявлений на новую специальность с подкорректированным министерством названием «Менеджмент фармакологии и медицинской техники».

Обоснование и содержание новой специальности сочиняла министерская чиновница средней ответственности, только что прилетевшая из отпускного отдыха на острове Бали. Это где прибывшим туристам сто долларов разменивают на полтора миллиона местных денег, отпечатанных на ксероксах. Бумага, понятно, без водяных знаков, канцелярская китайского ширпотреба. Во влажной атмосфере тропического острова дензнаки эти к вечеру размахряются, теряют товарный вид и их с неудовольствием принимают местные торговцы. Наутро безостановочные ксероксы печатают и пускают в оборот свежие банкноты.

Но не своеобразие денежной системы экваториального острова запомнилось мощной статью молодящейся «бальзаковке», что называется, кровь с

коньяком, а жаркие ночные и полуденные (фiesta души и тела!) объятия новообретенного друга, тоже москвича. Неутомимость последнего, только что освободившегося по амнистии — взятки в особо крупных размерах, — а потому соскучившегося по интимной близости, а главное — тропический балийский климат, сыграли с любвеобильной чиновницей шутку: через пару недель, уже по возвращению домой, правда, тотчас, обнаружила беременность; обошлось щадящим химическим абортом. Как сама догадалась: во влажном и жарком климате ее противозачаточные таблетки, подобно балийской валюте, размякли и потеряли свои чадоизгоняющие свойства...

Потому-то обиженная дама в программе новой специальности особо остановилась на менеджменте безопасного секса и средств любовной санитарии. Поскольку же новообретенный brutальный друг с удивительными физиологическими особенностями при обилии столичных молодых ВИП-проституток тотчас забыл ее, то пришлось чиновнице проводить вечера дома с семьей и телевизором с его неудержимой рекламой самолечения: с песнями, танцами и едва не с академическими народными хорами. Нет худа без добра: учитывая специфику работы выпускников «Менеджмента...», она ввела и обосновала перед руководством необходимость для поступающих, кроме обычных справок об ЕГЭ, дополнительного «живого» экзамена. Это как экзамены для абитуриентов творческих специальностей. Назвала она его, все же с грустью вспоминая неверного «настоящего полковника» с Бали, как экзамен по *физиологическому артистизму*. Заодно добавила в программу специальности менеджмент возбуждающих мужских препаратов. — Brutальность brutальностью, но береженного бог бережет... Свой-то года идут, как пряжа на волчок наматывается (вспомнила добрую свою деревенскую бабуся...), еще с десятков лет и, увы, придется

на заграничных пляжах и в отечественных санаториях-курортах уже самой мужиков для дополнительных оздоровительных процедур выискивать. А кого выищешь? — Моложе себя, так брать его на полное содержание, от семьи, от дома отнимать. Остаются постарше самой лет на десять, а здесь, как ни крути, если хочешь в полной мере расслабиться, то без аптечной возбудилки для лысоватого ловеласа не обойтись... Зато и сам платить будет.

Повздыхала, повздыхала обиженная балийским другом в лучших чувствах среднеответственная чиновница, досочиняла программу интересной специальности, перешла к росписи штатного состава соответствующей кафедры. Тотчас вспомнила недавно же обретенную подружку (не подумайте чего дурного...) Римму, кстати, как выяснилось, и проживающую в одном с ней микрорайоне, по московским меркам означающим почти что соседство. Молодая, энергичная, смуглая от постоянного пребывания в странах Юго-Восточной Азии, где имела несколько аптечных лавок народной медицины и закупала товар для российского рынка, в основном, для столиц и крупных провинциальных городов, она с первых минут очаровала чиновницу своим щебетанием, похвалой цветущему виду «столь серьезной и загруженной работой ответственной сотрудницы министерства». Чувствовалось московское политесное воспитание и занятие серьезными делами. А роскошный подарочный комплект традиционной китайской *sra*-косметики на основе женьшеня и оленьих пантов окончательно расположил чиновницу к посетительнице.

К тому же она оценила корректный подход очаровательной просительницы: та, имея докуку по ведомству ВАК — Высшей аттестационной комиссии, обратилась совсем по другому ведомству; понятно дело, чисто по-женски начала «со стороны», выстроив в прелестной головке самую короткую цепочку кабине-

тов и, естественно, получив предварительно самые положительные референции о чиновнице — начале этой цепочки.

Суть дела состояла в следующем, впрочем, обычном для многих посетителей министерства. Загорелая просительница, все расширяя и расширяя свой торговый рынок в России и в Азии, в то же время неустанно повышала и свое научно-образовательное реноме, хорошо понимая: чем выше это реноме, не в голове, конечно, но на визитке и в официальных анкетах, тем с большим успехом проворачиваются торгово-аптечные дела с солидными, особенно государственными, партнерами. К тому же крепким женским, что дается от рождения и младенческо-детского воспитания, умом понимала какие дни стоят на дворе, улавливала все экономические, политические и иные веяния...

Поэтому еще в период первоначального накопления торгового капитала обзавелась кандидатской степенью по отрасли наук, близкой к номенклатуре торговых занятий. Защиту организовал в глубоко провинциальном университете-новоделе ее компаньон, сам уже обвешанный степенями и званиями; он еще раньше уловил всяческие веяния. Не за так, конечно, организовал, но без взаимных обид: как говорится, ничего личного, только *business*.

Примерно таким же манером защитила год назад и докторскую диссертацию, но... на том самом дворе уже четко наметились иные времена, на арапа не возьмешь, словом, диссер ее *залежался* в ВАК-овских кабинетах, дело застопорилось...

♦ На этом эпизоде сна Игорь Васильевич рассмеялся, вспомним историю-быль о *залежавшейся* диссертации. Наверное, так оно в действительности и было, но по понятному свойству вузовского компатриотизма каждый очаг высшего образования приписывал случившееся непременно именно себе. Раз-

горячившись, обычно на послезащитном банкете, профессора и доценты из разных мест даже переходили на личности: «...Да что вы говорите, многоуважаемый Игнат Порфирьевич! Согласен, ваш университет солиднее нашего «политеха», но диссертация в ВАК'е залежалась у нашего профессора NN. Он сейчас, правда, проживает и работает в Новосибирске, но эту историю я самолично не раз от него слышал!» И так далее.

Словом, защитил этот NN (или MM) с блеском самолично им написанную — дело-то случилось в советские времена — докторскую диссертацию. Настолько добротной сделанную, что за дармовым банкетным коньяком добрые его коллеги, глубоко упрятав на время банкетирования обычные вузовские зависть и злорадство, уже поздравляли именинника: «Как только получите из ВАК'а докторский диплом, так на нашем факультете только что проводили на заслуженный отдых заведующего кафедрой — место свободное! И для вновь созданной отраслевой исследовательской лаборатории, как раз по вашему профилю, ректорат подыскивает научного руководителя. Дерзайте!»

Далеко от столицы дело происходило, поэтому NN послал шестисотстраничный «кирпич» с папкой сопроводительной документации по почте ценным отправлением. В короткий, положенный срок получил ответную открытку, дескать, ваше *дело* получено в целости-сохранности и направлено по ВАК'овским инстанциям. Ждите, мол, решения.

Поскольку явных врагов и завистников NN ни у себя в вузе, ни в других городах и весях не имел, то есть был гарантированно защищен от доносов в ВАК, то и ожидал открытки со штампом о выдаче докторского диплома в принятый срок. Срок подошел — открытки нет. Для верности выждал еще пару-тройку месяцев и послал запросное письмо. И

завязалась переписка: поначалу как-то туманно ободряли, ждите. Так целый сверхурочный год миновал. Не выдержал NN сочувственно-язвительных взглядов добрых своих коллег и вузовского начальства, выправил себе командировку в Москву и быть-стать явился в ВАК, где, отводя глаза в сторону, чиновники начали с ним ваньку валять, гонять по разным присутственным местам. Все же выяснил страдалец: папка с сопроводительной документацией, вот она, красавица, на нужной полке в рядок с другими на полке с надписью «В работе» стоит, а вот том диссертации куда-то запропастился. Долго перед ним политкорректные и толерантные от научной канцелярии чиновники извинялись. Уже и самому NN стало неудобно, собрался восвояси домой уезжать и прислать личный экземпляр диссера.

На прощанье зашел в комнату секретаря отдела отрасли науки по его специальности — можно ли ему, как пострадавшему, адресовать диссертацию не в общую приемную ВАК'а, а, скорости для, прямо в этот отдел. Секретарь, сухонький, очень малого роста, посевший на хлопотной должности, радостно дал добро. Сочувствуя посетителю, с уважением пожал тому руку, почтительно встав со своего жесткого стула-полукреслица. Взгляд NN невольно упал на этот стул, а самого его едва кондрашка не хватил: на сиденье, компенсируя малый рост секретаря, что не позволял ему уставлять на столешницу рабочего стола локотки для удобства письменных упражнений, лежал его шестисотстраничный диссер, некогда одетый — по просьбе заказчика — в институтской типографии в приметный коленкоровый переплет изящного цвета: темносиний с искрой, что теперь так хорошо гармонировал с обивкой полукреслица того же оттенка...

Сухонький секретарь на полном серьезе, искренне объяснял прибежавшему на гневный крик NN начальнику отдела, что он «полагал диссертацию уже

отработанной и подлежащей сдаче в архив», потому и решил использовать ее в личных целях: «...Да у меня надежнее чем в архиве сохраняется!» В искренность его трудно было не поверить. Во избежание громкого скандала с выносом мусора из избы начальник отдела клятвенно обещал уже через пару недель, как только каллиграф выйдет из внепланового отпуска*, выслать NN ценной бандеролью готовый докторский диплом и, совсем уж как маслом по душе, опубликовать в ведомственном журнале «*Бюллетень ВАК*» пространный похвальный отзыв на диссертацию, поименовав ее выдающейся и лучшей по отрасли из защищенных за последние годы.

Что, кстати говоря, и было сделано.

♦ Расположенная к очаровательной просительнице чиновница, предварительно и ненавязчиво получив ее согласие на персональное обслуживание по части восточных *sra*-дикувинок, сделала несколько звонков по внутреннему телефону, что-то помечая в рабочем блокноте, потом, ожидая ответа, завела с гостьей обмен впечатлениями о местах наиболее комфортного отдыха за рубежом, о жизни вообще и торговой в частности.

Начали отзваниваться. Хозяйка кабинета продолжала делать блокнотные отметки. Посетительница, как сама человек сугубо деловой, с уважением следила остро бегающими глазками попеременно на пишущую в блокноте ручку, выражение лица чиновницы, оценивала степень доверительности краткословных вопросов-ответов.

* Не знаю как сейчас, но раньше фамилию, имя, отчество и номер приказа вписывал в бланки дипломов единственный на весь ВАК каллиграф — во избежание подделок; это как степени защиты на дензнаках... От монотонной и ответственной работы каллиграф время от времени уходил в запой, что на языке все понимающих и сочувствующих коллег официально именовался внеплановым отпуском.

Завершив телефонные дела, хозяйка свела штрихами и стрелками пометки на блокнотном листе, чуть подумала и попросила гостью оставить номер ее телефона. «Будем надеяться, милочка, на положительный исход. Возникнут вопросы — по телефону решим... предварительно». Сердечно попрощавшись, расстались.

Тогда положительный исход не заставил себя ждать. А сейчас, обдумывая типовое штатное расписание кафедры менеджмента фармакологии и медицинской техники, уже после заглавной в таблице должности заведующего кафедрой тотчас вспомнила обязательную востроглазую смуглянку. Вернее, не собственно хлопоты за нее, а один момент из беседы в ресторане элитного загородного клуба с настоящей французской кухней с дипломированными поварами из Лиона, куда ее пригласила новая знакомая на обмывку докторского диплома.

После «шабли» урожая года миллениума, ликера «кюрасао» с одноименного острова под раковое фри-касе и каплуна в белом нормандском соусе сдружившаяся парочка по-женски разговорила. Точнее по-бабски, коль скоро перестали осторожничать в словах и мечтаниях. Чиновница, озабоченная ранней мужской недостаточностью супруга, все более склонялась к оценке здешних клубных завсегдатаев. Собеседница же в ближних планах имела укрепление своего реноме. Получилось из ее слов, что программу-минимум, которую они сейчас празднуют, она выполнила. А максимум — при ее полной занятости основным делом — виделся в номинальном заведовании кафедрой. «В Москве это не реально. Как говорится, свободных *местов* нет и не будет; места денежные, да присутствие частое требуется. Но вот в ближней провинции, чтобы дорогое время понапрасну не тратить, раз-другой в месяц наезжая на официальные университетские и факультетские сове-

ты, а с тамошним простоватым руководством всегда договориться можно, наобещав этим лохам всякие невероятные восточные инвестиции... словом, вот такая перспектива меня вполне устроила бы».

Выпив на окончательно их сдруживший «систершафт», Римма, продолжая развивать тему, уже напрямую обратилась к Элеоноре Валерьевне: «Эллочка, у тебя такая масса информации в части вузов постоянно на контроле, так не премини — в долгу не останусь — по телефончику щебетнуть, если какая вакансия по этой части проявится, а?»

...И вот сейчас, остановившись на заглавной фигуре штатного расписания вновь планируемой кафедры в университете Тулуповска, до которого езды, не на плебейской электричке, конечно, а на приличной машине, пара часов, Элеонора Валерьевна тотчас вспомнила «систершафтершу» Римму. Конечно, как серьезная и основательная леди-чиновница, на первое место она поставила свою, давнюю уже докуку: ранняя мужская ослабленность супруга, которого очень уважала: и собой-то видный, среднепреуспевающий — подстать ее среднеответственной министерской должности, любящий и заботливый отец их дочери-старшеклассница. Понятно, что Бали и другие летние заграничные места раскрепощают роскошное тело, но физиологию не обманешь, это самое тело и дома требует еженощного, лучше — круглосуточного, как в первой молодости, продолжения... а здесь муж, только вес которого она и чувствует в недолгие минуты одноразового за ночь интима, сам все понимая, извиняется: бизнес, мол, треклятый все остальные мысли и желания оттесняет. И не похоже, что все постельные силы отнимает любовница; далеко не девочка Элеонора Валерьевна, умеет отличить слабость естественную от оной же вследствие перенапряжения на стороне. Нет, не левак супруг; в таких делах позавидуешь и настоящему леваку: всегда

есть надежда, что любовницы осточертеют своей (к деньгам папика) жадностью, все вернется когда-нибудь, деньги и оно, в семью, в дом, в постель прежде всего. А тут? — Элеонора Валерьевна встрепнулась на первой строчке злосчастного кафедрального штатного расписания, ибо, вроде как между делом, ранее выведала у Риммочки все насчет укрепляющей мужчин фармакологии. То, что селективные ингибиторы навряд ли виагры и ее словенского, более дешевого варианта «динамико», вредны для мужского здоровья вообще, к тому же одноразового эффекта, она и сама знала по учебе на санитарно-гигиеническом факультете. А про чудодейственные восстановительные средства с многотысячелетней практикой использования Римма, засмеявшись, сказала просто: «Я и сама их чуть не тоннами привожу и впариваю в аптечной сети, обеспечиваю бешенную рекламу на ТВ, но все это чушь, конечно, что по деревням Китая, Сингапура и Лаоса фабрикуют из смеси пальмового масла и коры деревьев — какие под руку попадут. Серьезные же препараты редки и стоят немалых денег... Если возникнет, ведь все в жизни бывает, необходимость, — посерьезнела новоиспеченная докторша от науки, на правах хозяйки банкета разливая коллекционное французское вино, — так помогу что в моих возможностях, Но об этом давай, подруга, *позже*.

...И вот сейчас, прекрасно понимая смысл этого *позже*, для верности оттененного Риммой многозначительной гримаской, подавившая легкий вздох чиновница набрала номер подружки — поздравить с подвизнувшейся вакансией.

♦ Далее в живописном сне Игоря Васильевича прямо по теории Фрейда (супруга отказала по причине его хмельного состояния) Элеонора Валерьевна пугала дочь-старшеклассницу из-за тонкой квартирной стенки слышимыми сладострастными стонами —

следствием приема супругом патентованных восточных возбудителей на основе вытяжки из семенников отстрелянных на Алтае китайскими браконьерами оленей-маралов. А смуглянка Римма, возглавив тулуповскую кафедру фармацевтического менеджмента, скоренько отбыла в соседний провинциальный город, где имелся медицинский вуз: решила получить высшее медицинское образование, необходимое для еще одной кандидатской, а затем и докторской степени по медицине. Понятно дело, о ее статусе студентки знали только в руководстве и подчиненные им преподаватели, что из года в год ставили в приносимые секретаршей зачетки отличные оценки таинственной учащейся, кулуарно прозванной «подпоручицей Кижее».

И в Тулуповске, и в соседнем городе Риммочка очаровала университетские руководства обещанием привлечь многомиллионные (в долларах) инвестиционные проекты Фонда имени камбоджийского принца Нородома Сианука для строительства и матобеспечения исследовательского комплекса родовспомогательной восточной терапии. В итоге же отделалась почетными грамотами на непонятном азиатском языке явно московской фабрикацией... Забегая вперед, услужливый сон подсказал Игорю Васильевичу, что в соседнем городе удачливой Римме не повезло. Пока росчерки в зачетках ставили послушные декану штатные преподаватели, все шло хорошо. Но на третьем курсе на ее пути встал преподаватель-совместитель, серьезный врач, который — бояться ему нечего — послал заочную медичку куда подальше и еще пообещал устроить скандал на уровне министерства. Пришлось страдальце, поджав тонкие злые губки, написать заявление об отчислении «в связи с семейными обстоятельствами и переездом в другой город». Известно, что матерые мужики предпочитают губки пухленькие... но здесь смиростливившаяся супруга, не дав развернуться сексуальной фантазии, примиряюще легонько толкнула мужа в бочок.

После получасового перерыва уже умиротворенного Игоря Васильевича посетил остаток сна. Поскольку на странную, новационную, говоря современным языком, специальность завлечь валютно-бартерных иностранных студентов из бывших советских среднеазиатских и закавказских республик, из Африки, с Ближнего Востока и с Востока индийско-китайского не удалось, то два этажа факультетского корпуса, отведенные под владения постоянного И.О. завкафедры Риммы, заполнились к первому сентября «платниками»-соотечественниками. Бюджетных мест не полагалось по определению. Этим негласно подчеркивалось: будущие «фармацевтические менеджментеры» (Игорь Васильевич и во сне язви...) не только прокормятся в своей хлебной специальности, но и оправдают родительские затраты на платное обучение. Словом, как потопаешь, так и полопаешь, гласит народная мудрость, которая не отменяется ни царями, ни генсеками, ни президентами.

Большим преткновением для лениво-пресыщенных сынков и дочек «среднеклассных» и — бери выше! — «высококлассных» торговых родителей, чиновных тож, способных потянуть самую большую плату за обучение, оказался творческий экзамен по физиологическому артистизму. Здесь первенствовали уже от природы артистичные и бойкие на язык детки выходцев с обоих — южной и северной — предгорий Большого Кавказского хребта. Менее артистичным пришлось огорчить родителей компенсацией за индивидуальную пересдачу экзамена...

«Вот и хорошо, — весело говорил декан опять-таки зашедшему поздороваться с ним Игорю Васильевичу, — по счастливому, конечно, чисто случайному, совпадению треть поступивших закавказского происхождения девицы, вторая треть — наших, тулуповских чиновников дети, а оставшиеся из семей, что на пределе станут оплачивать учебу. Как говорят

картежники — очко! Девушки из первой группы поступивших все одно после получения дипломов — при их-то папашах, владельцах сетей супермаркетов, заводов и пароходов — работать не станут. Просто в их кругах «цена» невесты для династического брака сообразуется с престижностью полученного образования. На первом же месте стоят медицинское и фармакологическое! То есть и мы здесь в «очко» попадаем. Дети же тулуповских чиновников продолжают семейные трудовые династии, пойдут в руководители фармации на всех областных ступенях. А вот последняя треть — это будущие истовые труженики фармакорекламы, наше светлое будущее и надежда. Их-то и учить следует серьезно, без панталыков и преподавательского либерализма. Кстати, для поправки своих финансовых дел не возьмешься ли за дополнительную профессорскую полуставку какой-нибудь вольнолюбивый предмет вести? Впрочем, почему какой-нибудь? Зная твой неконформистский взгляд, скептицизм в части образования и вообще дел в стране, возьми-ка предмет, как нарочно и будто специально введенный в программу для тебя: «Реклама эпохи тоталитаризма». И аннотация-подзаголовок: «На примере советской рекламы в фармацевтике. Серость рекламы. Как не надо делать рекламу». Возьмешься, Васильевич?

Была не была, Игорь Васильевич согласился. Во-первых, это неутомительно — две пары в неделю; во-вторых дополнительная десятка тысяч для дома, для семьи; наконец, особенно понравилось, что предмет только означен на бумаге, никаких росписей программы, никаких методичек и прочего, что вызывало у него только ненависть. Словом, *tabula rasa*, начиная с полного нуля, а это он более всего уважал как истинный ученый-исследователь.

♦ Самая концовка сна ознаменовалась фантасмагорическими картинами, достойными в их статике

пера Босха в соавторстве со всем кагалом старых и новых голландских живописцев эпохи Возрождения. Самое интересное, при утреннем пробуждении и анализе на свежую голову получалось, что, исключая некоторую художественную эксцентрику, все приснившееся точно соответствовало университетской действительности. Наиболее яркие картины педагогического процесса прямо-таки взрывались в подсознании (во сне только оно трудится в голове) самым невыносимым переплетением сигналов в нейронно-синапсной мешанине мозга; не отдыхали и аксоны с дендритами*.

...Ведет Игорь Васильевич практическое занятие по своей тоталитарной рекламе объектов, так или иначе связанных со здоровьем и средствами его поправки. На импровизированный подиум возле обычной аспидной черной доски два студента-помощника (за дополнительные пять баллов по стобалльной шкале — на зачете) вносят и устанавливают мольберт с воспроизведенным на факультете дизайна советским плакатом, что видел еще ребенком-несмышленышем Игорек на торце соседнего дома: денди в шляпе с лихим заломом и щегольском пиджаке с широкими лацканами, но денди не «ихний», а именно наш, советский, держит в изящно отведенной глаголицей руке папиросу и подмигивает зрителю. Внизу надпись:

*На папиросы «Ява» я не сетую,
Сам курю и вам советую!*

Игорь Васильевич, с трудом подавляя свой совковый ностальгический патриотизм, поясняет художественный примитивизм советских плакатов тридцатых-пятидесятых годов, но все же сбивается с

* Термины, относящиеся к физиологической организации головного мозга и принципам его работы — мышления.

рекомендованной нынешней идеологической линии, горячится, при этом четко осознавая, что вмиг оживившиеся студиозусы вдруг схватились за тетради и ручки, тайно, в карманах, повключали свои звукозаписывающие гэджики, чтобы готовить материалы для доноса в деканат на препода... А он, закусив удила, развивает свою любимую доктрину о Тайном мировом правительстве, что для гибели невероятно размножившегося населения планеты через подвластные ему транснациональные наркомафии развернуло неслыханную антиникотиновую пропаганду: чтобы народ переходил от терпимого организмом курения на наркоту. Ни больше, ни меньше. А потом, махнув рукой на готовящиеся доносы, и вовсе говорил о медицинской пользе табака, как единственного источника *РР*-фермента, без которого у большого процента людей (их потому и тянет к курению!) возникает пеллагра и ряд других авитаминозных недугов...

...Коллоквиум по предмету Игоря Васильевича. Тема: современная реклама противозачаточных средств в сопоставлении с убогой советской, ибо тогда из средств защищенного секса имелись только «бронбойные» отчественные презервативы одной марки, которые стыдливо именовались в ценниках как «изделие № 2». Очевидно, по всесоюзной номенклатуре «изделием № 1» полагалась атомная бомба...

На том же подиуме расположился хор из учащихся местного музыкального училища, теперь колледжа, одетых в советскую военную форму. Перед строем у микрофона дородная солистка из преподавателей того же заведения. В приотворенную дверь классной комнаты с интересом заглядывают девочки из «первой трети» студентов. За неимением другого исторического антуража здесь Игорь Васильевич проиллюстрировал популярный в среде советских школьников анекдот на сходную с темой коллоквиума ситуацию. Жеманясь, певичка тянет соло:

*Никому я не давала и ни с кем я не спала,
Лишь с героем-космонавтом одну ночку прове-
ла...*

Гвардейский хор яростно вступает юношескими басами:

Ух, ты! Ах, ты! Все мы космонавты!

Подслушивающие из-за двери мусульманские девицы в своих платках-хиджабах хихикают, а Игорь Васильевич, отпустив восвояси хор и певицу, выдает задание: в течении академического часа в сорок пять минут сочинить похожий сценарий для современной рекламы этих самых средств с эскизами массовок, хоров, плясок с коленцем и выходом, текстом речевок. Разрешаются оперные мизансцены, кадры из боевиков, балетные сцены.

...Семинарское занятие у профессора Скородумова. Тема: обличение сталинского террора с использованием мотивов патологической жестокости «кремлевского горца» по принципу «от обратного» в современной рекламе фармакопродукции ведущих транснациональных корпораций. В кратком введении Игорь Васильевич объясняет суть принципа: антиреклама есть эффективнейший вид собственно рекламы! Для разминки он выдает только что появившуюся рекламную надпись на пачках рафинада местного завода:

*Только враг народа может
не любить тулуповский сахар!*

И фото Генералиссимуса, рукой с зажатой в ладони трубкой грозящей этим борцам со «сладкой смертью».

Кстати, появление этих рафинадных пачек официальными областными СМИ никак не комментировалось. Чиновная власть сделала вид, что все ее функционеры суть диабетчики, как минимум, второго типа, а потому сахар в обиходе не держат.— Так ядовито отзывался в Интернете оппозиционный гу-

бернский сайт «Ягодка-малина.ли». Рядовой народ, напуганный едва не ежедневными думскими ужесточающими указами, благоразумно помалкивал. По-детски, то есть по возрасту, радовались только престарелые коммунисты.

Далее матерый педагог от антирекламы раздал студентам задания: сочинить, отвлекаясь от тулуповской специфики, но сохраняя имя и слова Вождя, соответствующую речевку и поясняющий ее рисунок-абрис в части рекламы конкретного медпрепарата. Кому достался американский аспирин, другому патентованная женская противозачатка, наиболее продвинутым отличникам учебы — антеникотиновый пластырь и средство для выведения блох у домашних животных.

♦ ...В соседней аудитории доцентша с общеуниверситетской кафедры русского языка тоже напирала на антирекламу в части написания текстов и грамматики: «Глаза и слух потенциального покупателя, ребята, должны за что-либо зацепиться, например, в недоумении, а это уже девяносто прцентов успешности рекламы: все увиденное и услышанное откладываются в семантической памяти; все это и всплывает в памяти оперативной, как только такой подготовленный потребитель фармпрепаратов зайдет в аптеку и задумчиво начнет движение вдоль витрин с импортными лекарствами».

Далее милейшая Алевтина Игнатьевна, начинавшая педагогическую деятельность «при совках» в школе и тогда же получившая (тесть — зам. завблono) свое первое почетное наробразовское звание, пояснила для особо одаренных: «Вот в надписях рекламных следует кириллицу разнообразить вставкой латинских букв либо переворачивать букву вверх ногами, «право» мешать с «лево» и так далее. Если снадобье китайское или японское — стилизовать шрифт под иероглифы. В части же грамматики и

фонетики вводить нарочитые искажения великого и могучего. Вы же смотрите телевизор? — Раз им не пренебрегаете, то ведь слышите постоянно в рекламе: «*пылесосу* ковер», «мою *кухонное* окно», «в награду получаю *пироженное*» — с четким выделением этого «*енн*» — и так далее. Конечно, это прямое нарушение всех мыслимых норм русского языка, но ведь именно это и запоминается!»

...Но самые колоритные занятия проводятся на первом этаже в наиболее просторном зале заседаний диссертационного совета. Сам антураж требует такой площади, ведь все равно зал много лет уже пустует, ибо ВАК, выполняя директиву по резкому сокращению лиц с учеными степенями, то есть с зарплатой, почти равной оплате труда узбекских дворников-гастарбайтеров, почти все диссоветы в провинции прикрыв. А в столицах и университетских центрах защиты по личным расходам кусаются.

Именно на практических семинарах и коллоквиумах в бывшем зале заседаний факультет отрабатывал свое ноу-хау в отечественной рекламе фармацевтической продукции. Здесь использовали в качестве теоретической подоплеки хорошо известный в психологии эффект фрустрации, то есть образного перенесения желаемого на реальное. Кстати, сведущие в этой самой психологической науке, которой их обучили на курсах забуторные спецы, имиджмейкеры обеспечивали в вольнолюбивые девяностые годы успех на выборах разного ранга генералам и адмиралам. Причем после их окончания избиркомы с некоторым изумлением (их члены-чиновники далеки от психологии...) отмечали всякий раз: за боевых, равно как и за размножившихся «паркетных» военачальников преимущественно голосовали... женщины. Но ведь это и была самая настоящая фрустрация! Женский пол с удовольствием и некоторой сладостной маетой в области таза всматривался на телеэкранах в ладные, мощные фигуры генералов, в их волевые, гру-

боватые лица, нарочито подчеркиваемые (имиджмейкерами) простоватыми прическами под полубокс, мысленно оценивали их оклады содержания, столичные квартиры и загородные дачи-виллы... тут же переводили вмиг огорчившиеся взгляды на своих мужей: лысоватых, с узкими плечами и пивными брюшками, подчеркнутыми неряшливыми домашними пижамами, с жалкой зарплатой. Поэтому руки их в день выборов, словно мстя нелепым мужьям, ставили уверенные галочки возле пропечатанных на бюллетенях генеральских фамилий...

Так и в части ромэн-цыган. В памяти всех русских людей эпохи докомпьютерного воспитания, а они по своему среднестаршему и более возрасту являются основными покупателями лекарств, сохраняются образы прочитанной и просмотренной в кино и театрах (тогда доступных) отечественной классики литературы. Там же самые колоритные сцены заполнены цыганскими хорами в «Яру», их же плясками в трактирах, как в «Двух гусарах» Льва Толстого, а из советских писателей — многократно каждым просмотренный фильм по «Цыганам» А. Калинина.

Вот такую подоплеку — фрустрацию с цыганской ностальгией по прошлому, которое, как тоже хорошо обосновано наукой психологией, всегда мнится намного лучше обрыдлого настоящего, и выбрало руководство факультета — понятно дело, с подсказки самолично управляющего своим сном Игоря Васильевича — в качестве всероссийского ноу-хау, как опять же иронизировал оппозиционный сайт «Ягодка-малина.ги».

Более того, под «цыганский факультет» — с подачи, понятно, «Ягодки» — не только выделили зал бывшего совета, но и означили в программе специальности «Менеджмента фармакологии и медицинской техники» автономную специализацию «Фольклор в фармакологическом менеджменте». Тихо ругался в неофициальной обстановке Семен Николае-

вич, вечный зам. Риммы, на которого помимо фактического и полного руководства кафедрой, ввиду столь же полного отсутствия номинальной начальницы, свалилась теперь хлопотная цыганщина.

◆ Начать с того, что фольклорная специализация сориентирована сугубо на телевизионную, то есть киношную, рекламу. Значит кроме натуры требовалась и аппаратура. С аппаратурой и приданным к ней телеоператором Вадимом и его ассистенткой Томочкой деканат договорился с частным кабельным каналом «Тулуповск-24» бартером: телеканал получал бесплатно право на показ отснятых роликов, в свою очередь взимая плату с областных аптечных сетей — по договоренности.

А вот натура? По специфике здесь требовались сугубые брюнеты, еще лучше — курчавистые и со смуглинкой. Поначалу пробовали вербовать на специализацию из числа обучавшихся выходцев с Кавказа, более или менее подходивших по типуажу и врожденному вольнолюбивому артистизму. Но — встретили их полное нежелание. Закавказцы из городских и областных диаспор, преимущественно торговых и строительных, метили по получению дипломов, наряду с детьми чиновников, в управленцы аптечных сетей и в госслужащие по линии департаментов здравоохранения и социального обеспечения. Немногие же северокавказцы, как горцы со времен основания Кавказа, брезговали цыганщиной.

Опять декан озадачил Игоря Васильевича. Тот поначалу задумался, но как всегда помогла хорошая память, житейская в частности. Вспомнил как на пике антиалкогольной горбачевщины они с приятелем-художником Артуром Пирожниковым* в поис-

* См. нашу книгу: Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминания о будущем: Роман-новеллино. — М.: «Московский Парнас», 2015. — 441 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ках разливного пива объехали весь город и его предместья, пока не нашли действующий ларек с очередью в полкилометра. На их радость уже в десятке метров от прилавка обнаружился отдаленно знакомый Артуру музыкант-лабух. Словом, через четверть часа они втроем и двумя трехлитровыми банками свежего «жигулевского», вкупе с парой сотен таких же счастливицев сидели на корточках на большой зеленой лужайке (дело было в ближнем пригороде), наслаждались пенистым, как сейчас одним прилагательным в телерекламе лицемерно называють пиво, десятиэтажным поносили Меченого и всех остальных руководителей партии и правительства. Отведя душу первыми глотками божественного холодного напитка, столь нелюбимого уже тысячу лет православной церковью за его языческое происхождение, перешли на анекдоты и житейские истории. В основном соловьем заливался лабух в словесном и душевном освобождении от глубокого похмелья: вчера здорово надрался с коллегами по ремеслу, обмывая развод другана.

Выяснилось, что сейчас он лабухает в ресторанном оркестрике, а до этого состоял в цыганском ансамбле при тулуповской филармонии. Наши друзья с сомнением посмотрели на оттаивающего от синдрома похмелья рассказчика: явно не тот антураж, бледнолицый с яркорыжими патлами. Лабух уловил недоверчивые взгляды, расхохотался: «Так нас таких, крашенных, половина ансамбля: оркестрантов и плясунов. Волосы по-бабски завивал на бигудях, окрашивая их в иссиня-черный колер, а рожу перед концертами, не хуже тех же баб, нещадно штукатурил тональной пудрой! А думаете в самом столичном «Ромене» много цыган? Хрена-с-два! Они люди занятые, некогда им плясы выплясывать. Конечно, на заглавных ролях, денежных, они там присутствуют: Коля Сличенко, например, Соня Тимофеева...

Остальные такие же, как и я, крашенные, много армян и евреев — им и краситься не надо».

Еще сделали по паре-тройке основательных глотков, закурили «приму», слушая восстановившего естественный цвет волос лабуха: «В ансамбле хорошо платили, но основные башли у цыганской верхушки крутились, конечно. Докука только с этим завиванием, крашением. Да еще слушать каждую неделю по три-четыре часа их ругань по-русски и по-цыгански на открытых партсобраниях...» — «Ты ничего с похмелья не перепутал?» — встрял Артур, — «какие-то такие у цыган партсобрания?» — «А такие, по всей форме. Ансамбль-то к филармонии приписан, значит и порядки там советские, государственные. Из партийных там были только руководитель, профорг и партгруппорг. Вот они и сволочились, поминая партийную дисциплину, трудовой энтузиазм и даже самого Маркса с Энгельсом, распределяя башли между собой. Но про деньги только по-цыгански. Остальные романэ помалкивали, а мы, крашенные, забьемся в уголок и про себя материмся».

♦ Вот эту историю про этнический состав советских театра «Ромен» и цыганских ансамблей при филармониях и рассказал Игорь Васильевич декану. Тот облегченно вздохнул и дал добро на крашенных — из числа студентов, в основном «бледнолицых», собиравшихся посвятить себя в дальнейшем прямой фармакологической рекламе. Пришлось постоянному И.О. завкафедрой Семену Николаевичу, и без того уже сумрачному, доказывать в учебно-методическом и разных хозяйственно-финансовых отделах университета необходимость и правомочность введения по «цыганскому факультету» дополнительных статей расходов по макияжно-парфюмерной части.

Но самые большие расходы университетской казны делегировались на оплату учителей-наставников, то есть настоящих цыган — прямых потомков

изгнанных в пятнадцатом веке правителями тогдашней Индии великими моголами во время многолетней засухи-голода. Люди простые, пришедшие сюда из чингизхановских степей, великие моголы, заботясь о трудящемся народе, повелели собрать воедино многочисленную прислугу магараджей, в основном, плясунов-песенников, гадалок и златокузнецов, и вывести их за пределы Индии в северном и западном направлениях от Гималаев. Так началось многовековое рассеяние по свету добрых наших цыган.

...И здесь подсказку дал Игорь Васильевич, миглом вспомнив уже оседлый табор барона Филимона, соседей своего пригородного свояка Прокофьяча. Тихоновны и кота Мичмана тож.

Долго всем деканатом, а потом и вовсе ректоратом уламывали барона Филимона. Но — договорились при условии, что самого Филимона вводят в преподавательский штат университета в должности доцента. Вуз — учреждение государственное, бюджетное, поэтому для соблюдения финансовой дисциплины не имеющего ученой степени барона оформили доцентом по действующей с советских времен статье: «Опытный специалист, имеющий большой стаж работы в промышленности на ответственных постах». Ведущую запевалу хора Зару и главного плясуна Никиту Молдаванского определили старшими преподавателями, а рядовых хористов и плясунов — на должности ассистентов. Понятно, с приличной добавкой к нищенским ставкам — по статье «за напряженность и сверхурочность в труде».

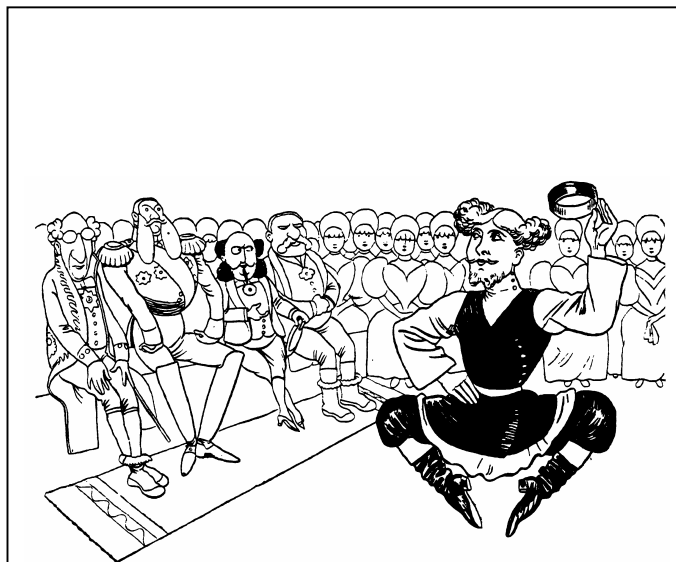
...По средам, когда проводились занятия с цыганами, их встречали на входе в факультетский учебный корпус штатный университетский вахтер и взятый на такую же должность оседлый цыган Урупкин. В его задачу входил надзор: чтобы в корпус вместе со «своими» цыганами не проникли с наркотой, воровством и гаданиями из друтих пригородных таборов.

Одетый в полувоенную форму, в приставских гольф-шароварах, заправленных в начищенные хромовые сапоги, Урупкин топорщил свои буденовские усы и горделиво время от времени поглаживал большую, сверкающую медаль над левым нагрудным карманом боевого френча.

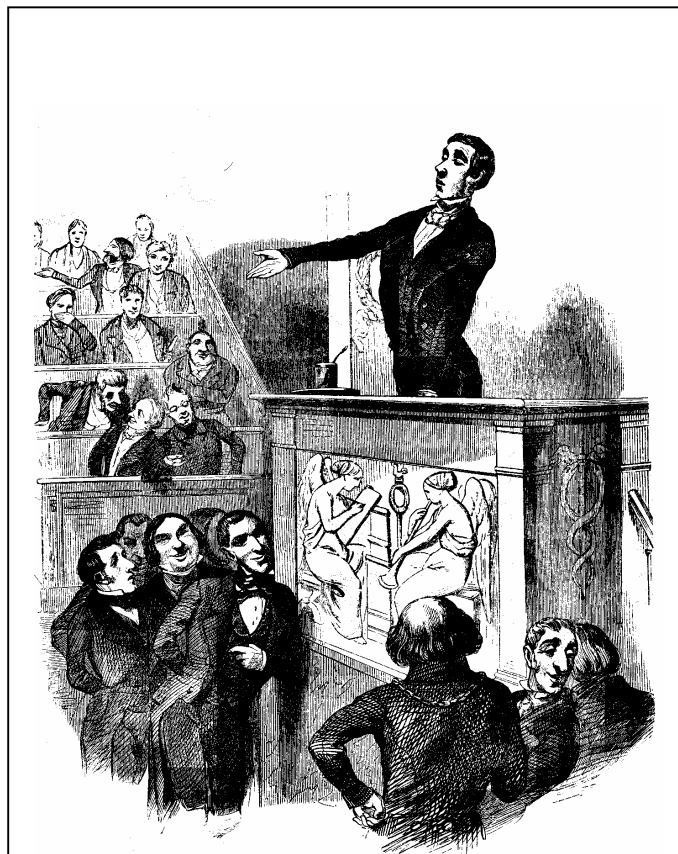
...Недавно осевший с табором Филимон, узнав, что сейчас любая организация, тем более общественная, имеет право без спроса у «верхов» фабриковать свои собственные награды, распорядили учредить медаль «За оседлость», каковую и изготовили за наличный расчет в сохранившемся метизном цехе бывшего флагмана сталинских пятилеток. Медаль имела по материалу исполнения три степени отличия: золотая, серебряная и бронзовая. Последней награждались рядовые цыгане обоего пола, включая детей, достигших пионерского возраста. Серебряная полагалась десятникам; эта должность у цыган именуется как начальник палатки — по традиции бывшей кочевой жизни. Золотые медали барон-доцент Филимон присвоил себе и Урупкину, как первому в истории табора оседлому цыгану.

...Супруга Игоря Васильевича уже приготовила завтрак и, отчаявшись пробудить мужа словесно и легкими толчками в плечо, прибегла к очень жестокому, но испытанному средству, крикнув ему на ухо: «Вставай! Тебя к телефону требует начальница менеджмента качества!»

Забыв, что ему не физкультурные двадцать лет, Игорь Васильевич по-солдатски, отпрянув всем телом от постели, сделал кульбит и вскочил на пол по стойке «смирно».

Кто-то жить не может без шахмат, а русский народ любит плясунов, благо под пляску вовсе не требуется игра на изделиях из липы Амати, Страдивари и Гварнери из Кремоны, а достаточно гармошки-хромки. И нищий, и генерал, и приказчик из лавки-офиса млеют душой, услышав плясовую. Поговаривают ветераны партийных битв, что порой в «ближнем кругу» Георгий Константинович растягивал меха своей знаменитой фронтовой гармони, а тучный Георгий же Максимилианович Маленков отплясывал русского... Потом он стал вторым человеком в государстве, а после падения в ничтожество превратился в рядового церковного старосту. Кстати, мой дядька Лазарь Федорович, бериевский полковник НКВД, тоже на старости лет стал церковным старостой...

— Господа! С чувством невыразимого удовольствия доложу вам: я открыл тайну зарождения жизни на Земле. Для прочтения ее следует среди миллиардов уток, гнездящихся на нашей планете, по неведомым признакам отыскать одну, дожидаться пока она снесет яйцо, разбить его и вынуть иголку. Этой иглой пошить мне фрак и отправить в Стокгольм за получением известной вам премии из рук короля. И тогда в научном докладе на вручении премии я открою истину.

**НОВЕЛЛА ПЯТАЯ:
ЕДИН В УМЕ ДЕРЖИМ,
ДВА В ПРОПИСЬ ЗАНОСИМ:
ВИРУС ХИРШЕМАНИИ**

♦ — Однако, до Нового года, когда куранты, президент и оливье, без малого двадцать дней осталось, Андреяныч, — разминая ноги перед лыжной пробежкой в следующий «каминный четверг» безотнositельно произнес Игорь Васильевич.

— Это хорошо, что еще один год прошел по *накатанной*: умеренные реформы по народу, западни-ки вот начали осторожно сомневаться в своих санк-циях... Правда, думцы наши под окончание очеред-ного срока пребывания во всенародных избранниках огорошили: почитай, по два раза за неделю законы ужесточительные да все запретительные с большими штрафами и сроками стали принимать. И ни единого поощрительного, разрешительного!

— Про *накатанность*, Андреяныч, ты сглазил: смотри, сколько снега этой ночью навалило, так что не будет сегодня никакой готовой колеи. Как по чер-нотропу станем свои километры наматывать. Так что имеет смысл рядом идти, заодно расскажу свой про-шлый четверговый сон прелюбопытный.

К окончанию прострannого пересказа Игорем Васильевичем занимательного сноведения наши лыж-ники, изрядно утомившись от утапывания лыжами свежавыпавшего снега и покрасневшись лицами на комфортном пятиградусном морозце, вернулись обра-том к дому Прокофьича, где их ждал уже ставший традиционным четверговый обед.

— Куда вы столько — еще по приезду гостей нарочито ворчал Прокофьич при поощрительном одобрении Тихоновны и кота Мичмана, когда при-бывшие вынимали из дорожных переметных сум при-везенное «к столу». Однако старый мореман, кряк-

нув, одобрил водку ленинградского разлива, очищенную через серебряный фильтр — из домашних запасов Николая Андреяновича; презентовал наемного адъютанта военной академии из Северной столицы, приехавший в «пентагон» Тулуповского университета за отзывом на свою диссертацию по ракетной части. Почему-то одобрил внешний вид литровой бутылки с посеребрянной этикеткой и абсолютный трезвенник кот Мичман: даже вспрыгнул на стол, уселся «копилкой» рядом с посудой и обвил ее хвостом.

После обеда расположились, включая компанейского Мичмана, перед камином, любясь занявшим свое постоянное место на полке отполированным Прокофьевичем старинной бронзы канделябром со вставленными витыми, с оплеткой серебряной же фольгой пасхальными свечами Тихоновны. Добрым словом отозвались об оседлом цыгане Урупкине, черт-те на какой свалке отыскавшего такой ценный антиквариат. Да-а, продешивил ушлый Урупкин!

— Кто попа и цыгана обманет, того и дьявол не уелжит, — начерно, своими словами припомнил Николай Андреянович присказку, в детстве слышанную в старообрядческой деревне своего отца, где они всем большим семейством проводили долгие заповедные отпуска.

Раз тема сегодняшнего общения еще с лыжной разминки коснулась цыган, без которых, как признались оба собеседника, равно как и без потомков ветхозаветных патриархов, жизнь страны в исторической ретроспективе и сейчас была бы намного беднее в смысле бытового и психологического колорита, то кратко обменялись различными историями, свидетельствами которых сами являлись. О местных цыганах они и так все знали.

Николай Андреянович припомнил, как еще в инженерной молодости ездил в командировку в знаменитый Московский авиационный институт наби-

раться опыта на кафедре ракетных двигателей, где ему указали на местную знаменитость — аспиранта не то что из цыган, но и только что после скоропостижной кончины своего отца ставшего бароном подмосковного табора. По этой причине аспирант-отличник порой — с разрешением научного руководителя — исчезал из института на неделю-другую. Профессор же его со смехом пояснял коллегам, что-де «его романэ» убыл в табор наводить порядок и сбирать дань на свое столичное содержание...

В свою очередь Игорь Васильевич рассказал, как еще в студенческие годы довелось по малой хвори лежать в косолученской больнице сталинской постройки, где имелось архитектурное излишество: открытая поместительная площадка-веранда санаторного типа, на которой ходячие больные летом дышали свежим воздухом, сидя за выносными столиками, и резались в домино, играли в шашки-шахматы, с оглядкой иногда отхлебывая из бутылочек-передач...

Веранда, покоясь полукругом на четырех колоннах, выход имела со второго этажа больницы, где располагалась палата студента Скородумова. В этом же отделении в маленькой отдельной комнате пребывал после операции грыжи барон местного, косолученского оседлого табора. Надорвался, поднимая на спор с соседним бароном, жеребца-однолетку. Утром, еще до завтрака, возле колонн площадки собирались пестрые цыганки и осанистые бородатые цыгане, пришедшие проведать барона и лично убедиться, что тот идет на долгожданную (ими) поправку. А на пустую в это время веранду медсестра, облагодетельствованная подчиненными барона, выкатывала в кресле на колесиках выздоравливающего. Он выслушивал доклад своего ВРИО, давал поручение оставленному на хозяйстве, поощрительно приветствовал простой народ символическим поднятием, как у генсеков, руки с пальцами, униженными золотыми перстнями — наследием предков-баронов.

И вдругорядь припомнил Николай Андреянович историю, косвенно относящуюся к цыганам. Когда после окончания школы в Заполярье он приехал в Тулуповск, остановившись у дядьки Лазаря Федоровича, некогда полковника бериевского НКВД, в собственном его доме в Косолучье, готовился к экзаменам в местный политех и с интересом читал обе областные газеты — от компартии и комсомола, соответственно. Опытнейший в жизни, прошедший огни, воды и медные трубы, испытавший в полной мере взлеты и падения Лазарь Федорович научал: «Ты, Николай, сейчас попал из суровой флотской, но благотворно дисциплинированной, а для детей и юношества и вовсе беззаботной, сытной и оптимистичной жизни в нашу заводскую окраину старинного безалаберного города с традициями подросткового — и выше! — воровства и хулиганства. И во взрослой жизни здесь тебе много встретиться почти что дикого, на Севере не виденного, а порой просто хамского, иногда и вовсе смешного до откровенного хохота. Поэтому присматривайся ко всему и читай местные газеты, чтобы, став студентом и общаясь со многими незнакомыми ранее людьми, впросак не попадать...»

— Действительно, газеты на многое открыли глаза, хотя, как тогда было принято, а сейчас и подавно, обо всем писали завуалировано, но достаточно для понимания сути вещей и событий. В числе прочего с интересом знакомился с литературными страницами обеих газет, где публиковали каждую неделю стихи и фельетоны тулуповских сочинителей, как любителей «от станка», так и членов писательского союза. Из последних особо заинтриговал один поэт, он и сейчас жив-здоров, в чести у читателей газет и альманахов, что много развелось в либеральные девяностые годы. Словом, тогда был и сейчас остался добротным поэтом-лириком, местным классиком. А

заинтересовало обычное после его стихов примечание: «Перевод с цыганского». Тогда это меня восхитило: сколько же в Тулуповске талантливых цыган! И как они хорошо пишут о среднерусской природе, об обычных людях труда... будто вовсе и не цыган пишет, а наш кондовый русак.

...И только недавно в разговоре с соседом по подъезду, тоже членом писательского союза, как-то к случаю вспомнил о том переводчике с цыганского; главное хотел узнать: как этот поэт умудрился выучить редкостный в обиходе обычной жизни цыганский язык? Сосед расхохотался: какой-то такой цыганский? Да это самого Сереги стихи, кстати, очень хорошего, выше провинциального уровня поэта. Он и сейчас даже в московской литературной прессе выступает. А «перевод с цыганского», равно как у других с каракалпакского, аварского, табасаранского — это тоже в Дагестане, нанайского и прочих двухсот национальностей СССР, — это принятый в те годы маневр подзаработать. Допустим, если в областном органе партийной или комсомольской печати поэтическая строка шла по рубль-пятьдесят, то для «переводов» с языков малых народностей действовала самая высокая бухгалтерская расценка: трюндель за строку! Поди как плохо, если грузинские «три звездочки» отменного качества стоили четыре двенадцать.

Еще сосед-литератор пояснил: Серега здесь велосипеда не изобретал. Во всех литературных изданиях периодики страны поэты самых громких имен скромненько так ставили под своими стихами, их циклами и полноформатными поэмами: «перевод <с такого-то>». — И, пожалуйста, уважаемый в номер журнала без очереди, а потом уже в очередь, но к кассе! Не менее же маститые малонациональные поэты, плохо понимающие и говорящие по-русски, украшали свои пиджаки орденами, депутатскими знач-

ками, а то и вовсе геройскими звездами.— И все довольны! Сосед совсем задобрел и расслабился после пары стопок (беседовали в ближней к дому «стекляшке» в выходной день): «Знаешь, Андреяныч, я по молодости лет, то есть их наивности, только осваивал местные и столичные редакции литжурналов. Даже как-то, преодолев робость, зашел в знаменитый «Дом Ростовых» на Поварской, писательскую цитадель, имея при себе любовно переплетенную подборку своих стихов, отпечатанных на машинке. Думаю-загадываю: как только встречу первого попавшегося знаменитого, на худой конец — известного, поэта, так и попрошу тетрадку взять, почитать и пару слов мне черкануть.

Повезло как утопленнику: в пустынном по жаркому летнему времени храме литературы первым встретился тот самый, архизнаменитый по переводам поэтов с громкими именами, положенными на музыку живыми классиками от композиторского союза, убеленный волнистыми сединами, в черной тройке с галстуком (на дворе за +30) и геройской звездой на лацкане. От волнения не мог вспомнить сложного малонационального отчества, обратился, как-то витиевато обойдя этот тонкий момент, с нижайшей просьбой, протягивая тетрадку в переплете. Классик на тетрадь не взглянул и, огибая меня вдоль стены коридора, на ходу пояснил на сильно акцентированном русском: «Я нэ из этой страна. Обратитесь в отдэл русской литэратура».

...И вообще, Андреяныч, сейчас, как это не странно звучит, собственно поэтам намного проще писать: поскольку понятие гонорара исчезло, то не надо ставить «перевод с цыганского», изобретать, как Маяковский, «лесенку»... что, тоже не знаешь? Когда Владимир Владимирович, человек вечно голодный, безденежный занялся поэзией, то в царевой еще России за стихи платили по таксе, исходя из

числа строк.— Вот он вкупе с друзьями-футуристами и придумал «лесенку». Впрочем, даже не сам придумал, а «слизал» у королей футуристов итальянцев Маринетти и Д'Аннуцио.— В Италии тоже платили построчно.

В советские двадцатые годы, когда в гору пошла бюрократия, в том числе в издательском деле, платить стали не построчно, но за общее число знаков в стихотворном произведении. Выгодно стало странице журнала занимать не малозначной «лесенкой», но плотно заполненными словами строками. Вот Маяковский с товарищами и вернулся к классической строфе...

Так-то, Андреяныч. Как дело до гонорариев, светлая им память, доходит, так наш брат литератор маху не даст! А то цыгане, цыгане... Вечно на невиноватых все сваливать привыкли».

♦ Вспомнив еще пару историй, связанных с цыганами, вернулись к своим докукам.

— Полагаю, Васильич, что тему умозаещения или обнуления, говоря привычным нам инженерным языком, в высшем образовании мы уже обсудили в части твоего колоритного сновидения. Думаю, дополнений здесь не требуется — сами с усами, в этом змеином гнезде обретаемся. А о главном руководящем органе умозаещения, будь он не к ночи помянут, Болонском процессе* и говорить в зубах навязло.

— Согласен, как и Прокофьич, с отменным качеством сегодняшней «ленинградской». Переводя же мой сон на язык категорий логики, умозаещение в образовании сводится к трем пунктам: переход от преимущественно аналогового, творческого мышления

* См. нашу книгу: Алексей Яшин. Сны и явь полковника Хмурова: Педагогическая поэма в трех частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2011.— 551 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

к цифровому, правильное — компьютерному, утилитарному; практически полный отход от традиционной этики, для нас — от православного христианства, в «пользу» этики прагматизма, опять же в ареале христианства — той, которую разное именуют: протестантской кальвинисткой, торгово-атлантической и пр.; наконец и в основном: отказ от традиционной для русского высшего образования энциклопедичности, в определенном смысле и академизма, расширяющего творческий горизонт, и переход к «штамповке» сверхузких специалистов в части не науки, но технологий. Принятие на вооружение болонской системы «бакалавр — магистр» тому ярчайший пример. Бакалавр — это просто словесный эквивалент бывшему выпускнику советского техникума. Несколько же процентов магистров от общего числа выпускников суть непонятно что. Вернее, совершенно ясно: из их числа готовятся безликие «преподы» на смену уходящему поколению добротных советских преподавателей-ученых; в едином лице.

— Картина, Васильич, нерадостная, но, увы, реально наблюдаемая и ужасающе ускоряющаяся. Помнишь, как нам в старших классах умные наши наставники объясняли: чем отличается русский интеллигент от западного интеллектуала? Подчеркивали: на Западе и вовсе нет термина «интеллигент» — только у нас, хотя бы само это слово и не русского корня...

— Тпп-ру, осадил коня красноречия, Андреяныч! У нас еще полбутылки литровой от обеда осталось, еще погорячимся! Я же уточню: оба эти слова латинского происхождения, что не совсем чужеродно русской терминологии. Но смысл их более чем прозрачен: интеллект от *intellectus*, что переводится как понимание или понятие, а интеллигенция происходит от латинского же *intellegens* (вккуратист и логик Игорь Васильевич полуотвернулся от растапливаемо-

го им камина в сторону журнального столика с водкой, закуской и улегшегося обоче их кота Мичмана и записал латиницей на бумажной салфетке), что значит понимающий или мыслящий.

Казалось бы, что хрен редьки не слаще, то есть звучит одинаково. Но логика, мой уважаемый ракетостроитель, которая собственно и есть язык как средство познания и само познание, делает самое серьезное различие между терминами — существительными и терминами — их в логике именуют эмпирическими индивидами — в форме прилагательных или отглагольных существительных: «понижающий» и «мыслящий» в обеих этих ипостасях можно трактовать.

Итак, с позиций логики (профессор Скородумов сел на любимого конька, согнав собеседника с коня красноречия...) интеллектуал есть человек, *способный понимать*, а интеллигент — *сделавший понимание*, мышление основой своего творчества. Чувствуешь кардинальное различие? Вот почему перевод классического русского интеллигента в разряд западного интеллектуала и есть процесс умозамещения. Если, конечно, под умом понимать всю совокупность творческого мышления.

— С тобой трудно не согласиться, Васильич. Нет-нет, в моих словах двусмысленности нет сколько-либо для тебя обидной. Я только по сущности приведенных доводов. Добавлю только: умозамещение в форме обращения интеллигента в интеллектуала ко всему прочему создает элитную касту последних. В отличие от широкого, почти массового интеллигентного сообщества. Не зря в советском бытие интеллигенция декларировалась как прослойка, а на деле была классом, куда мог войти любой способный к творческому труду... хотя бы к труду над собственным совершенствованием.

— Да-да, в шестидесятые-семидесятые годы наше общество, исключая, быть может, азиатские окраины

советской империи — они слишком скоро были вытеснены из феодализма, — вплотную подошло к той, не виданной ранее и сейчас в мире ситуации, когда все население страны было готово стать бесклассовым де-факто и де-юре и сугубо обществом интеллигентов: если даже не по образованию, но во всяком случае по канонам этики, морали, главное — стремление к творческому труду, даже если он был связан с чем-то на первый взгляд рутинным. Обратил, наверное, внимание, Андреяныч, что в советское время слово работа почти не использовалось? Это о многом говорит. Люди инстинктивно остраивались от него, подсознательно понимая: работа — это от слова раб... Преобладало же, особенно в официозе, где знали что и как говорить, слово труд, что терминологически уже полагало осознанное творчество. А сейчас пресловутая «работа» во всем и вся вытеснила это творческое самоназвание. Все молча согласилось: труд сейчас стал занятием рабов, оттого и негативное инстинктивное и внутреннее отрицание. У меня в кабинете постоянно, что называется для фона, тихо работает приемник. Обычно настроен на классику «Орфея», но порой его узкий частотный канал глушат более мощные городские УКВ-радиостанции с их попмузычкой, перемеживаемой дурашливой болтовней этих, как их... диджеев. И заметил: начиная с понедельника, они все утешают слушателей, дескать, потерпите немного, рабочие дни закончатся и наступят выходные... Подтекст более чем ясен: пять дней — опостылевшая работа, а затем два дня — гуляй не хочу!

Я в студенческие и молодые годы, впрочем, и постарше, часто просиживал вечера и выходные в читальном зале областной библиотеки: выискивал по каталогу редкостные книги по философии, психологии, истории, художественные издания — из тех, что в магазинах тогда не продавались и на дом абонемент не выдавал. Зал всегда заполнен, но со вре-

менем стал отличать постоянных посетителей. Выходя же перекурить, знакомился шапочно. Очень поначалу поражали интересы таких «постояльцев»: рабочий парень, вместо питья водки в воскресенье, изучал по самоучителям... польский язык, хотя явно не поляк. Молодой инженер-машиностроитель изучал монографии и каталоги по астрономии. Девушка со швейной фабрики читала многотомный роман Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» — единственное советское издание начала тридцатых годов... Нд-да!

А как-то в пивной — тогда, как помнишь, там не горькие выпивохи теснились, а после рабочей смены трудовой народ кружкой-другой баловался — разговорились с молодым работягой, фрезеровщиком с Комбайнового завода. Заканчивает вечерний техникум, на следующий год поступит на заочное в наш политех. Но у него программа-минимум на ближайшие пять-десять лет стать... Героем Социалистического Труда. Парень говорил совершенно серьезно и сделал всего пару глотков из кружки. Память на лица у меня отменная. Не очень-то удивился, однажды развернув областную газету, увидев фото того паренька и текст указа о награждении того за трудовые успехи орденом Ленина; в такие-то его годы это почти выполнение программы-минимум!

Давай, Андреяныч, по стопке очищенной в серебре «ленинградской» за здоровье Мичмана, породе которого пока не угрожает умозамещение в части толерантности и политкорректности в отношении мышей с измененным полом, и перейдем к сегодняшней теме.

— Пока разливаешь, Васильич, и дрова в камине ворошишь для пущего жара, я dokonчу панегирику бывшей советской интеллигентности. Слушая тебя, особенно про увлеченных молодых работяг и швейных мастериц в читальном зале, по аналогии

вспомнил знаменитый фильм Герасимова «У озера», прогремевший в конце шестидесятых годов...

— Ну, как же! Вся страна его смотрела, диспуты по нему велись от школьных парт до передовиц в центральных газетах. Кстати, после проката фильма по-настоящему стали знаменитыми как актеры Шукшин, Белохвостикова и тогдашняя кинокрасавица Овчинникова.

— Вот-вот, я о том же. Именно в этом фильме, а тогда каждый новый в той или иной степени становился явлением, очень мощно, но в то же время высокохудожественно и, я бы сказал, прочувствованно, передана тогдашняя атмосфера всеобщего духовного, нравственно-этического, оптимистичного порыва, что и составляла сущность интеллигентизации советского общества. В русской среде, конечно, в первую очередь. Сейчас все это огульно списывают на пресловутую «хрущевскую оттепель», что есть политическое лукавство. Просто время пришло для такого порыва в эволюции советской страны, все предусмотрено было Генералиссимусом, да только про духовный порыв озвучить уже не успел... а Никита, ничтоже сумняшеся, украл и себе приписал.

Еще этот фильм задал тему общественных дискуссий. Тоже время пришло. Из них две нашумевших: строительство целлюлозного комбината на Байкале — главная сюжетная линия «У озера» — и приснопамятный поворот сибирских рек в Среднюю Азию. Второе, как чисто авантюрная «панама», не прошло, а комбинат-таки соорудили. Сейчас, правда, закрыли. Неужто вопреки тенденции времени власть имущие поумнели?

— Да нет, Андреяныч, здесь уже разворачивающийся глобализм-империализм, от которого Россия вовсе не застрахована, несмотря на внешние раздоры, подсуетился. У них, атлантистов-глобалистов, все на мегакомпьютерах на сотню лет вперед просчитано.

Во-первых и в основных, бескремниевую воду Байкала глобалисты обозначили как стратегический гигантский резервуар питьевой. — В их светлом глобальном будущем. Это как в крупных городах, у нас в Тулуповске тоже — напротив бокового входа в центральный парк — такие подземные резервуары имелись, а может и сейчас функционируют, на случай ядерной войны. А во-вторых, в будущем едином глобалистском сообществе нашему отечеству уготована роль поставщика сырья; в данном случае лесакругляка, но не продуктов его переработки. Через сложную цепочку подстав байкальский комбинат и ликвидировали. СМИ же радостно списала на нынешнюю победу разума над совковым загрязнением национального H₂O-достояния...

Однако, Андреяныч, водка в стопках стынет, Мичман ждет тоста за него, тигрово-полосатого, а нам пришло время перейти к сегодняшней теме у камина. Будем беседовать о новой в ученом мире болезни — *хиршемании*, то есть о тотальном умозамещении истинного знания цифирью. Вам, «пентагонцам» здесь повезло: все списываете на секретность, дескать, статьи публикуем в закрытых журналах и сборниках, на худой конец — под грифом «Для служебного пользования», то есть ведомству списков Хирша не подвластны. У нас же с этого года эпидемия хиршемании всех охватила... Как говорилось в старом советском анекдоте: «Я, товарищи, не знаю кто такая Чилия! И не знаю что за баба-курва Хунта, но если они не выпустят на свободу из своего бардака товарища Луиса Корвалана, то мы всей бригадой уже завтра не выйдем на работу...» Я в том смысле, что не знаю биографию мистера, он же сеньор-латинос, но явно немецкая фамилия, аргентинское происхождение и работа в американском университете дают повод пофантазировать. Надеюсь, мистер-сеньор Хирш на меня не обидится; потом, где Хирш, а где я?..

Кот Мичман, польщенный тостом серьезных друзей хозяев за него, замурлыкал, заласкался, делая хвостом немислимые многомерные геометрические фигуры явно по Лобачевскому, Риману и Больяйи, но при неоднократном упоминании Хирша насторожился и встал в боевую позицию: задвинутые назад уши, поджатые лапы, строго горизонтальный хвост и суженные зрачки специальных кошачьих глаз с затворами как у старых пленочных фотоаппаратов. Понятно дело, слова Хирш и мышь созвучны.

♦ Профессор Хорхе Хирш был родом из Аргентины. По семейным преданиям и старым дедовским альбомам род их происходил из немецких переселенцев, но очень давних, середины девятнадцатого века, еще до образования «железным канцлером» Бисмарком единой Германской империи — Второго рейха. Первым в немецкой историографии полагается средневековая Священная римская империя германской нации. В итоге к рождению будущего профессора от немецких корней осталась только фамилия и семейная традиция давать имена вроде как сугубо испанские, но созвучные и немецким. То же имя Хорхе содержало в себе намек на древнегерманское Хорьх.

Физику-теоретику по образованию Хорхе Хиршу в мясо-молочной сельскохозяйственной Аргентине научную карьеру делать сложно. В итоге он устроился в Калифорнийский университет в Сан-Диего, где его дела пошли на лад весьма успешно.

Где-то на пятом году после миллениума в их университете проводилась ежегодная конференция Американского физического общества — мероприятие серьезное и ответственное для участников, в числе которых Хирш выступал с содокладом по исследованиям калифорнийской физической школы, где его имя уже что-то значило, было на слуху.

На заключительном пленарном заседании обсуж-

дался общедисциплинарный вопрос наукометрии. Диковато звучащий, совсем недавно вошедший в обиход термин означал совокупность методов оценки научной продуктивности. Здесь американские физики прочно держали пальму первенства — в смысле методологии наукометрии. И вот здесь-то уже в мировом ареале взошла звезда Хирша — вместе с его коротким сообщением о введении в научную практику ученых-физиков наукометрического показателя, с мгновенной быстротой разлетевшегося как по всему свету, так и по отраслям наук: от механики, где хмурые потомственные профессора все изучают со времен Древнего Египта зубчатую передачу, до новейших бизнес-веяний биологии: геной инженерии и клонирования.

Кстати, еще полгода назад декан, поручая подготовку доклада, как раз рассчитывал на наследственную немецкую дотошливость и склонность к систематике своего профессора... «Не будем отставать от веяний времени, — двусмысленно усмехнулся декан, — станем переводить слова разума в цифру отчетности. Как говорила, правда, по другому, житейскому поводу моя русская бабушка: «Един в уме держим, два в пропись заносим». Действуйте, мистер Хирш!»

Получив не совсем ясное задание от шефа, Хорхе с немецкой пунктуальностью тотчас забыл о нем ровно на час с четвертью: время обеда в профессорско-преподавательском зале мензы* университетского кампуса. Но после десерта с кофе мигом вспомнил и отправился в библиографический отдел библиотеки, где и засиделся до закрытия этого университетского корпуса, солидно поднаполнив свой ноутбук: словами и цифрами, следуя указанию декана, которого колле-

* Средневековое еще название столовой университета; сейчас используется на Западе в щегольско-ироничном обиходе.

ги, практичные янки, увертливые латиносы, подозрительно относящиеся к белым — со времен плантаторского рабства — негры и все сплошь, независимо от цвета кожи, наглые и тупые студиозусы, плохо переносили за его язвительные присказки и шуточки — тож наследие русской бабуси... Даже в пестрой населенной Калифорнии с солидной диаспорой современных русских и их потомков к ним относились с сомнением. Декан же с неизменной иронией пояснял в узком кругу: «Значит, помнят, что полтора века назад Калифорния была русской, опасаются нас на всякий случай!»

Хирш начал дело все с той же аккуратностью и серьезностью. Как научная продуктивность оценивалась в кругах физиков доселе? — Обычно по числу публикаций и изданных книг. Другое дело, что существует определенная, строго выдерживаемая «табель о рангах», как говорит декан, между самими физическими журналами: международными, американскими, европейскими и азиатскими. К «цифре» их сложно «пришить», поэтому обращаются к устоявшимся уже наукометрическим интернетовским базам данных по публикациям: солидным, с платной подпиской *Scopus* и *ISI Web of Science*, более демократичным, бесплатным *Google Scholar*, *ADS NASA*, сомнительной по нынешней научной ничтожности русской базе *Elibrary.ru*...

На этом Хирш остановился, призадумался, сомневающе покачал головой. Нет, так дела не делаются. Издателям научных журналов нужны деньги и только деньги! И у кого кошелек толще — из числа авторов, способных оплатить стоимость публикации в так называемых солидных изданиях, — тот и правит бал. Списывают и переписывают друг у друга, сами свое же ранее опубликованное вроде как «подновляют» и вдругорядь печатают... В Европе-то хоть какие традиции, научная порядочность осталась, а Америка?

Коренным американцам не до науки: потомки чисто-породных янки умеют только деньги делать, а негры живут на пособия и целыми днями торчат в барах, смотрят бейсбольные матчи по телеку.

Исстари, с позапрошлого века так повелось: всю науку в Штатах варганят эмигранты: сначала евреи из Европы, после Первой мировой войны к ним присоединились русские, бежавшие от Совдепии, в их числе изобретатели телевизора, вертолета, науки сопромата... Да и макаронники не только мафию по всей стране создали, но и науку хорошо подпитали. После Второй мировой многих немецких умов, навроде Вернера фон Брауна, в Штаты вывезли, отловив их в оккупированной западными союзниками Германии (с Востока — русские их вывезли). Все эти вольные и невольные эмигранты придерживались отечественных традиций порядочности в научных публикациях. Худо бедно, марка держалась.

Но настоящий бардак начался с шестидесятых годов, когда на научный заработок в страну хлынули толпы японцев, индийцев, китайцев, а с конца восьмидесятых — и вовсе орды русских профессоров, доцентов и научных сотрудников из вмиг обнищавшей бывшей сверхдержавы, где до науки никому не стало дела. Понятно дело, вся наука и наукоемкие технологии в Америке — дело рук, в смысле голов, эмигрантов всех этих периодически накатывающихся волн, но «восьмидесятники», как и коренные янки, интересовались только долларами, к тому же все они, особенно азиаты, да и русские скоренько переучились, не имели за плечами традиций научной добропорядочности. Имели только хорошие головы, чтобы делать научный *business*.

Поскольку эти ловкие азиатские и русские ребята (независимо от возраста) могли чуть не ежедневно выдавать на горá по статье, списывая их по Интернету друг у друга и у менее ловких бывших соотечест-

венников, то общее число публикаций отошло в наукометрии на второй план. За основу было взято число ссылок на публикации такого-то автора. Но для увеличения таковых даже не надо было по ночам корпеть за переписыванием чужих статей и их «авторским» обновлением: достаточно договориться с коллегами об учащенном перекрестном цитировании в списках литературы к статьям. Голь на выдумки хитра; что уж здесь говорить о высоколобных по части хитроумия азиатах и «новых научных русских»?!

...Опять все не то, огорчился наш Хорхе. Как же соединить число публикаций с количеством цитирований и все это облечь в строгую цифру? — И ответ пришел, сущность которого Хирш и докладывал на заключительном пленарном заседании конференции Американского физического общества: «...Итак, господа, предлагаю объединить в наукометрии продуктивности представителей физической науки число публикаций с количеством цитирования в индексе, математическое содержание которого есть распределение числа и цитирований работ конкретного исследователя, а именно: ученый M . имеет личный индекс научной продуктивности q , если q из его статей N цитируются, как минимум, q раз каждая, в то время как оставшиеся $(N-q)$ статей цитируются не более чем q раз каждая».

При полном молчании насторожившегося зала вдохновившийся Хирш начертил мелом на доске координатные оси, в них — кривую гиперболы, поясняя, что в первом приближении количество публикаций в зависимости от числа их цитирования соответствует функции гиперболы, а затем пересек гиперболу прямой — зависимостью числа цитирований. «...Господа! Точка пересечения гиперболы и прямой дает численное значение индекса q . То есть, для примера, если некто обладает индексом 25, то это значит, что онный счастливец является автором двадцати

пяти публикаций, каждая из которых цитировалась не менее двадцати пяти (*твеннти файф*) раз».

Затянувшееся молчание зала заседаний прорезал недовольный баритон приглашенного французского профессора: «Это что же, мистер Хирш, получается: если наш великий соотечественник, основоположник всей современной математики Эварист Галуа успел опубликовать до своей казни на гильотине всего четыре статьи, то он навеки и остался с индексом «четыре»?»

Зал загудел. Вослед французу возмутился молодой профессор-эмигрант из русских евреев: «А вот великий Эйнштейн на начало 1906-го года, когда он уже почти разработал свою гениальную теорию относительности, тоже имел бы индекс «пять»?»

Хирш потупился в ожидании неминуемого провала, но здесь слово с места взял Роберт Хоккинс, вовсе и не физик, но занимавшийся менеджментом, проще говоря, вербовкой, перспективных молодых физиков из Европы и Азии: «А мне кажется, что все очень правильно и здорово. Это как бизнесмен вложил в дело сто долларов, двадцать из которых обернулись каждый не менее чем двадцать раз, а бизнесмен в итоге получил свыше четырехсот процентов чистой прибыли, даже если при этом первоначальные восемьдесят из ста не то, что прибыли не принесли, но и вовсе пропали в неудачной котировке акций. Дело стоящее, господа; предлагаю дать новому индексу имя мистера Хирша!»

Услышав про доллары, зал мигом поумнел, заинтересовался и проводил оживившегося Хорхе с подиума громкими рукоплесканиями.

На научный мир надвинулась эпоха хиршемании.

♦ — Однако, Васильич, расфантазировался ты сверх всякой меры, особенно про долларовые доводы мистера Роберта Хоккинса!

— Отнюдь, Андреяныч, это-то как раз самый реальный довод в моей фантазии. Пример тебе? — Пожалуйста, даже из нашей жизни. Не мне тебе объяснять, что доллар сейчас, особенно после поражения Советского Союза в Третьей, то есть холодной, информационной, мировой войне, стал той самой главной «общечеловеческой ценностью», о каких — стыдливо не упоминая о бумажках с портретами президентов — день и ночь верещит мировая пресса и телевидение, в том числе и даже наиболее напористо наши СМИ — самый рьяный лакей глобалистского империализма. Это как писал нелюбимый тобою и мною Солженицын в единственной своей литературно-художественной книге-повести «Один день Ивана Денисовича»: «Тебя не гребут, ты не подмахивай». А они-то как раз и подмахивают, и впереди паровоза бегут... А летошним годом и вовсе у америкосов случилась великая радость: добились-таки они подспудно начала развала Евросоюза с его кремово-радужными бумажками евро, всерьез было намерившего создать вторую мировую валюту. Процесс пошел, как говаривал иудушка Горбачев: сначала «брексит», а на подходе уже сугубо торговые голландцы с их «некситом» и вечные неконформисты венгры с «макситом»*.

В итоге бумажки с президентами в буклях и без оных уверенно становятся единственной мировой валютой. С Америкой и простецким доводом мистера Роберта Хоккинса все и так понятно: в этой многоконфессиональной с самого начала стране доллар есть единый во всех ликах объединяющий бог-демиург. И у нас тоже, во всяком случае для поколений, уже не заставших советский пионерский возраст. А вот тебе и пример. Ты про телепередачу «Дом-2» слышал?

* Первые слоги от самоназваний Голландии — Netherland (по-английски) и Венгрии — Magyar (по-мадьярски).

— Конечно, даже в продажных СМИ о ней неодобрительно отзываются. Впрочем, редко и как бы походя. Миша Задорнов ее клянет вовсю, а что?

— А то, Андреяныч, как-то заинтересовался, нашел ее по недельной программе, минут десять смотрел ну-у, как прилетевший марсианин смотрит на нас... или мы на него. Что-то навроде больничной палаты, пацаны-тинейджеры с нарочито подобранными похабными рожами, гримированные должно быть, голоса им режиссер поставил этакие расхлябанные, все с ударениями на «ó»; раньше называлось нижегородским и вологодско-архангельскими говорами, а сейчас так все девки молодые вякают. А тут пацантва валяется на койках больничного образца, панцирных, в потолок смотрят, словом, хворых дебилизмом изображают. Лениво переговариваются, ничего их в жизни не интересует. Кто-то про девок вспомнит, другие лениво отбрехиваются: давалки они, мол, Наташка со Стеллкой, скучно с ними, опять же на презики траться...

Другой заикнется про школу — все в ухмылку и дебильский хохоток: экий, мол, ботаник выискался! Про родителей-предков, новые марки смартфонов... все им вздорам представляется. Да-да, Андреяныч, даже на свои любимые гаджеты не клюют: это про смартфоны и планшеты я говорю. Но наиболее тупо реагируют, то есть молчат, когда кто-то про политику вспомнит, про кризисы и торговые бойкоты всякие!

Я хотел переключить для более благоприятного фона — сам над рукописью трудился — на что-нибудь человеческое: легкий детективчик с хорошо подобранными прокуроршами и оперативницами, что в камеру к экам для дознаний входят в летних платьицах до середины замечательных бедер и глубокими декольте с подпружиненными снизу бюстами четвертого номера, — но здесь самый дебильный парнища по кликухе Дэн как-то походя произнес слово «дол-

лар». И что здесь случилось? — Все дебилы поспрыгивали со своих панцирных коек, заходили по пала... тьфу, то есть по комнате, загомонили вполне нормальными, не придурочными голосами: «Да, доллары — это хорошо... В Америку надо из рашки валить, там только лопату под доллары подставляй!.. Вот бы нам пятьдесят каким-то штатом войти под звездно-полосатый, вместо деревянных покупали бы кока-кола и биг-маки за зеленые...» И так далее в той же тональности.

Так что научный менеджментер Хоккинс в точку попал, сравнив непонятный индекс от Хирша с живыми, родными до боли долларами. Кстати, Андреяныч, обратил внимание: с прошлого года в телерекламе стали отучать народ от склонений — пока в импортных названиях. Вместо грамматически обычных «купил кока-колу», «выпил стакан фанты» теперь устойчиво произносят: «купил кока-кола», «выпил стакан фанта». Каково это тебе? — Правильно, в американском диалекте английского языка предпочтение отдается именительному падежу. Вот и нас упрощают до этого пиджин-инглиш*: и словами импортными, а теперь и грамматикой. Впрочем — к теме нашей вернемся.

♦ — У нас, Андреяныч, до поры до времени обо всех этих базах данных, цитированиях и индексе Хирша, в особенности, в широком научном и образовательном обиходе и ведать не ведали. В годовых отчетах кафедр институтов, потом университетов, отделов и отделений научно-исследовательских организаций ставили общее и индивидуальное число публикаций — и все довольны. Это как сейчас у вас, «пентагонщиков» со ссылкой на закрытость изданий.

* «Голубиный английский» (пер. с англ.) — английский жаргон в среде торговых моряков (не из англичан). Ныне осnova так называемого «английского» в мировом ареале...

Только вам пока еще везет, но недолго, что-нибудь придумают... Не зря же из главного корпуса последние кафедры выселили, целиком заполнили бесчисленными отделами и управлениями — чиновничеством университетским! Надо же их видимостью общепользуемой работы занять.

Кутерьма с «оцифровыванием» так называемой науки, ибо подлинной уже давно в стенах «универов» не пахнет, исключая чудаков вроде нас с тобой и еще с полдесятка совковой закваски, началась внезапно пару-тройку лет назад с появлением нового образовательного министра... фамилию не помню, часто они меняются, да и того недавно «ушли» на второстепенную дипломатическую службу, заменив, эксперимента для, дамой, начинавшей трудовой путь школьной учительницы. В курсе, конечно, не сомневаюсь — это я так, для связности изложения напомнил.

Именно пару — да, даже не три, а два всего — годка назад, по всей видимости где-то в верхах заинтересовались: почему в так называемых мировых рейтингах российские университеты явно, даже вызывающе, не котируются? Только три-четыре замыкают первую сотню, в том числе Московский и Ленинградский, теперь, понятно дело, Санкт-Петербургский, университеты, а все остальные, гремевшие славой в советское время, рассеяны во второй, но более в третьей-пятой сотнях... Кстати, не могу не отвлечься, как некогда учившийся заочно — после нашего политеха — на матмехе ЛГУ: ну что ж не везет моей отчасти *alma mater* с именной добавкой! — Все нарекают в честь политических деятелей: сначала был имени Андрея Сергеевича Бубнова, члена Военно-революционного комитета Петросовета в семнадцатом году, а в послевоенные годы — имени другого Андрея, только товарища Жданова. А политические фигуры в исторической памяти короткоживущи...

Итак, раз возник в верхах вопрос о таком малом мировом рейтинге отечественных вузов, то требовался и ответ. Ловкие ребята из радиотелевидения тотчас опросили ведущих ректоров: от Садовниченко из МГУ и далее по нисходящей. Ответ поставил в тупик всех: и верхи, образовательные в том числе, и сами СМИ, и труженников-преподов из числа тех немногих, кто еще не потерял интереса к чему-либо, что не относится конкретно к их низкому жалованью и оголтелой тупости и хамству их воспитанников-студизусов.

А ответ ведущих ректоров, вроде как с усмешкой над всемирной глупостью «оцифрованного» глобализма, гласил: сейчас на Западе-Востоке о степени научной состоятельности университетов судят вовсе не по реальным внедрениям их разработок в фундаментальную науку и в промышленность, но по суммарным для данного вуза цифровым показателям, а именно: индекс мистера-сеньора Хорхе Хирша (вот где его негасимая звезда взошла!) и числа публикаций в солидных — в основном, по взимавшей с авторов оплате в \$ и € — американских, западноевропейских и международных журналах. Издания на русском языке в учет не берутся. Такое же отношение и к российским журналам, параллельно издаваемым на русской и английской мове... И все тут; против лома нет приема.

Понятно, такое объяснение, поставившее было всех в тупик, отозвалось чисто русским пофигизмом в научной среде, но вот образовательному министерству не поздоровилось; чиновники, тем более высшие, люди в своей служебной первозданности суть простые и конкретные, свято исповедующие старинный советский девиз-речевку: партия сказала «да» — комсомол ответил «есть». И в научно-образовательное министерство спустили рескрипт: довести означенные цифровые показатели до среднемирового уровня.

ня. А как это сделать — ваши заботы, не зря же на повышенном окладе содержания сидите! Для пущей убедительности напомнили о кое-каких накопившихся прегрешениях по ведомственной части.

«Комсомол», конечно, ответил верноподданнически: есть! И спустил размноженную — по числу вузов в стране — где-то под тысячу экземпляров директиву на ступень «пионеров» — областные департаменты по научно-образовательной части, а те разослали по фельдехерской связи полученные экземпляры «октябрятам», то есть ректорам подведомственных территориально вузов. Работа закипела с полной отдачей, явно ориентируясь на наставление гётевского Фауста:

*При свете дня покрыта тайны мглой
Природа свой покров не снимет перед нами!
Увы, чего не мог постигнуть ты душой,
Не объяснить тебе винтом и рычагами!**

♦ — Здесь, Андреяныч, сработал чисто русский подход к делу по сути бесполезному, но необходимому к исполнению по команде, замечательно выразившийся в совете своему хозяину старика Савельича из «Капитанской дочки»: дескать, барин, ты ручку-то злодею поцелуй, да и сплюнь в сторону...

Прежде всего, что само собой понятно, никто не бросился подсчитывать свои хиршеманские цифры до ясной приказной команды из ректората. И даже не сомневаясь в неизбежности таковой, также никто не начал строчить для публикации туманные по содержанию — ибо наука в университетах давно заглохла — сонмы статей. Все придерживались прежней устоявшейся цифири: соискатели кандидатских и докторских степеней, горестно вздыхая, по накатанной схеме, то есть Интернет + свое вступление и

* Гёте. Фауст, Ч. I, С. 28 (В пер. Холодковского, М.: ОГИЗ, 1936).

заключение + интернетовские формулы в переводе с латинских обозначений на греческие + перерисовывание иллюстраций до внешней непохожести, публиковали в бесплатных журналах положенное для защиты число статей: полдесятка для кандидатских и в три-четыре раза поболее для докторских диссертаций. Уже остепененные кандидаты-доценты и доктора-профессора скрипели перьями из расчета от трех и шести публикаций, соответственно, за пять лет: до очередной переаттестации и замещения своей же вакансии «по конкурсу». Последнее слово всегда вызывало у них язвительный смех: какой дурак будет стремиться «по конкурсу» на их места с нищенской зарплатой? — Не дворник же их дома гастарбайтер-узбек Казим, оклад которого выше профессорского! Вот и вся повсеместно принятая недолга с вузовскими публикациями.

Но вот и приказ по нашему универу последовал с неполный год тому назад, причем, явно держа в голове памятные со школьных лет слова старика Савельича, ответственная «за науку» администрация приказ этот оформила в духе хитроумных флорентийских политиков Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини, то есть прямо не указывалось, что де рядовой доцент должен иметь такой-то «хирше-балл», а профессор оценивается иной цифрой, а рекомендовалось. Сам приказ не имел официальной учетности, но был спущен из ректората изустно — по должностной нисходящей. Устно же были расписаны все конкретные цифры для доцентов, профессоров, заведующих кафедрами, деканов факультетов и — о, ужас для них! — средних и высших вузовских администраторов, которые, «защитив» в лихие девяностые докторские диссертации, ушли от хлопотных преподавания и научных изысканий в сугубое университетское чиновничество. То есть расселились в качестве руководителей всевозможных отделов по

всем пяти этажам главного корпуса, попривыкли носить в любую погоду выглаженные пиджачные костюмы с галстуками и распекать подчиненных бабёнок, впрочем моложавых и видных собой, за промашки в отчетах: от месячных до годовых.

Но в целом преподады были благодарны родному образовательному министерству за проявленный им либерализм: в цифры хиршебаллов засчитывались самоцитирования по бесплатной отечественной наукометрической базе данных *Elibrary.ru*, на которую западники и вовсе плевали... При этом коллеги наши с тобой, Андреяныч, добродушно злопыхали в адрес преподав Самостийной: там, как у них принято во вред себе, но во всем обезьянничая перед Западом-Востоком, сходу ввели высший критерий: подсчет только по самой дорогостоящей базе Scopus с отбрасыванием самоцитирования всех авторов, если хотя бы один автор входит одновременно в список соавторов, например, двух статей с перекрестным или последовательным цитированием!

Итак, работа закипела, как только наши преподады разобрались в нехитрой формуле мистера-сеньора Хорхе Хирша. Все мигом разместили имеющиеся публикации в отечественной либеральной базе, а далее начался обвал публикаций в бесплатных российских журналах; все они строились таким образом: две-три странички текста, в основном, выдержки из прежних публикаций, а к ним список литературных ссылок на самого себя объемом полторы-две страницы!

Более того, мигом вспомнили всех бывших друзей-преподав из своего и других городов: начался активный обмен по электронной почте списками своих прежних публикаций: «Друг Глеб Потапыч! Ты уж присовокупь этот список ко всем твоим новым статьям, а я твой к своим приставлю...»

В короткий срок вошло в обиход при случайной встрече коллег вместо излияния обид на низкий оклад

содержания весело-дурашливо рапортовать: «А у меня, герр профессор, уже двенадцать «хиршей»!» — «Поздравляю, Пал Палыч, а я за последние два месяца догнал аж до шестнадцати!» — «Ну-у, большому кораблю и плавание большое».

Первый годовой отчет, только на днях, как всегда в декабре, сверстаный вчерне соответствующим отделом на четвертом этаже главного корпуса, восхитил ректорат. «Ведь умеют, если захотят, — восторгался научный проректор, — ведь считается в той же Америке, что в норме индекс Хирша в первом приближении равен продолжительности в годах научной карьеры конкретного ученого, а наши-то стервенцы за неполный год сделали себе индексы до двух-трех десятков! Никакой совковый Стаханов не угонится за ними...» (Отец его в советское время трудился институтским парторгом).

Трудновато пришлось тем, кто лелеял мечту всей жизни: стать членом госакадемии. Для таковых, опять же по американскому образцу, установили индекс аж в сорок пять единиц и выше! В США это принято соотносить в цифири с членством в Национальной академии наук. У них уже все устаканилось насчет замены ума числами...

Но — нет таких крепостей, которые бы не взяли генетические потомки большевиков. Вопрос для мечтателей-академиков и, главное, для давно отвыкших «сочинять на досуге что-либо этакое» профессоров-администраторов, был решен опять же чисто по-русски: у тех и других есть подчиненные, лихо владеющие компьютерами — для обработки баз данных и прошлых публикаций соискателей высоких хиршебаллов.

Однако, самодеятельность в вузах всегда, ныне и присно не приветствуется. Один свежее испеченный доцент с нашего факультета, имея за душой только свой кандидатский диссер, разработал свою тактику:

нашел журнал какой-то общественной академии, где вместо статей разрешается публиковать аннотации в пять-десять строк, «распылил» свою диссертацию на такие аннотации, к каждой из которых присовокупил список из десяти-двадцати ссылок на другие свои же аннотации, а в результате состряпал себе такой неприличный для его ничтожной должности и стажа работы хиршбалл, что пришлось уволиться по собственному желанию...

Голь на выдумки хитра всегда была на Руси. Наших так просто ничем не возьмешь и не проймешь! Но чтобы никто не требовал денег.— Это первейшая заповедь для скуповатых от природы и малой зарплаты преподав. В том же изустном приказе предписывается каждому члену диссертационного совета, а их в нашем заведении где-то за десяток, обязательно раз в год — не менее! — опубликовать статью в журнале, внесенном в архидорогой список *Scopus*. Если прикинуть стоимость перевода на английский, плату за публикацию, почтовые расходы (там по электронной почте редко принимают), то получится где-то под тридцать тысяч рублей! Услышав о таком предписании, все члены всех советов дружно промолчали. Хрен, мол, вам, а не *Scopus*! — Лучше из советов выйдем, все одно бесплатно в них заседаем.

Главное, Андреяныч, восхищает меня все эта история с хиршеманией. Ведь все одно наши российские хиршебаллы и печатание в русскоязычных журналах забугорниками в расчет не принимаются. Как были наши универы в третьей-четвертой сотнях мирового рейтинга, так там и останутся, а то и вовсе в пятую перейдут. Но ведь работа-то, окончательно отвлекшая профессоров и доцентов даже от малых попыток что-нибудь научное сочинить и двинувшая их в сторону собирания цыфири, выполнена! По истечении года все отчетности в обратном порядке —

с мест в Москву — соберутся в образовательном министерстве, а там уж сумеют отсчитаться где надо, да еще подпустив в духе времени инвективу о «научных санкциях Запада». Неча на зеркало пенять (другой фольклорный вариант: неча в зеркало пинать...): Запад есть Запад, Восток есть Восток — по Редьярду Киплингу, — нечего ему изначала кланяться и обезьянничать: Хирш, мол, мистер-сеньор Хорхе!

Однако, Андреяныч, сегодняшняя тема закрыта, а следующий наш «саммит» под Новый год придется. Хочется от постылой и унылой нашей образованщины о чем-нибудь душевном поговорить. Ты говорил — сосед у тебя писатель, не только в Тулоповске известный. Так пригласи его третьим к камину в следующий раз. Может хоть литературу еще не умозаместили, а?

...Кстати об индексе *Scopus* недавно только узнал. Скопус — это холм в Иерусалиме, где в 1918 году, когда англичане изгнали турок из Палестины, основоположник сионизма Хаим Вейцман заложил первый камень в фундамент будущего Еврейского университета... откуда сейчас и ведают мировой «наукометрией».

Вторую половину XX века нарекли эпохой информационной. Незаметно перейдя в век нынешний, мы уже без обиняков воспринимаем СМИ, особенно телевизионные, как четвертую — после законодательной, исполнительной и судебной — власть. Кстати, так ее определил Наполеон. Но власть ли это? Ведь в остальных трех властях, худо-бедно, но действуют какие-то законы, люди туда выдвигаются в общем-то из разных слоев населения, из разных территорий, чего вовсе не скажешь о СМИ. Невольно возникает мысль: никакая это не «четвертая власть», а некое государство в государстве (*status in statu*, — говоря по-латыни). А граждане этого виртуального государства узнаются по не поддающимся расческе шевелюрам, змеиным языкам, горящим глазам, внешней спайке и дружелюбию. Однако в своих кулуарах они постоянно лаются меж собой, в основном из-за гонораров, которые получают от неведомых фондов за продажу Родины.

Самодовлеющее теоретизирование — особый вид ухода от тревожений и неустроенности жизни. Как в шахматном деле. Сегодняшняя Россия — страна теоретиков самого высокого полета мысли: как праведной, так и вредительской для ее народа. Например, наши выдающиеся экономисты-министры, зная начатки грамотности в объеме неполной средней школы, прочитав пару американских книжек по экономике, сами выдвигают чудовищные теории, добывающие страну (книжки эти им специально подсовывают «агенты влияния»). А вот наши ученые, которые настоящие, лишившись лабораторий и прочей материально-экспериментальной базы, по необходимости занялись научным теоретизированием. Не было бы счастья, да несчастье подошло...

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ: ЗЕРКАЛО ЭПОХИ РАСТЕРЯЕВЩИНЫ

*Дура ты, дура ты,
Дура ты проклятая.
Было нас четыре дуры,
А ты дура пятая.*

Тулуповская частушка

◆ Сказано — сделано. В следующий четверг, как раз посредине предновогоднего месяца, в автолайне курсом на пригород Прокофьяча катили втроем — с охотно согласившимся соседом Николая Андреяновича, известным даже в столице, писателем и главным редактором литературного журнала «Срединная Россия» Андреем Матвеевичем Бурцевым. Как оказалось, он шапочно знаком с Игорем Васильевичем: оба издавали журналы, что почти десять лет печатал Тулуповский университет: каждый из главредов по своим каналам это устроил. Оба за свое редакторство и пострадали, подвергнувшись остракизму: Скородумов от завистливых коллег-профессоров, Бурцев — от такого же качества местных литераторов.

Андрей Матвеевич мигом «врубился» в четверговую тематику и после обязательных лыжной прогулки и сытного обеда от Тихоновны для затравки зачитал стенографированный отчет о недавней встрече с авторами и читателями своей «Срединной России». Отчет он оформил в виде «Колонки главного редактора» для очередного номера журнала.

◆ «Традиция художественного описания общения участников литературного процесса — от автора до читателя посредством «книгоиздателя» и «книготорговца» — суть прерогатива русской и советской классики; чтобы далеко в лес за дровами не ходить, сошлемся на известные стихотворения М. Ю. Лермонтова и В. В. Маяковского.

Так и мы, свято следуя традициям отечественной литературы, решили дружески побеседовать с авторами и читателями нашего журнала. Последнее вовсе не означает, что нас не интересует мнение таковых в отношении других литературных журналов. Скорее наоборот: чем шире круг равнодушных к современному состоянию русской литературы, тем весомее их мнение *in summa*. А вот и первая реплика редактору...

Въедливый читатель. А не кажется ли вам, уважаемый редактор, что сейчас образовалась некая, порочная в своей основе, избирательная «кружковщина»? Я имею в виду ту нездоровую ситуацию, когда каждый журнал обрывает круг «своих» (именно в кавычках!) авторов, что, в свою очередь, влечет за собой формирование достаточно ограниченного круга постоянных читателей. Вот, к примеру, возьмем парутройку столичных, так называемых, по советской еще традиции центральными, «толстых» литературных журналов, не озвучивая политкорректности ради их наименования. Неважно, какой они ориентации (извиняемся за двусмысленное сейчас слово): патристической, либеральной, верноподданнической и пр. И что видим? — А лицемерие одинаковое: из номера в номер одни и те же авторы с многостраничными «задумчивыми» романами, «километрами» то гневно-патристических, то либерально-вольностлюбивых стихов, публицистикой, от которой во рту возникает вполне ощутимый вкус жеваной ваты... Говоря словами классика революционного марксизма, «узок их круг». И даже если не очень далеки они от народа, то весьма близки к составу редколлегии, а чаще всего и входят в этот славный список... Уж и не знаю, что сказать о круге читателей таких журналов.

Редактор. Полагаю, что столичных, бывших «центральных», журналов есмь число сугубо ограниченное и «трогать их за вымя», как писали одес-

ские классики, не стоит. Даже то хорошо, что еще остались издания с господдержкой, что позволяет им выходить «гигантскими» по нашим временам тиражами в несколько тысяч экземпляров... Действительно, мало их числом и далеки они от всероссийского читающего народа: в библиотеки сейчас не комильфо ходить, в киосках «Роспечати» только глянцевого читиво-смотря, институт подписки почти что в Лету канул. Теперь по сути вашего вопроса-размышления.

Эффект вполне реальной, наблюдаемой «кружковщины» в вашей интерпретации несомненен. На наш взгляд, как главного редактора, хотя и с небольшим, но все же десятилетним стажем руководства созданным им же «толстым» литературным журналом, главной движущей силой разбиения единого русского (советского, сейчас российского) литературного процесса на «кружковщину» является, как это ни диковато поначалу звучит, воспоминание о лучшей в мире на все времена организации советской литературы. Почти как в эстрадной юмореске, дескать, имею тяжелое наследие советской власти: бесплатные два высших образования, квартиры себе и детям и прочая, и прочая.

Да, согласимся мы с эстрадными куплетистами, именно советская власть виновата в том, что нынешняя литература в России являет собой почти что убожество. Опять же по сравнению с советским периодом. Косвенная апология современной русской литературы — тот факт, что на Западе-Востоке (почти что «Западно-восточный диван» Гёте...) как таковой художественной литературы давно и вовсе нет. Одно присуждение «Нобеля» по литературе за прошедший год сугубо политизированной публицистической журналистке чего стоит! То, что она «приписана» к явно постсоветской Белоруссии, роли здесь не играет...

Словом, рухнула в одночасье организованная советская литература и распалась на кружки. И совсем

не удивительно, что их объединяющими центрами стали, в основном, не вмиг обессиленные на полном безденежье и увядшие в затянувшемся безвременье областные писательские организации, тем паче раздраженными евтушенковскими молодцами-апрелевцами, но именно журналы, преимущественно вновь явившиеся русскому миру и далеко не всегда «в столицах и университетских центрах». Попросту говоря, центрами таких своеобразных литкружков стали провинциальные (периферийные по-советски) журналы. К таковым, ничтоже сумняшеся, мы относим и «Срединную Россию». Ваше слово, товарищ автор?

Автор старого закала. Я так полагаю: журнал есть, если он имеет печатный тираж. А всякие там интернетовские игрушки — это словоблудное любительство. Вот и «Срединная Россия» имела десять лет тираж, значит, и считалась журналом, даже всероссийским, а теперь это интернетовская пустышка, надувающий сам себя пузырь. Вы уж извините меня, товарищ редактор. Почему вы, ваши редакция и редколлегия так скоро сдались, опустили руки, не ищите господдержки в форме грантов, меценатов, или спонсоров по-нынешнему?

Редактор. Уважаемый Порфирий Дормидонтович, автор широко известной даже за пределами нашей области исторической тетралогии «Чугун не ржавеет», как-то запутался в скоробегущих годах новейшей истории нашей страны, точнее того, что осталось от некогда 1/6 земной суши. И пусть он не думает, что ваш покорный слуга в восторге от всех этих «гэджиков» во главе с интернетом. Кстати, Порфирию Дормидонтовичу следует уточнить в названии тетралогии, что не ржавеет только серый, литевой чугун, черный — передельный ржа охотно ест. Но навалился класс-гегемон, то бишь всемирно организованная и глобально продвигаемая телекоммуникационная виртуальная реальность — и все

подмяла под себя, как мама-кошка в период лактации неторопкую мышку (с «кити-кэта» молоко у кошки слабо идет...).

...И здесь у меня сразу два парадоксальных вопроса возникает, причем даже и не особо-то в связи с референцией многоуважаемого Порфирия Дормидонтовича, а именно: читают ли в этом интернете сугубо литературные произведения, те же «толстые» журналы, и нужно ли сейчас издание литературных журналов в традиционно бумажном виде? Ответы на эти вопросы и будет ответом автору исторической тетралогии, лауреату поощрительной районной премии.

Я — человек абсолютно далекий от интернетовского, вообще компьютерного чтения. Потому долгое время даже с невольным интересом относился к «продвинутым» пользователям этой штуковины. Прозрение пришло к окончанию деятельного периода десятилетнего издания «Срединной России» в бумажной и электронной формах. Сопоставляя характерные моменты в активной переписке с авторами и читателями журнала, невольно сделал для себя вывод: практически нет отзывов на публикации от авторов и читателей, не державших «бумажный» журнал в руках, это нам легко было отследить. Для подкрепления такого неожиданного вывода — на фоне оголтелой рекламы СМИ интернета как всеобщего просветителя — побеседовал (с наводящими вопросами) по «программе-выборке», все же закончил наш прежний политех по кафедре ЭВМ, с этими самыми продвинутыми пользователями. И выяснил, что из собственно художественной литературы изредка читаются только пасквильные стишата, как говорили в советское время, «про руководителей партии и правительства». Конечно, все это несколько преувеличено, но неоспоримо, что *интернет (преимущественно) в части художественной литературы используется не как средство познавательно-эстетического по-*

гружения в мир творчества, но, в лучшем случае, как эквивалент «перелистывания журнальчика» (это из телерекламы: «Дэну позвонить или журнальчик полистать?»). Итак, вместо видимого парадокса имеем, увы, обыденную реальность.

Также снимается парадоксальность и с вопроса о нужности (полезности) нынешнего издания литжурналов в «бумаге».

...Возмущенные авторы и читатели, но более авторы. Распни его, распни! Может на костер дьявольский свой журнальчик потащишь? «Собрать бы книги все да сжечь!» Ату его, ату!

Редактор. Молю, дайте последнее слово перед аутодафе! Порфирий Дормидонтович, вам вредно так волноваться, ведь еще не дописали шестой том эпопеи «Не нужен нам берег турецкий». Давайте рассуждать здраво, ведь в духе антиалкогольного времени насухуюнашсамит-посиделки проводим!

Автор, еще не издавший книг (сквозь гомон неудовольствия). Так дайте же, вы, книжники и фариесеи, обосновать редактору столь неожиданное заявление, а то вы одно талдычите: в Кащенко его, в Кащенко!

Редактор. Спасибо, мой юный друг. Пора, уже пора тебе начать книги писать и издавать. Поднакопи малость деньжат и хотя бы полсотни экземпляров тисни. Конечно, за Порфирием Дормидонтовичем тебе в этом деле не угнаться, что сделал себе капитал в начале лихих девяностых, кинув своих коллег по кооперативному издательству и обанкротив его в пользу своего банковского счета... Зато сколько пользы он принес нашей литературе, издав «полный бант» своих трилогий, тетралогий и опупей... извиняюсь, — эпопей! А по сути ненужности издания сейчас литературных журналов «в бумаге», хотя и «в цифре», как я уже сказал, они мало кому нужны, имею честь сообщить вам следующее.

...Впрочем, опять советская власть избаловала. Она приучила читателей и, конечно, «огонораренных» авторов к 200...300-тысячным тиражам (а для некоторых и более того) центральных журналов и не менее 50...100 тысячным для периферийных. Плюс идеально организованная всесоюзная подписная система и смешная стоимость журналов. Попасть на их страницы можно было только авторам с проблесками дарования и таланта, зато можно наутро, после выхода очередного номера, проснуться «с именем»! Конечно, отчасти работало «телефонное право» и презумпция «датской» поэзии, но — весьма умеренно, как осознанная необходимость (это по Гегелю определение понятия свободы...), вовсе не портившая высокий литературный уровень нашей периодики. Помню свой первый опубликованный в свердловском журнале «Уральский следопыт» рассказ, а выходил тот «Следопыт» тиражом триста тысяч и на огромной территории от Волги до Камчатки вполне конкурировал с вовсе привилегированной «Юностью»...

Досадливый автор. Не надо нас агитировать за советскую власть! Давай, редактор, ближе к делу: почему свой-то журнал хоронишь?

Редактор. Ну-у, к делу, так к делу, как примерно о том же говорил Ги де Мопассан. Издавали мы с помощью Тулуповского госуниверситета, за что глубоко ему признательны, почти десять лет «Срединную Россию» тиражом 250 экземпляров. Печатали авторов, как и сейчас это делаем, абсолютно бесплатно, ибо это наша принципиальная позиция: печатать за плату — это, по нашему мнению, абсолютное безобразие. Чем, кстати говоря, теперь и занимаются многие журналы и альманахи. Не все, конечно, но все же... Уж лучше так, чем никак.

Теперь бесплатный сыр закончился. Тому же университету, как и всем госучреждениям, «сверху»

запретили все нецелевые расходы. А литература у нас в *Год литературы* стала де-факто «нецелевым делом». Искать меценатов-спонсоров? Во-первых, мы и это испробовали с нулевым эффектом. Во-вторых, в своем ли вы уме, дорогие наши советчики? На Руси меценатство в области культуры было лишь единожды: во второй половине XIX века, когда почти все купечество (торговое и заводское) происходило из староверов-старообрядцев, которые исповедовали принцип государственного стяжательства, то есть лишней копейки-полушки в своих делах не переплачивали, в трактирах обходились чаем с баранками (на двоих пить чай на пятак дешевле — см. у Н. С. Лескова в «Чертогоне»), но накопленные миллионы с собой в могилу не брали, детям-бездельникам ни гроша не оставляли, но все возвращали народу в дарах: церкви и художественные галереи, балетные театры и книгопечатание для народа: знаменитые книжки-копейки и так далее. Такими были Морозовы, Мамонтовы, Третьяковы, Сабашниковы и многие другие. Обычно здесь кивают на разгульных купчиков из пьес Островского, но тот писал на «конъюнктуру». Лучше Лескова читайте...

Ни до, ни после меценатов в России не являлось. В советское время, конечно, таковые не требовались; см. выше, да и сами прекрасно все помните. И вы, многоуважаемые, хотите хоть грош-полушку (это на современные деньги где-то за сотню рублей) получить от нынешних нуворишей, с пистолетами и мордобойными кулачищами братков из бывших спортсменов-чемпионов разворовавших все, что в России было создано и накоплено царями и генсеками? Да они вас за эти гроши-полушки удавят! Самим, мол, не на что в Куршавель скатать с вагоном элитных проституток, отдохнуть от биржевых «бизнесов» и прочих спекуляций... Перекреститесь, кто успел в духе времени воцерковиться, и трижды

сплюньте через левое плечо! А то вообще что-либо литературное сочинять, тем более печатать запретят.

Обратиться к госвластям за поддержкой в издании журнала? — Так вот я демонстрирую пухлую, как том громкого уголовного дела, папку переписки такого характера с областной администрацией, где напираю на то, что «Срединная Россия», как всероссийский журнал, является литературной визитной карточкой нашего города и области. Ответ от разных по времени губернаторов один: денег на такие штуки нет и не будет. Сейчас, правда, стали рекомендовать участвовать в конкурсе губернских грантов, но это на Западе-Востоке (см. выше) заявки на гранты рассматривают по ожидаемой результативности, у нас же... не буду даже занимать ваше внимание рассуждениями на такие глупые темы...

Старинный читатель. Безрадостное будущее вы рисуете, товарищ редактор. Неужели всерьез говорите о ненужности сейчас литжурналов в любом виде: бумажном и электронном? Но ведь свою-то «Срединную Россию» продолжаете выпускать: внук мне ее находит в интернете — читаю с экрана, а живую, на бумаге читаю все свежие номера в Центральной городской библиотеке, благо рядом проживаю. Никак не могу взять в толк. Поясните, пожалуйста.

Редактор. Я что-то переборщил, наверное. Перепутал грамматические категории: сослагательное наклонение заменил на сугубо утвердительное. Все ведь дело в сравнительности, коль скоро начали с советской организации литературного процесса. Нет, конечно, журналы, в том числе и «Срединная Россия», будут продолжать издаваться как в электронной форме, так и в бумажном виде. Просто читательская аудитория за последнюю четверть века сократилась даже не в разы, но на полтора-два порядка.

Что же касается интернетовского представления

журнала, то все же надеемся на создание устойчивого читательского контингента. Попривыкнут люди к чтению таких электронных журналов. Была бы качественная проза, поэзия и незапиаренная, литературная — подчеркнем это, публицистика, а читатель, уже практически лишенный возможности держать в руках бумажные издания, приучится читать с экрана. Тем более, появились в изобилии электронные книжки: скачал на нее свежий номер журнала — и читай себе в удовольствие, лежа на диване! Конечно, здесь мы утрируем, но выражаем сдержанный оптимизм. Именно поэтому мы в прошедшем году расширили свое интернетовское присутствие: кроме собственного своего сайта «Срединная Россия» представлена на всероссийском литературном сайте «Русское поле» и на евразийском сайте «Мегалит». Член редколлегии журнала из Израиля представляет «Срединную Россию» на международных сайтах. Так что и мы виртуальных мышей ловим!

А вот с бумажными журналами, увы, дело уже непоправимое. Настолько непоправимое, что редакция к юбилею журнала, когда он еще издавался «в бумаге» Тулуповским университетом, подумывала отказаться от издания бумажного тиража, оставив лишь пару десятков экземпляров для рассылки в ведущие библиографические центры страны, писательские союзы, редакции центральных литературных газет, в пару-тройку солидных зарубежных библиотек (США, Германия, Израиль).

Редактор продолжает на фоне нарастающего шума. Да-да, вы не ослышались, граждане-товарищи, господ среди вас нет, господа только одну книжку на ночь читают: чековую банковскую... Именно самим отказаться от тиража, совершенно ненужного сейчас для литературных журналов (см. «идеологическое» обоснование выше). Давайте-ка для убедительности прикинем по-бухгалтерски на счетах-кос-

тяшках. Это вот как уважаемый наш классик Порфирий Дормидонтович любит доказывать, оперируя цифирью — числом страниц, строк на них и знаков в строке, что его историко-порнографическая тетралогия «Чугун не ржавеет» на два авторских листа больше «Войны и мира», а его же эротический двухтомник «Прасковья в садах Эдема» и вовсе на три печатных листа побивает баки «Анне Карениной»!

Итак, почти половину тиража мы рассылали-разносили по библиотекам города, райцентров, центральных и зарубежных храмов литературы. То есть эта половина считай что пропадала, ибо в библиотеки сейчас никто не ходит. Более того, время от времени члены редакции (не путать с редколлекцией!) делали инспекции по библиотекам нашего областного центра и докладывали главному редактору нечто удручающее: за исключением нескольких центральных библиотек, в остальных годовые комплекты журнала в буквальном смысле свалены в угол. И оправдание, причем вполне серьезное, хранительниц печатной мудрости: на стендах, мол, *местов* нет, только подотчетные, за которые деньги плачены, журналы и помещаются, а ваш ведь бесплатно нам дают?! Да и все равно читателей у нас не случается...

Большую часть второй половины тиража рассылали по всей стране тож в библиотеки, писательские организации и пр. Судя по отсутствию (за 10 лет издания!) откликов, сообщений и пр., судьба этих экземпляров такая же. Но зато радовала Белокаменная: часто получали письма от благодарных читателей, что-де вот зашел в правление <далее идет название уважаемой литорганизации> и *приобрел* там свежий номер вашего великолепного журнала! Да, Москва город деловой, присылаемые им бесплатно журналы всюду продают. Но для нас и это великая радость: журнал обрел читателя, ведь, если за него заплачены кровные, то от корки до корки человек прочитает — не дармовщина ведь какая!

Итак, не надо быть продвинутым психологом, чтобы сообразить: бесплатное печатное слово читателя никогда не найдет!

...Оставшиеся от тиража десятков-полтора экземпляров заказывают, не преминув поворчать, что редакция не высылает *обязательный* авторский экземпляр*, неохотно заказывают и авторы текущего номера. Итак, посвятив все время на труды по изданию бумажного журнала, собственно издавать его только для удовлетворения страстного желания 5—10 авторов каждого номера иметь его экземпляр в своей домашней библиотеке? Даже Порфирий Дормидонтович назовет это парадоксом, но ведь так было и есть? Вот если деньги брать за публикации — весь тираж тотчас раскупят, но это не в наших правилах (см. выше).

В итоге сейчас мы пришли к оптимальной, принятой во всем (литературном) мире форме издания нашей «Срединной России» — без тщетных поисков несуществующих меценатов, без устоявшегося отсутствия господдержки, в то же время очень гибкой, позволяющей выбирать наиболее приемлемый для автора и читателя вариант, а именно:

— в электронной форме журнал размещается на сайтах, о которых речь шла выше;

— желающие иметь бумажный вариант, заказывают журнал в издательстве Тулуповского университета, которое печатает журнал по предварительным заказам на коммерческих условиях;

— авторы и читатели сами могут отпечатать нужное им количество экземпляров в своем городе —

* И когда были эти «обязательные» экземпляры? Надо полагать, что эти авторы в советское время и не помышляли печататься, ибо тогда, даже при копеечных стоимостях изданий, автор сам покупал номер с его публикацией в журнальном киоске, а за 10 «авторских» экземпляров изданной книги бухгалтерия издательства вычитала из гонорара...

сейчас даже в небольших городах имеются минитипографии с электронной печатью от одного экземпляра. Для этого автору по его просьбе редакция высылает файл оригинал-макета журнала бесплатно;

— наконец, авторы, желающие, чтобы номера журнала с их произведениями поступили в ведущие библиографические центры страны, в руководство писательских организаций, в редакции центральных литературных газет и т.п., могут *исключительно добровольно*, но заботясь о популяризации своего творчества, высылать в нашу редакцию по 1 экземпляру. Принцип здесь простой: сам о себе (в смысле популяризации) не позаботишься — никто другой не позаботится.

Экономный автор (а кто из нас сейчас не экономит? — Даже Абрамовские и Березовичи...) И... и сколько же экземпляров журнала сейчас стоит в издательстве вашем, и если самому печатать?

Редактор. Во-первых, издательство далеко не наше, но университетское; во-вторых, стоимость единичной печати, то есть на «электронке» с минимальной коммерческой надбавкой всюду одинакова: порядка 800 рублей за журнал объемом 260... 280 страниц.

Рядовой читатель. Ого! Нет, сейчас лучше быть читателем на интернете, чем писателем на бумаге! Но почему так невыносимо дорого? Опять предбывшая советская власть виновата?

Редактор. Конечно, она, родимая, в ответе, что приучила всех нас к мизерным ценам на печатную продукцию, из которых, ввиду огромных тиражей, кстати говоря, складывались приличные гонорары авторам. Само существование тысяч профессиональных писателей, то есть безбедно живущих на эти самые гонорары, обо многом говорит. На этот счет не полнитесь почитать «Колонку главного редактора» в последнем номере «Срединной России» ушедшего года. Года литературы, между прочим...

А почему так дорого? Потому что в результате демреформ в стране полностью уничтожена ранее мощная полиграфическая промышленность. До основания, а затем... затем вся наша полиграфия, уже собственно печатающая, перешла на импорт, долларовый, разумеется. И когда усилиями Запада, загоняющего Россию в грандиозный тупик, а еще более стараниями наших выдающихся реформаторов-экономистов, рубль понизили в три раза по отношению к доллару-евро, во столько же раз возросла в рублях, которому скорее для смеха даже смайлик, Р по аналогии с \$ и €, присвоили, и стоимость печатания тех же бумажных журналов, да к тому же по привычке девяностых и двухтысячных годов аппетиты всей цепочки — от оптовиков до владельцев крохотных типографий — отнюдь не уменьшились...

Экономный автор. А вот вы говорили, что у некоторых других журналов стоимость, конечно, повысилась, но не до восьмисот, а всего лишь до трехсот-четырехсот рублей! Значит издательство, что взялось печатать «Срединную Россию», — чрезмерный хапуга?

Редактор. Вы, уважаемый, автор известный в нашем городе и его окрестностях. Тем более вы должны по роду своего участия в литпроцессе знать хотя бы азы издательского дела, не уподобляясь, например, руководству и большинству членов нашей областной писательской организации, не ведающих разницы между издательством и типографией, логотипы которых стоят в книге. Так вот, уважаемый автор, если тираж составляет менее ста экземпляров, то его печатают на машине с электронным вводом оригинал-макета, в просторечии — «электронке». При тираже свыше сотни используется более простая техника навроде ризографа. Соответственно и стоимость расходных материалов здесь в разы меньше.

Наивный читатель. Так заказывайте вашему издательству сто — двести и так далее экземпляров!

Редактор. Наверное, я напрасно собрал вас, а еще более напрасно развлекал вас разговором, что называется, с аргументами и фактами. Еще раз повторяю для наиболее непонятливых: издательство не наше, но по доброте душевной взяло на себя хлопоты по исполнению заказов на печатание журнала. Но в издательстве нет матери Терезы, там люди сугубые реалисты. С чего это они будут печатать сто — двести и так далее экземпляров, если журнал закажут от силы пять-шесть авторов, причем по одному-два экземпляра? Это я не с потолка взял — по десятилетнему опыту все проверено.

Голос с задних рядов. Сами виноваты: приучили за десять лет к дармовщине!

Редактор. Вот — голос мужа, но не мальчика! Истину речешь, мой друг: каемся, приучили, разбавляли за десять лет. Истинно — опять же повторяюсь, — дармовому призовому коню даже в зубы смотреть не будут, а тщедушным хромоногим осликом, купленным за три таньга на бухарском базаре, не устанут любоваться! Так создан человек. Но все одно, как не устаю повторять: плату за публикации брать не будем!

Знаете, надоело без конца разъяснять сугубо материальные вещи: и так едва ли не каждую вторую «Колонку» посвящаем этому неблагодарному делу. Уже не говорю о ворохе циркулярных писем, что рассылаем почти сотне наших авторов; все одно масса не старающихся нас понять. А прилагать неимоверные усилия по изданию тиража по приемлемым ценам и все для того, чтобы пять-шесть, от силы десять авторов со всей-то необъятной страны смогли поставить журнал с их стихами и рассказами на «авторскую» полку домашней библиотеки, суть сизифов труд. Давайте лучше поговорим о чисто литературном содержании нашего орденоносного журнала.

Порфирий Дормидонтович (как губернский классик, не обижаясь на ремарки редактора). А-а скажите, любезнейший, почему за десять лет издания я не получил от вас приглашения печататься в вашем журнале? Нельзя, милейший, так разбрасываться талантами, тем более что я не таю на вас никаких обид.

Редактор. А уж я-то как не обижаюсь на вас, многопочтенный *Порфирий Дормидонтович*! Хотя бы вы каждый том из своих многочисленных ди-три-и-тетралогий сопровождаете пространными предисловиями, основное содержание которых суть недоумение, что до сих пор вам не дали «нобеля» по литературе, и подписываете эти предисловия с утомляющим однообразием моей фамилией. Хорошо в нашей малочерноземной губернии читающие люди знают о вашей столь оригинальной странности... Теперь к делу. Мы не практикуем персональных предложений, но рады всем стремящимся на наши страницы, конечно, если заведующие отделами прозы и поэзии, люди не предвзятые, одобряют.

Так что, почтеннейший *Порфирий Дормидонтович*, оформляйте свои материалы, что считаете нужными для опубликования в журнале, строго по принятым у нас правилам и направляйте в редакцию.

Порфирий Дормидонтович (донельзя оскорбленный). Как, я, классик, буду тратить свое драгоценное время на какую-то оформилровку! Вы забылись, сударь! Зайдите в областную библиотеку, где целая стеллажная полка занята моими творениями, выбирайте что вам нужно, сами оформляйте по каким-то вашим правилам и — печатайте! Не премините вспомнить об обязательном авторском экземпляре и гонораре! Я покидаю вас, господа, ибо время у меня по секундам расписано на ведение фундаментального литературного исследования, как единственного в мире писателя-баркововеда, творчества незабвенного *Ивана Семеновича*, в соседнем с его быв-

шим именем селе я имел честь провести детские и юношеские годы.

(Порфирий Дормидонтович с неизменным «дипломатом» в правой руке покидает собрание).

Редактор (обескуражено разводя руками). Как шутовали старинные наши кухонные диссиденты: «Вы слушали по «Маяку» произведения советских композиторов, а сейчас послушаем музыку». Есть все же желающие по сути дела высказаться? А то наше время пребывания в этом зале истекает, за дверьми уже толпятся участники следующего мероприятия: собрания местных историков-инициативников по обратному к 1917-му году переименованию некоторых улиц города.

(Отвечив на ряд малозначительных вопросов, опять же преимущественно эмоциональных в части современной дороговизны печатания, редактор сказал заключительное слово).

Редактор. Буду по возможности краток, тем более — слышно из-за дверей, что историки-инициативники из пединститута уже не на шутку сцепились: в честь кого переименовывать улицу Чапаева — Колчака или Деникина? Опять же старинные наши кухонные диссиденты, яростно принижая творчество Шолохова, шумели, что-де «Тихий Дон» украли у писателя-белогвардейца, а «Поднятая целина» вся вытащена «шутовством» деда Шукаря. Конечно, это все чушь собачья, но в нашем случае почти так: ушел фундаментально доисследовать «Луку...» Ивана Семеновича Баркова наш почтеннейший Порфирий Дормидонтович и — тоскливо и грустно стало нашему собранию. Резюме: как ни странно, но такие одиозные фигуры скрашивают нашу маловеселую сегодняшнюю жизнь. В психологии масс, подотрасли этой уважаемой литераторами гуманитарной науки, такое явление по-ученому именуется коллегиальной фрустрацией. Уж поверьте мне, как выпускнику Ли-

тературного института, а по-русски: перенесением желаемого на действительное. Остальное — сами на досуге поразмышляйте.

Наше невеселое время прямо-таки частоколом этих фрустраций огорожено. Вот купил как-то полкило «Кара-кума» — попить чайку с любимыми с детства конфетами. Попробовал сразу по выходу из кондитерской лавки: черт-те что! Безвкусно. Но прочитал надпись на фантике, что мельчайшими буквами пропечатана, и все понял: не в Москве на «Красном Октябре» их сейчас фабрикуют, а в нижегородском Сормово. Помните ту старинную песню, за единую которую ее автору-композитору Иосиф Виссарионович велел дать премию своего имени: «Под городом Горьким, где ясные зорьки, в рабочем поселке парнишка живет»... Это про Сормово, где до новейших времен строились почти все дизельные подводные лодки и много-много других кораблей и судов. А сейчас там эрзац-конфетки вместо их делают. Все же пирожник и сапожник — разные профессии.

...Извините, что-то не туда повело. А впрочем — туда, куда надо. Писательское ремесло есть дело наисерьезнейшее. И пишущие суть разные: кораблестроители и конфетчики — по нашей фрустрационной ассоциации. Все они по-разному живут, в различных кругах общаются. Но есть одно сугубо демократическое место, где все они равны перед читателями и друг с другом общаются запросто без взаимных представлений и чинопочитаний. Это — литературный, не запиаренный журнал. Такими журналами были «Современник» Пушкина; тот же «Современник», продолженный Некрасовым, и особенно его же «Отечественные записки», где на равных печатались живые и грядущие классики и робко начинающие авторы из дворян, разночинцев и даже мастеровых, крестьян, мещан и прасолов — вспомним Кольцова и Никитина.

С другой стороны, пока есть хоть какая-то возможность издания журналов и, главное, традиция их чтения не только авторами, но и более-менее осязаемой аудиторией, будет жива и сама словесность, понимаемая как общенациональный литературный процесс. Не будет журналов и/или их читателей, даже если сохранится авторское книгоиздание — канет в небытие и сама литература народа. Так что вроде как не одобренная нами в начале беседы журнальная «кружковщина» далеко не худшая из бед: на безрыбье и рак рыба.

У нас нет готовых рецептов поддержки журнального дела, в том числе на примере «Срединной России»; о принятом нами варианте смешанного электронно-бумажного издания мы достаточно сказали выше. «Поток» здесь, конечно, дает интернетовское распространение. Душа истинного читателя и автора, конечно, противится пользованию «гэджиками» в виде компьютерного экрана или электронной книжки, но — против лома нет приема, раз в настоящую эпоху глобализма Тайным (пока) мировым правительством взят жесткий курс на «оцифровывание» всего человечества, ибо так легче всего сделать человечество придатком телекоммуникационных сетей, то есть винтиками мирового человеиника — очень удачный термин нашего выдающегося ученого-логика А. А. Зиновьева: по аналогии с пчельником, муравейником, термитником и так далее...

А что касается бумажных журналов — тоже см. выше, но здесь, уже без всякой фрустрации, читателям, а особенно авторам, следует накрепко усвоить и занести в свою память: к сожалению, время, то есть советская и начальная постсоветская эпоха, бесплатного сыра закончилось. Сейчас и далее, особенно в России, но отчасти и за рубежом, бумажный «толстый» литературный журнал все более становится гурманским блюдом. Отсюда: если автор желает ук-

расить номером журнала с его произведением свою книжную полку, то и должен относиться к этому благому делу как кулинарный изыскатель или коллекционер, для которых стоимость уступает место их уважению, прихоти...

На фоне такого положения дел порой приводит в полнейший восторг требование, аналогичное почтеннейшему нашему Порфирию Дормидонтовичу, авторами приснопамятных «обязательных» авторских экземпляров и даже гонораров!? По редакционной статистике, которая у нас хорошо поставлена, круг таких наивных (по жизни же весьма прагматичных) авторов почему-то замыкается на провинциальных поэтессах, провозглашающих себя «лучшими поэтами России», и, как это ни покажется странным, на отставных полковниках спецслужб. И прямо-таки еле-ем по душе приписки к сопроводительным письмам еще более наивных авторов: «От гонорара отказываюсь». Исполать вам, дорогие!

И еще момент, о котором мы уже не первый год не устаем назидательно повторять в «колонках» нашего журнала, а именно: в сегодняшней ситуации в корне должно меняться взаимоотношение автора и редакции литературного журнала. Тот и другая всегда являлись участниками единого литературного процесса, причем один без другого по отдельности существовать как субъекты этого процесса не могут; противное — нонсенс. Сейчас наступило для литературы «время дикобраза»; несмотря на столь жесткое название, суть этого эвфемизма достаточно гуманная: в зимний холод члены этого семейства метрового размера грызунов стараются в своей норе согреть друг друга своим животным теплом. Но здесь возникает сложность из-за сорокасантиметровой длины их очень жестких и нескладывающихся игл: чем ближе прижмешься, тем (взаимно) теплее, но и острей игл дикобразных родителей и неразумных деток

все ощутимее колются. Некоторое время норная семья ворочается, детки пищат, взрослые шипят. И так до тех пор, пока вся ячейка дикобразного общества устроится таким образом, что всем тепло, а иглы не жалят.

Полная аналогия с современной журнальной литературой в контексте взаимоотношений редакции и авторов. Также, каковыми эти отношения мыслятся в идеале, цена которому — само существование журнальной периодики. Здесь животное тепло ассоциируется с четким пониманием, что сейчас журнал и авторы суть единая семья, стойко обороняющаяся от всех напастей: тарифы на типографические услуги, «Год литературы», наличие Порфириев Дормидонтовичей, глухота и слепота (к журналу) администраций всех уровней, невнимание центральных литературных изданий и писательских союзов, а также нашей местной писательской организации, руководствующейся в отношении «Срединной России» девизом: «Если не мы, то лучше никто», и пр. и пр. А уколы иглами, писк и шипение суть то же самое, но со стороны отдельных авторов, не понимающих или не желающих понимать трудности нашего дня. Редакция и авторы! — давайте любить друг друга, уважать взаимно, а порой и прощать невольные обиды. «Ребята, давайте жить дружно!»

Вот еще вдогонку хотел сказать быстрым речитативом: берегите русский язык — от пагубного влияния СМИ, в первую очередь. Ведь что ни день, то новое иностранное, чуждое слово, или в чуждом смысле, внедряют в великий и могучий. Буквально на днях-неделях все теле- и радионовости запестрели словечком «атака» — это про игиловцев в Европе и по всему миру. До сих пор в нашей лексике это называлось по-русски: теракт, нападение и пр. А сейчас — только атака. Но ведь западное слово — от английского *attack* — имеет иной смысл, чем русская

«атака». У нас — это сугубо военный, войсковой — уточним, термин. Или в переносном смысле навроде «атака на русский язык» (см. чуть выше). А ихняя «*attack*» — это наше «нападение». Так зачем же СМИ все переворачивает с головы на ноги и наоборот? Впрочем, мы уже не одну «колонку» посвятили борьбе с засорением русского языка иностранщиной...

То же касается и профессиональной терминологии, особенно около-спортивной. Вам приятно слышать: «*N* победил в матче, сделав пять бёрди против одного богги» (это об аристократическом гольфе).

Но что-то сейчас и радует: под прошлый Новый год по телевидению показали музыкальный конкурс — искали претендентов на большой концерт в Кремлевском дворце. На ура прошли ребята, исполнившие «И вновь продолжается бой...»; Пахмутова и Добронравов присутствовали в зале, а члены жюри Елена Ваенга и Диана Арбенина восторженно приветствовали это исполнение. Хотя что-то доброе из прежнего возвращается народу...

И вы, дорогие наши авторы, пишите о чем думаете, что называется «не скрывая лиц». А то игиловцы-удальцы запугали (за оплату в долларах) весь мир почище ядерного оружия. Даже воюющим против них приходится лица свои и имена скрывать! Но ведь диктор Левитан и киноактер Крючков, заочно приговоренные доктором Геббельсом к повешению на Красной площади, лица свои не скрывали! Да, навалился глобалистский класс-гегемон на человечество...

Однако, ребята, наше время вышло, уже в двери протискиваются историки-доцентши из пединститута, что собираются все улицы города переименовать. Как говорят в Одессе, основоположники набежали! Спешно покидаем зал, держите карманы руками... в смысле зажимайте уши!

В зал с криками врываются переименователи,

скандируя новые названия улиц: «Колчаковская», «Деникинская», «Тухачевского», «Шкуро», «Атамана Семенова»!..»

♦ Андрей Матвеевич дочитал последнюю страницу рукописи, упрятал ее в пластиковую папку-конверт, промакнул платком вспотевший от вдохновения и жара раскопчегаренного камина лоб. Установилось минутное молчание, насторожившее прикорнувшего было от долгого говорения ранее незнакомого ему гостя кота Мичмана. Игорь Васильевич на правах четвергового старшины разлил по рюмкам хороший кизлярский коньяк, прихваченный вместе с основательным кусом буженины «для знакомства» редактором-писателем, жестом пригласил взять инструмент в руки:

— Понимаю, уважаемые Андрей Матвеевич и Николай Андреянович, что можно выпить и молча, не чокаясь — за помин литературы. Но в словах нашего мэтра от словесности улавливается и определенный оптимизм... нет, не так выразился, разновидность оптимистического стоицизма. По принципу: «Король умер, да здравствует хотя бы его сомнительный наследник по боковой ветви династии!» Как-то в этом роде. Вы, уж, дражайший Андрей Матвеевич, не ищите в моих словах некоего потаенного смысла. Вы все правильно в своем материале для уважаемой мною «Срединной России» сказали: без экивоков, эвфемизмов — словом, правду-матку режете. Будем здоровы!

Услышав голос главного гостя дома, а, главное — с рождения своего знакомый хрустальный тройной звон, Мичман отбросил настороженность и вновь погрузился в дрему, убаюкиваемый неспешной людской речью и благодетельным жаром камина, волнами накатывающими при движениях рук гостей и очередном вспыхивающем полене. Уже с сомкнутыми веками одобрил Мичман и осторожные постукивания

вилок по тарелкам. Закуска — великая и архиважная вещь в жизни, бессловесно думал автономный друг людей, буженина, конечно, баловство. Попросили бы его, конечно, согласовав с хозяевами, он мигом наловит жирных мышей на закуску... Мечты, мечты, в чем ваша сладость?

— В общем-то картина ясная, что Одесса не красная,— дожевал аппетитный, с малым жирком, в меру проперченный кусок буженины Николай Андреевич,— уже не скажешь как во времена живых классиков: писатель пописывает, читатель почитывает. Я вот раньше, когда твой, Андрей Матвеевич, журнал выходил «в бумаге» и ты меня порой баловал его номерами, с удовольствием его читал — именно читал, не почитывал. А вот по теме нашей «четверговой» беседы как-то не могу увязать в голове: у кого же большее умозамещение? — У писателей нынешних или у читателей, условно отнесенных к массе, хотя таковой сейчас и нет? Ты уж поясни, как человек творческий в литературе и в числе организаторов ее, ведь издавать десять лет толстый журнал — это не хрен, извиняюсь, собачий!

— Охотно поясню, правда, наметки уже сформулированы в только что прочитанном вам материале. Кстати, Игорь Васильевич в своих «Феноменах разума» также многое на схожую тему говорит. Да-да, не удивляйтесь, профессор, ваш журнал в охотку читаю. У меня знакомая поэтесса в областной библиотеке трудится, так что на пару-тройку дней выдает мне в «обход» читального зала периодики. А мои образования — техническое по вычислительной технике и литературное — позволяют понимать содержание даже самых насыщенных математикой, логикой и психологией статей. То есть в курсе развиваемого вами, Игорь Васильевич, системного учения. Вот и с Андреянычем по-соседски, благо во дворе нашего с ним дома нешумную закусную с подачей

напитков год назад открыли, иногда обсуждаем... А по сути литературного умозамещения поясню на примере нашей тулуповской писательской организации. С места, как говорится, всегда виднее.

Я с конца восьмидесятых годов, как только вступил в Союз писателей еще СССР, состою и членом тулуповской его организации. Так что за прошедшую четверть века «с добавкой» воочию наблюдал переход от собственно литературы, основанной на прочнейшем фундаменте великих русской и советской традиций словесности, к ее умозамещению. Я, правда, современных носителей его называю колорадскими жуками в литературе или литпиявками — в зависимости от преобладания в серой массе тулуповских «письменников» (пусть сябры-белоруссы не обижаются за последнее слово: это по-ихнему писатель) одного из двух преобладающих качеств: псевдотворческой безликости и стремления хоть кроху урвать от своего членства в писательском союзе — в смысле губернского достоинства медальки, почетной грамоты к юбилею, а вершина притязаний — областная литературная премия с немислимым «содержанием денежных средств», как его называют милицейско-судебным суконным языком чиновницы из департамента культуры, — аж целых пятнадцать тысяч рублей! — Кожаный турецкий пиджак — по писательской моде семидесятых годов — можно справиться... Не хилее гастарбайтеровского дворника выглядеть будет!

♦ — Застал я писательскую организацию Тулуповска в добротном состоянии на тридцатом году от ее основания. Известно, что Союз писателей санкционировал организацию областных отделений по мере «накопления» местных литераторов, вступивших в Союз либо в Москве, или же в других городах, уже имевших свои отделения. Контрольный минимум составлял от трех до пяти. Понятно, что каждый обком партии стремился иметь у себя «галочку» —

наличие своей писательской организации. В промышленном Тулуповске собственные литературные кадры как-то не возвращались; фабрично-заводская почва не способствовала поселению муз Каллиопы, Эрато и Эвтерпы, что по древнегреческой табели о рангах отвечали за словесные искусства. Отдел культуры тулуповского обкома поднажал, подсуетился где надо и переманил из других городов уже готовеньких, облеченных членством в Союзе писателей: на добротные квартиры в центре, хорошие подъемные, оплачиваемые должности по линии культуры, главное — на бескрайнее гонорарное поле, поскольку в период хрущевских совнархозов Тулуповск являлся «столицей» одного из них; поэтому в городе образовали межобластное художественно-литературное издательство: пиши не хочу и с чувством глубокого морального удовлетворения (увлелотворения — как у «позднего» Леонида Ильича) расписывайся в издательской бухгалтерии за солидные гонорарии в несколько пачек банковски обандероленных кредиток!

Замечу, что почти до самого окончания советской власти оперившиеся, то есть вступившие в Союз уже через местное отделение, тулуповские писатели жили по тем же правилам, как кум королю: обязательные квартиры по академическому правилу, то есть с отдельной комнатой под творческий кабинет, все то же издательство, год от года увеличивавшее план выпуска книг местных авторов, общественно-оплачиваемые должности, хорошо «банкуемые» творческие встречи с читающим (и не читающим) народом по всей области.

...Нынешним литновобранцам мы, сторожилы, рассказываем — видим по глазам: ни на йоту не верят! Худо-бедно, но к моему приходу в тулуповской организации состояло под тридцать человек. Конечно, на Достоевского и Некрасова они не тянули, но в целом под статус и творческие способности

провинциального писателя вполне подходили. Не только свои книги издавали, в местных сборниках и альманахах печатались, но нередко «засвечивали» свои имена в столичных толстых литжурналах. Словом, не лучше и не хуже чем в других областях бескрайнего тогда Советского Союза.

Конечно, люди подобрались разные: кто-то диссидентствовал скромно, по-кухонному, а кто увлекался повышением своих гонораров, занимаясь «переводами с цыганского» — это я уже раньше рассказывал Андреяновичу. Склочничали, литдоносами баловались... ну-у, это специфика писательской среды. Вспоминайте «Мастера и Маргариту» — там все на все времена Михаил Афанасьевич подробно и в красках расписал.

Но при всем при этом все они, не побоюсь сказать такое слово, были *личностями*. Конечно, провинциального литературного масштаба, но — личностями. Даже в своих, допустимых в человеческих взаимоотношениях, недостатках и пороках. Впрочем, громко звучащее определение «порок» я возьму назад... Кто из нас без обыденных человеческих пороков: воспитанных или по жизни приобретенных? — Люди творческие, то есть сугубо эмоциональные и неуравновешенные, тем более. Особенно их портит взаимная зависть, пропорциональная суммам гонораров собрата по перу...

Раз вспомнил Булгакова, то замечу: все он замечательно обрисовал, как талантливый драматург, расставил акценты в характеристике писательского быта, точнее — змеиного литгнезда. Но в «Мастере и Маргарите», равно и в своих повестях, он был по преимуществу блестящим сатириком, но — и только, ибо не пробовал даже раскрыть сущность, так сказать, онтологию межличностных отношений в литературной среде: от собственно творчества до семейного быта.

Не то, что это не под силу ему было, нет, конечно, Булгаков значим как творческий аналитик. Просто он поставил себе целью ограничиться сугубо сатирой при описании литературного быта. Не бытия! — Ибо последнее уже требует психологического портрета. Итак, взглянем на этот самый быт с означенной позиции.

Человек в общении, что называется для себя, создает в своем сознании личный мирок на фоне мира всеобщего: мирок уютный или неуютный — в зависимости от своего характера, соответственно, оптимиста или пессимиста; уточнять в терминах психологии Юнга о пяти типах характеров позволяйте, не буду, чтобы не наукообразить тему нашей сегодняшней беседы и — особенно, не тревожить доброго кота Мичмана настораживающими его терминами...

Проще было бывшим советским работягам — сейчас таковых нет в этом смысле, — станочникам, фрезеровщикам, слесарям-сборщикам и так далее: их мирок — бригада, цех, дома — жена и дети, во дворе — домино, четвертинка и селедка. Из внешнего мира — телевизор с руководителями партии и правительства, которых они по русскому обычаю обвиняли во всех недочетах практической жизни. Свои мирки у представителей других воспитаний-образований и рода занятий. Но вот у писателей-профессионалов, то есть обладателей членских билетов и сопутствующих им жизненных благ, картина другая. Любой из них, если даже он сугубый мизантроп, сквалыга, жадюга, жалобщик и так далее, все же творческая личность. А раз творческая, то и в мирке подобных выстраивает абстрактно-литературную картину, в сюжете и композиции которой он мысленно живет. То есть, когда он ругая ругается на писательских собраниях, перепроверяет трижды в бухгалтерии издательства правильность начисления ему гонорара за изданную книгу, покупает в магазине вод-

ку и колбасу, ведет домашние дела, ночью выполняет супружеский или любовный — с подругой — долг,— это человек абсолютно реальной жизни. Но когда в тиши рабочего кабинета сочиняет «что-либо этакое», он суть обитает в надуманном виртуальном мире своих мыслей. А поскольку не только реальное отображается на это самое виртуальное, но и наоборот, то наш сочинитель переносит надуманное на действительную свою жизнь.

♦ — ...Это свойственно всем творческим людям от искусства, театра, литературы. Но именно для последних, не стесненных рамками сцены, нотных рядов, канонов живописи и скульптуры, СНИП^{*}ами архитектуры, физиологией голосовых связок и пластики тела, открыты широчайшие возможности виртуального сочинительства, а отсюда — и переноса надуманного в реальную жизнь. Словом, фрустрация, говоря твоим, Игорь Васильевич, излюбленным термином психологии, что часто употребляешь в своих статьях в «Феноменах разума», — перенос желаемого на действительность.

Самое существенное, что писательский мирок в провинции разыгрывает свои действия, как бы находясь на сцене, за которой наблюдает, затаив дыхание, читательская масса. Но каждый иллюстрирует в своих поступках и действиях личный роман, апробируя его содержание в им же создаваемых коллизиях реальной жизни. Я не много тумана напускаю?

— Нет-нет, дорогой Андрей Матвеевич, — в голос ответили оба других собеседника, — продолжайте, с интересом слушаем.

— А я уже к окончанию характеристики прежней, советского периода, писательской организации Тулуповска подхожу. Итак, в прежних литераторах сочеталась определенная, достаточная для внимания

* Строительные нормы и правила (пром.).

читателей, степень способности-таланта и определенная одиозность их фигур в писательском быту. Именно в писательском — из избы они сор не выносили и перед читателями на творческих встречах-отчетах изображали благодушие и терпимость ко всему и всея. Но самое главное — люди они были грамотные, ибо советские школы и вузы пооканчивали, не редкостью были и имевшие дипломы Литературного института или Высших литературных курсов при нем.

...Расхожим стало не так уж и преувеличенное мнение: в советские годы вступить в Союз писателей считалось труднее, нежели стать доктором филологических наук. Действительно, оценивались именно творческие качества, так сказать, абитуриентов, причем везде: от столиц до Туруханского края... «Телефонное право» действовало лишь в исключительных случаях и на уровне правления Союза писателей: когда речь шла о развитии национальных литератур так называемых малых народов. — Это являлось уже прерогативой литературной политики. От этого никуда не денешься, да и дело в общем-то полезное для развития всероссийского литературного процесса. Это даже нашло свое отражение в вершине фольклора — анекдотах. Тогда, как сами прекрасно помните, каждую неделю появлялись свежайшие анекдоты трех серий: о Чапаеве, о Штирлице и о чукчах. Кстати, последние на это дело не обижались — ведь только дурак на юмор обиду затаивает, — даже гордились таким всесоюзным вниманием к населению чукотской глухомани. Вот и анекдот на тему вспомнил. Вступает чукча в Союз писателей в самом правлении в Москве. Все предупреждены, что это самый великий писатель тех мест, задают общие вопросы. Чукча лихо отвечает по внешней и внутренней политике партии и правительства, рассказывает заинтересованным литературным генералам-рыбакам об оби-

лии северных морей водоплавающими... Тут подоспел опоздавший по своей молодости член правления, не предупрежденный о статусе принимаемого, и в лоб тому вопрос: «А что вы читали из новых книг отечественной и зарубежной прозы и поэзии?» Тот расплылся в хитроватой улыбке: «Не-е, однако, чукча не читатель, чукча — писатель!»

Кстати, не так уж плохо писали те же чукчи; в детстве я раза три перечитывал роман Тихона Се-мушкина «Алитет уходит в горы». Этот самый герой романа тоже вошел в наш фольклор: «Работа не Алитет, в горы не уйдет...»

Но тот самый чукча хоть под опекой государственной культуртрегерской программы находился, а каково было нам сирым в Союз вступить? Воистину, докторскую диссертацию проще написать и защитить! Мы, как говорил Василий Иванович, академик не заканчивали, в смысле диссертаций не защищали, как вы, уважаемые, но посудите сами: нужно было издать две-три книги, а издательства все государственные, там графоману не пролезть, как и верблюду сквозь угольное ушко. И просто с улицы с рукописью, даже с доброй толикой таланта, не войдешь. Имя твое должно было уже засветиться в литературной периодике. И все одно с первого раза почти никого не принимали. Я вот за душой имел две книги от тулуповского издательства, в том числе объемный роман, и Литературный институт, и то только со второго захода с минимальным перевесом «белых шаров» приняли. А многим не в редкость удавалось только с третьей-четвертой, а то и большей попытки стать членом Союза. Ведь прием-то двойной: сначала сито местной писательской организации продавить, а далее в Москве всероссийское правление заново рассматривало и голосовало...

И не то что из вредности или личной неприязни тулуповские литераторы так тормозили, но опасая-

лись: как бы в их невеликие ряды посредственность не затесалась. Берегли честь мундира, не хотели ославить свою областную ячейку! — При всех их, членов, личных самодурствах и взаимной вражде, о чем я только что сказал, в части приема новичков держали круговую оборону. Даже перебарщивали со строгостью, руководствуясь воспитательным моментом: привыкай, малец, путь в писатели долог и тернист, а насчет талантов мы и сами с усами.

В лихие девяностые, когда все в стране в раздрай пошло, и писательская организация зашаталась. Как ни странно, многие областные ячейки с десятков лет еще держались. Во-первых, костяк их составляли литераторы старой советской школы; во-вторых, в самые эти голодные годы писатели, особенно те, для которых в прежние годы литература являлась профессией, радовались любой копейке, спускаемой из областных администраций — первые губернаторы новой России еще помнили, что литература есть как таковая. И нашим тулуповцам здесь повезло: первый демократический глава области учредил стипендию для членов Союза. Хороший был человек, добродушный пьяница — в духе того времени и первого российского президента. Народ даже жалел его, попавшегося на взятке с «дипломатом долларов», но это уже стало традицией для тулуповских губернаторов, исключая второго по счету — был он яростным коммунистом, даже на небольшой отсидке у новой власти ранее находился. Правил он два полных срока, наизусть читал стихи и поэмы советских поэтов, а стипендию увеличил в два раза! И коллективные сборники при нем на казенный счет один за другими выходили.

◆ — И вот эта-то стипендия как бронежилетом охраняла тулуповскую организацию от толп скороспелых малограмотных кандидатов на членство. Объяснение простое: стипендия выделялась из расчета та-

кой-то общей суммы, которая делилась на число членов. То есть каждый вновь — опрометчиво — принятый на какой-то процент уменьшал сумму, получаемую индивидуально. Понятно, что на все девяностые и начало двухтысячных годов прием новых «дарований» в тулуповские ряды был закрыт. Как говорится, нет худа без добра! Без гонораров, понятие о которых мигом ушло в добрую советскую историю, без оплачиваемых творческих встреч с читателями, которые все ушли в челночники и торговцы бананами, но с одной лишь скромной стипендией-бронезилетом постаревшая тулуповская организация, римейк прежней советской, дотянула до миллениума, еще являя собой сугубо собрание писателей, но не случайных или непригодных для литературы людей.

...На третий срок народный губернатор-коммунист не попал: власть отменила выборы глав регионов и перешла к прямым назначениям, которые уже не знали слова «литература» и стали быстро меняться: то на взятке попадетсЯ с последующей десятилетней образцово-показательной отсидкой в узилище, то по сомнительной статье «по собственному желанию» покинет областное главенство. Словом, стипендии прекратились в двухтысячных, а в члены тулуповской писательской организации ринулись толпы страждущих по почетному званию, очень скоро удвоив число членов ее. Пережившие предыдущий век старинные советские литераторы на все махнули рукой: стипендии-то нет, а ноль дели хоть на двадцать человек, хоть на сто — все едино ноль выйдет.

Поскольку бессменный уже два десятка лет на своем посту руководитель тулуповской организации, очень даже недурственный поэт, заметно состарился, начал здоровьем сдавать, то власть как-то незаметно, изподволь взял в свои руки его неуставный заместитель — того же почтенного возраста, но с за-

пасом проказливой энергии лет на сто. В этом ему помогала прежняя армейская специальность военного дознавателя, или по военному фольклору: провокатора; это как прапорщик — кусок, мичман — сундук, комполка или комбат — батя и пр.

В основу своей деятельности он поставил мелкую коммерцию, понятно, под видом обеспечения текущих расходов писательской организации, а проще — себе на общественную зарплату. Таким образом, вступление в ряды писателей даже не через сито, но через заменившую его воронку-всасыватель, превратилось в в ненавязчивую формальность с солидными «вступительными». И пошло, и поехало. Только что обилеченные рекомендовали своих соседей, товаров, начальников и подчиненных. Дошло до смеха: за туманное обещание материально посодействовать организации на одном и том же собрании приняли в члены одновременно директора — владельца завода из области и его первого зама. Причем, у всех в голове сидели фамилии тех литературных рабов, что сочиняли за них. Народ на собрании веселился: «А чего же свою секретутку заодно не привезли для обилечивания?!»

И в итоге сейчас, то есть на первом году шестой *капиталической* пятилетки, имеем следующее умозамещение в тулуповской литературе — масштабном отражении всероссийской. Как таковой по определению, то есть общенационального процесса, ее сейчас нет. Здесь мы успешно догнали, а в чем-то и перегнали Запад-Восток, где таковой нет давно; Ремарк, Хемингуэй, Герман Гессе и еще пять-шесть имен с их потерянными поколениями и прочими утратами цивилизации как раз и замыкают великую европейскую — по традиции — литературу. И мы ее замкнули — великую русскую и советскую. Не по своей воле, разумеется. Вместе с разрушением отлаженной системы массового (с гонорами!) книгоиздания и

книгораспространения ушел в небытие и массовый читатель. То есть умозамещение здесь шло стремительно и параллельно у писателя и читателя.

Много сейчас пишут (говорят редко...) о ничтожестве современного сочинителя и прочее, но как-то обходят наиважнейший фактор исчезновения литературы в ее общественной, воспитательной и так далее роли в умозамещении бывшего, или так и не начавшегося в молодых поколениях, читателя. Это странно, учитывая, что именно и только он является, точнее — являлся, потребителем литературы. Если последняя полностью, что уж тут менжеваться, исчезла из обихода и досуга современного человека, то чем она заместилась? — Телевизором для старших поколений, отказавшихся от книги; ненавистой работой, заменившей некогда толерантный советскому человеку труд, но необходимой для житья-прожитья самого и семьи, для людей среднего и среднестаршего возраста; идиотическими «компом», «интом» с его социальными сетями для молодых и детско-юношеских поколений? — Внешне так и выглядит, но это простой, поверхностный ответ на заданный вопрос. Ибо в системе наблюдаемого глобального умозамещения исчезновение фактора литературного чтения есть нечто большее, совсем иное, подчиняющееся действию гегелевского закона перехода количества в качество. Мгновенно исчезло все «количество» читающих, а человек перешел в иное качество — стал управляемым *полностью* теми, кому через тот же телевизор, газетки (газетами слишком уважительно их именовать!), умело направляемые, внешне как бы «независимые» социальные сети в Интернете и так далее в наступившую эпоху глобализации дано право управлять серой многомиллиардной массой — *человеком* по меткому определению нашего выдающегося философа-политолога и ученого-логика Алек-

сандра Александровича Зиновьева, земля ему пухом, тройному диссиденту*!

Итак, как с задумчивым видом вы, господа-товарищи профессора и доценты, резюмируете свои лекции рассеяно слушающим вас студиям, подведем итоги нашей беседы... виноват, моего пространного монолога.

Умозаменение современного, лишенного литературы, человека есть не что иное, как превращение его в зомби, не способного даже к самомалейшему анализу своего бытия и окружающей действительности, полностью управляемого по всем каналам его восприятия внешнего мира некоей верхушкой глобализируемого земного сверхобщества. Вы, уважаемый профессор, в журнальных статьях уверенно называете эту верхушку пока Тайным мировым правительством. Да и далеко не только вы один, но дело не в терминологии, а в реальной сути происходящего. Причем, сам человек этого умозаменения практически не замечает, часто даже вполне доволен своим таким существованием по принципу «фюрер за нас думает».

Сложнее писателю современному, хотя таковых мало осталось. Ведь даже в кошмарном сне или в добром расслаблении души после седьмой рюмки хорошего коньяка не назовешь же писателями скопище тех, кто сейчас косяком попер в члены писательских союзов: пенсионные бабуси, уже воспитавшие детей и внуков, а на вынужденном досуге начавшие складывать в неловкую рифму «розы и морозы»; отставные полковники по интендантству, занявшиеся мемуарами о годах службы; засидевшиеся в девицах дамы — тоже по линии стихов; молодцеватые доценты и упомянутые выше владельцы заводиков, чиновники нижних

* В СССР до его высылки на Запад; на том же Западе, где он не захотел воспринять его «цивилизацию», и в новой России, куда он вернулся... Это не неконформизм, но его логический анализ.

рангов — все для желанной щегольской отметки в визитных карточках: член Союза писателей... Других, увы, нет и не предвидится.

У всех у них тоже умозамещение, но другого типа, в котором преобладает умеренное тщеславие: нет таланта, нет способностей, а учиться писать — поздно, лень или времени тратить не хочется. Пусть хоть липовое звание за умеренную трату денег. Словом, ипостась графоманства.

Есть и промежуточная категория: имеются небольшие способности, время от времени пописывают, даже книжки микротиражами издают «за кровные», но сами в душе понимают: баловство, а серьезно заниматься литературой — быт и пресловутая «работа» не позволяют. Но писателями себя почти что искренние именуют.

Что же касается малых числом серьезных писателей, то их частичное умозамещение — это все возрастающая озлобленность на окружающий мир и отход от художественной фиксации его к воспоминаниям о прошлом с элементами ретроспективной фантазии...

♦ По выходу сдружившейся троицы из гостеприимного дома наткнулись на топорчащего усы оседлого цыгана Урупкина с собакой на поводке. Учув, что по четвергам к Прокофьичу навещаются интеллигентные городские гости, падкие на мелкую экзотику, и на этот раз принес такой кунштюк: бронзовую закованную чернильницу, вделанную в толстенький квадратик мрамора. Андрей Матвеевич мертвой хваткой вцепился в старинный писательский атрибут. К радости промыслового цыгана он почти без торга выложил три «билета в Большой театр». Урупкин помчался в позднюю поселковую лавку с винным отделом, а друзья, попрощавшись с Прокофьичем, Тихоновной и опасливо — из-за цыганской овчарки — выглянувшим в дверную щель Мичманом, направились к недалекой конечной стоянке автолайна.

Опытный журналист наставляет стажера: «Ну, что ты, мой милый, написал: «Вчерашний Первомай в областном центре собрал не более двух тысяч митингующих, преимущественно пожилого возраста. В целом, все прошло спокойно за исключением небольшого инцидента: учащийся техникума бросил в сторону губернатора надорванный пакет с кефиром. Хулиган был задержан». Надо усилить акценты, примерно вот так: «Традиционный праздник весны и труда граждане города провели на своих виллах и дачах. Несколько сотен страдающих амнезией беспомощных стариков случайно зашли на площадь и остановились, заинтересовавшись появлением губернатора, известного прокоммунистическими взглядами, со свитой. Молодой демократ, студент колледжа Борис К., выразил возмущение политикой губернатора по задержке реформ и метким броском надорванного пакета с йогуртом «Эрмигут» сбил с него спесь. Милиция зверски скрутила руки молодого борца, отличника учебы и именного стипендиата фонда Гусиновича и бросила его в «черный воронок». Народ на площади роптал и возмущался».

Представим себе, что Александр Сергеевич Пушкин реинкарнировался в наши героические дни битвы за торжество частной собственности, физического, нравственного и умственного извращения. Скоренько, в две-три болдинские осени, создав свои гениальные произведения, он явился, выбрав по справочнику, в солидное столичное издательство. К высокому гостю вышел сам главный редактор, он же владелец контрольного пакета акций ОАО «Издательство «Пушкинский дом», попросил оставить материалы для прочтения. Через две недели А. С. Пушкин получил по почте вежливый отказ; впрочем, издатель писал, что при переработке разговор можно продолжить: «...Стихи сейчас не идут, переделать в рэп для диджеев дискотек. А для продвижения, раскрутки прозы, конечно, усилив эротические моменты, обязательно нужен скандал, ну-у, например, дуэль с боксером Тайсоном». Пушкин вздохнул, нашел по интернет-справочнику номер и позвонил Дантесу.

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ: ЧИНОВНИК-ПАТРИОТ БЕРЕТ ВЗЯТКИ ТОЛЬКО В Р

*У них мундиры синие
И сабли на боку.
Огонь по линии! —
Ку-ка-ре-ку!*

Песенка Гавроша — из
советского школьного
учебника истории

♦ — Наш последний каминный четверг в уходящем году, Андреяныч. Через неделю, которая промелькнет как единый миг, уже и Новый год!

— Да-да, в самые худшие времена народ наш словно в детство впадает в эту неделю, а в мыслях и словах одна картина: настоящая, не «генозамещенная» елка с советскими стеклянными игрушками, куранты, оливье, генсек — сейчас президент — и новосветовское шампанское со множеством импортозамещенных поллитровок. Кр-расота! Рождественская сказка, хотя еще на заре советской власти рождество перепутали с Новым годом, и посейчас распутывать никто не желает: ни народ, ни власти, ни вроде бы заинтересованная церковь. Оно и к лучшему, неча менять устоявшееся, да и властям все эти замены-перемены поднадоели. Это как с зимним-летним временем бодяга закончилась к радости людей, а особенно одомашненного зверья, того же Мичмана. Полагаю, как бедолага страдал при этих перепадах: желудок и слюнные железы у него запрограммированы; только-только по привычке, что Тихоновна выставляет ему мисочку с завтраком ровно в семь утра «по Москве», а вдруг сидит он на кухне, привычно смотрит на стрелку настенных часов-ходиков, уже большая

стрелка почти полный круг обежала, а хозяйки с мисочкой все нет и нет...

— Так, Андреяныч, в советское-то время по уму со временем было: вся страна работала, много электричества жгла, как Тихоновна говорит, поэтому лишний час зимой, а летом и поболее светового времени суток хорошую экономию давали! — И турбины на гидроэлектростанциях потише вращались, меньше изнашивались; опять же углем и ураном не разбрасывались в тоннах... Сейчас — да, иная «картинка с выставки»*, даже в масштабах Тулуповской губернии полностью отображающая положение дел в стране победившей демократии: собственно больших предприятий, фабрик и заводов, осталось мизерное. Да, действуют металлургические и химические, кстати, последние по части экологии еще с начала прошлого века Америка и Европа «выносила» со своих территорий, но работают они на Запад. И владеют ими, как тебе прекрасно известно, Андреяныч, западные «инвесторы» — это на советское-то готовенькое! — и вообще транснациональные компании. Кое-что осталось от военно-промышленного комплекса, чем ранее Тулуповск славился; правда, сейчас, коль скоро Запад нас обложил как медведя в берлоге охотники, государство его несколько реанимировало. А так... мелколавочная, торговая среда. Открываются их лавочки и «хофисы» уже засветло, закрываются рано. На всех их электричество экономить переносом времени — себе во вред. Вот и вернулись к единому годовому времени.

Да, Андреяныч, хорошо мы сегодня по лыжне-то пробежали! И суп с требушками из домашней утки, что мы с овощным рагу на второе блюдо лопали, аж уши трещали, Тихоновна отменно сварганила! Даже

* См.: Яшин А.А. Административный восторг, или картинка с выставки: Роман-новеллино, М., 2014.

забугорный ресторанный критик* поставил бы ей высший балл оценки.

О чем мы, то бишь, разговор сегодня собирались затеять? — Да-да, о наших славных чиновниках и умозаменении в их среде. О забугорных чего говорить? — А нечего. Если в России во все времена, исключая сталинские, быть чиновником все одно, что кубышку с пудовиком золота найти, то в европах-америках это обычные клерки, да еще под неусыпным контролем сверху и снизу, что бы там не говорилось о прогнившей демократии... Скучные там чиновные люди, не чета нашим, о которых со времен киевских и новгородских не устают с восторгом сочинять досужие люди, знающие грамоте.

Чиновник! Как сладко замирает до кремово-пирожного подташнивания сердце у любого соискателя, даже в беспочвенных мечтаниях, этого славного... даже не звания-должности, но ощущения той беспредельной неги души, что испытывает житель среднерусских просторов, волею судьбы и кошелек-лопатника вмиг перенесенный горбоносим «боингом» (советские аэропланы свое отслужили, а новых давно не мастерят...) из слякотно-ноябрьского Тулуповска — с пересадкой в Индии — на благодатные Бали: сидит он, счастливчик, в шезлонге, опустив ступни ног в накатывающиеся мелкие волнишки океана, и вкушает серебряной ложечкой с витым черенком мороженое...

Чиновник! Как болезненно дает о себе знать печень, огорченная донельзя только что полученным выговором с разносом и проработкой, человека, вы-

* Принятая в Европе должность ресторанный критика, живущего на зарплату от гостиниц и турагентств, дающего оценку качеству блюд и сервиса ресторанов, кафе и закусочных. Впрочем, и в отечественных телесериалах уже начали обзьянничать с Европы: также появились, наряду с ментами, проститутками, олигархами и «ресторанные критики»...

ходящего из тамбурированной двери чиновника... И так далее по всем категориям сугубо нечиновных людей: половым, возрастным, имущественным, образовательным, психосоматическим и прочая, вплоть до пьющих и их антагонистов-трезвенников, курящих и никогда не пробовавших травку-никотиану. Первым, то есть потребляющим и дымящим, даже полегче: зайдут в шинок, выпьют импортозамещенной, закурят... словом, заиграют обиду от презрительного, сквозь губы процеженного чиновной особой: «Идите, Петров, и больше не манкируйте галстуком, помните о дресс-коде, основе кодекса корпоративной этики нашего предприятия ООО «Русский банан» — флагмана отечественной индустрии!»

...Знаешь, Андреяныч, у нас на факультете — пока еще не «цыганском», помнишь, рассказывал тебе свой чудной сон? — есть несколько оригиналов, не все там сплошь преподы с суконно-цинковыми физиономиями, в том числе пожилой армянин, кандидат исторических наук, на полставки читает, как сам говорит — для отдохновения души, лекции по истории биологии. Человек непростой жизненной судьбы; как сам говорит: другие из грязи в князи, а я наоборот. «Понимаешь, Игорь Васильевич, — рассказывает он с легким, неисправимым армянским акцентом, — жил себе кум королю, в сорок с совсем небольшим лет имел погоны полковника и должность замминистра внутренних дел по политической части в Абхазской АССР. А там расклад такой: если министр грузин, то первый зам его обязательно абхазец. И наоборот. Для «уравновешивания» их вторым замом — по политчасти — ставят всегда армянина; их в Сухуми много проживало тогда. Дом у меня — не хуже нынешних на Рублевке, библиотека — лучшая в городе. Деньги от местных кланов чемоданами несли, но брал их с осторожностью, глупый еще был. Кутила дай бог иному Казанове: в пятницу из министерства

выходил, а домой только к концу воскресенья заявлялся: совещались, мол, на правительственной загородной базе по вопросам укрепления коммунистической идеологии труженников бамбуковой промышленности*... Две легковушки «под седло: черная «волга» служебная и личная бежевая. Все рухнуло в одночасье вместе с Советским Союзом: грузины дом и машину отобрали, взашей с семьей вытолкали, с трудом пробившись к адлерскому аэропорту с одним чемоданом. Теперь в Тулуповске бомжуем, квартиру уже десять лет снимаем. Правда, российская полковничья пенсия, да сын от здешнего своего бизнеса подкидывает — жить вроде можно».

...Еще Эдуард Вазгенович сожалел о двух уже не поправимых вещах. Первое — не записал в школьные годы рассказы своей бабушки, которая в Кутаиси жила в одном дворе с матерью Сталина Катериной, Кеке по-домашнему, и дружила с ней. Второе же — нет у него склонности и таланту писать что-либо художественное, а всю жизнь, начиная с учебы в тбилисском университете и совпартшколе, мечтал он описать феномен подхалимажа.

♦ — Да это, дорогой мой профессор, — горячился, возбуждаясь, почтенный эксзамминистра Эдуард Вазгенович, — основа основ всей чиновничей иерархии! И свое умозамещение апробируешь на подхалимах.

— Я, Андреяныч, всегда прислушиваюсь к самодостаточно мыслящим людям, много в жизни и в разных сферах повидавших, а здесь Эдуард Вазгенович — чистый клад: изучил чиновничество в самой

* По указанию Сталина, сделавшего страну полной автаркией, то есть не зависящей ни в чем от остального мира, наряду с чаем, лимонами, рисом, эвкалиптами, кок-сагызом (сырьем для каучука) и многим другим, в Абхазии сажали рощи бамбука — для лыжных палок, которыми вся страна пользовалась до окончания СССР.

его змеино-тарантуловой ипостаси, каковой является министерская милицейская, сейчас полицейская, среда в национальных окраинах, что были в Советском Союзе и сейчас в России не то что остались, но многожды «самоопределились» — в отсутствии прежнего партконтроля. Власть нынешняя прекрасно понимает вредность, даже опасность такой полусамостийности, но «выровнять» их с русскими регионами — дело архитрудное. Чечня тому ярчайший пример...

Действительно, подхалим — пьедестал чиновника. Без него чиновник суть пустое место, все одно что памятник, стоящий на земле, уродец, которых сейчас расплодилось великое множество, особенно в столице: прямо на лужайке, в сквере, просто на асфальтовой площадке стоит бронзовый мужичонка, отлитый в масштабе один к одному покойный литератор квартальной известности, некая баронесса-контрреволюционера, а то и просто изображающие фрагменты из сказок стада овец, верблюдов, доисторических ящеров и прочая. Главное, все именно в этом самом масштабе, что противоречит элементарным канонам психологии человека и наводит жуть. Забыли современные «скульпторы от компьютера», на котором они монтируют в пресловутом «3-D» своих уродцев, точнее — никогда и не знали, что такое «золотое сечение», согласно которому человек без дрожи воспринимает скульптурное или живописное изображение живой твари, человека в первую очередь, если последние выполнены в определенном, увеличивающем или уменьшающем, масштабе...

Ладно, господь с ними, отвлекся — наболело. Подхалим — связующее чиновника с серой (для него) массой звено. Как же, сами начальниками — синоним к слову чиновник — бывали, как ты, Андреяныч, прекрасно знаешь: начальниками сектора в родном для нас НПО «Меткость, потом и вовсе первым замдиректора в биофизическом научно-ис-

следовательском институте, а параллельно председателем сразу двух диссертационных советов в университете... Многое, не хуже Эдуарда Вазгеновича, повидал и прочувствовал. И знаешь, вспоминаю годы своего начальствования, причем срединного — между молотом и наковальней, а в памяти высвечиваются не поэзия заседаний-совещаний, не докука вмиг набежавших просителей «местечка» и звания-должности, не распекания надо мной начальствующих, не неуклюжие знаки внимания подчиненных и диссертантскоискателей, а по женской части и принятые в девяностые годы, но мною отвергаемые, попытки решить дела интимом (своя секретарша имеется...), даже не хамство и неблагодарность уже получивших от меня все что требовалось... Нет, Андреяныч, в душе теплится образ подхалима, обычно даже бескорыстного.

Как ловко он вернет словцо на банкете после защиты, назвав председателя великим ученым! А в личном с тобою разговоре ненароком процитирует фразу из аннотации к свежееизданной твоей книге... Но более всего, Андреяныч, меня восхищало появление стороннего, не из своих, подхалима в кабинете с бумагой на подпись.— Как из гравюр-политипажей в староеизданных книгах наших великих сатириков девятнадцатого века — один к одному! Кабинет у меня в достославном биофизическом институте по размерам как генеральский: площадей в бывшем отраслевом строительном проектно тож институте, рухнувшем в самом начале девяностых,— бери не хочу! Сажу себе, пишу завершающую главу новой научной монографии. Приоткрывает дверь услада-секретарша (неуклюжие просительницы-диссертантки, о коих уже сказал, в подметки ей не годятся — от декольте и ниже...), докладывает: такой-то по непонятному ей делу — и подмигивает, отчего у меня шевеление во всех частях тела. И вот он, голубь сизокрылый, сам чем-то напоминающий эту славную

мусорную птицу, но только в трепыхающем полете, влетает — нет, не входит, именно влетает — в мой «генеральский» кабинет почти двадцатиметровой длины от двери до начальнического кресла. И точно — старинный политипаж к книге Гоголя: волосики на голове прилизаны, обычный пиджак развевается за спиной вроде как фрачными фалдами, брючки-дудочки, галстушонок от стремительного движения закинулся за плечо. Дальше — вообще уникальное, никем, кроме профессионального подхалима, не воспроизводимое: не добегая на нарочито полусогнутых молодых ногах безо всяких признаков артритов и прочих недугов трех-четырёх метров до начальствующего кресла, он выпрямляется, наклоняется в мою сторону почти под сорок пять градусов и — представь себе! — скользит по линолеумному покрытию пола, словно у него в задку пропеллер детского мультфильмовского персонажа вставлен, не достигая полутора метров на лету полуразворачивается и вворачивает передо мною на стол бумагу для подписи. При этом гимнастически выгибает ввысь левую ногу, не хуже чем дрессированный морж или тюлень свой хвост. А ведь не циркач, не балетный танцор! Кр-ра-сота-а!

— Знаешь, Васильич, припоминаю схожее из книг недавно усопшего с почестями демобщественности, телевидения в первую очередь, Фазиля Искандера, где он описывает очень красочно, не хуже чем братья Гримм и иные сказочники, валтасаровы пиры Сталина с сотоварищи на отдыхе в Абхазии, о коей ты только что упоминал в ином контексте. Есть в одной его книге политфантазией эпизод, где тамошний первый секретарь решил поразить Хозяина трюком: выступает в пиршенственном зале республиканский народный хор песни и пляски, а в завершении очередного номера «с выходом и коленцами» по задумке секретаря главный танцор при бутафорском

кинжала, в черкеске и папахе должен соскочить с подиума и в поклоне несколько метров до кресла Вождя проскользнуть, не хуже и твоего подхалима, с разбега на своих чувяках!

— Да-да, припоминаю. Так того танцора в абхазском хоре песни и пляски для исполнения трюка тренировали несколько дней, а у нашего подхалима умение если не от рождения, то уж точно от воспитания... правильнее — самовоспитания. Словом, Андреяныч, без института подхалимов чиновник вовсе нечто абстрактное, глухо сидящее за тамбурированными дверями, заглушающими всякий звук из кабинета, а простому народу-то сколько они радости приносят, оживляя суконную скуку администрующей власти? Как говорится, на безрыбье и рак рыба...

Что же касается умозамещения в части подхалимажа, если и происходит это замещение в наше время, то в некоторых деталях, поскольку сущность явления с веками, даже с тысячелетиями не изменяется. Как навсегда данное человеку в обществе иерархического устройства. Главная на сей день деталь — сужение кругозора подхалима, который есть прямое отображение такового же у чиновника. Отсюда и скупость приемов подхалимажа, а по принципу обратной связи теряется зрелищность как в глазах чиновника, так и народа, что в нашу эпоху все более безмолвствует. Как в концовке известной трагедии двух классиков: писателя и композитора. Скушно, господа, стало жить на свете, — перефразируем слегка тож классика...

♦ — Вообще говоря, Васильич, хотя и не питаю пристрастия к сыру, но за почти два года импортозамещения соскучился по нормальному этому продукту! Где ты умудрился такой превосходный, почти советского вкуса и качества, «костромской», которым мы только что закусили заздравную стопку в память былых подхалимов, раздобыть?

— Презент случился. Сейчас в универе, равно и по всей стране, как уже ранее говорил, число диссертационных советов, расплодившихся в девяностые годы, урезали почти в три-четыре раза. Так что еще в двух неприкрытых я состою, иногда оппонирую, отзывы всякие пишу. Вот такой «отзовист» позавчера объявился из Костромы. Вручая в знак признательности четверть большого круга, сразу оговорился: «У нас, Игорь Васильевич, если кто по диссертационным и иным делам в другой город направляется, так захватывает пару-тройку таких свертков: в области сохранился чудом со стародавних времен сыродельный заводик, что по советским стандартам честно работает. Уж не обессудьте, профессор, примите эту малость».

Вот именно — правильно, Андреяныч, тему заострил — на примере сыра можно поставить знак равенства между понятиями и содержанием умозамещения и импортозамещения. Вдумайся? — До пресловутых продовольственных эмбарго и запретов народ не очень-то импортные сыры почитал. Ладно, гурманы там всякие; опять же из грязи в князи миллионщики и особенно их бабенки, что от свиного корыта прямо в фитнессы и сауны, — им вроде как зазорно есть незаграничное. По принципу: ох, девки, у меня от *прастова* вина голова болит... Но в массе покупали и не жаловались на качество своего: «российский», тот же достопамятный «костромской», «пошехонский», сыры белорусского и кавказского происхождений. Заметь: не потому что квасные патриоты, но качество еще год-другой назад на «хорошо» было; не на «отлично», как в советское «гостовское» время, но все же сыры-хорошисты!

А тут как подменило с первыми же песнями СМИ об импортозамещении: те же отечественные сыры, во-первых, мигом подорожали в разы, а во-вторых и в главных сделались абсолютно несъедоб-

ными. На этикетке же — прежние производители. Отгадка простая: на импортозамещении, то есть исчезновении импорта, по-крупному сыграли сверхалчные владельцы сыроварен: ценой ударили, плюнули на всякие гости и перевели производство на исходное сырье из всякого дерьма. В прямом и переносном смыслах.

Вот здесь-то на ярко-вкусовом примере сыра и знак равенства между понятиями двух замещений: импорта и ума. Как первое суть «продукт» частнособственнической спекуляции, так и умозамещение есть санкционированное в мировом масштабе оглушение человечества под надуманными, спекулятивными в основе и назначении утверждениями о толерантности, общемировых ценностях, веротерпимости, равных правах с рождения и прочих благоглупостях. Давай еще по одной под незамещенный пока «костромской»! И за здоровье одурманенного «твоя моя не понимай» народа тоже.

— Это как о голосовании при Петре Первом получается...

— Ну-ка, Андреяныч, с этого места поподробнее. Что-то не слышал о выборах-голосованиях в ту эпоху?

— Да старинное анекдотическое сказание вспомнил: может и к случаю: «твоя моя не понимай» — но многозначительный для нашего времени умозамещения.

...Собрал Петр Первый в означенный им табельный день коммерц-коллегию, министерство промышленности и торговли по-нынешнему, раскурил свою трубку, огласил сегодняшнюю повестку дня. Советование началось: столько-то пушек с уральских заводов Демидова поставлено — отлично! Молодец Никита Антуфьев, не все ворует как Меньшиков да и все вы, послать ему мой благодарственный указ. Сукно для армии опять дрянное поставили — выпо-

ротъ кого следует и в солдаты отдать, новых поставщиков подобрать. Стопушечный фрегат в строй флота вошел — дать такому-то звание адмирала, но на всякий случай выпороть кого-нибудь. Казанскому воеводе дать выволочку без членовредительства: опять жалоба на его татарских купцов. И так далее — все четко, по-военному: похвалить, дать чин, высечь публично в базарный день, сослать в Сибирь, лишить живота...

Дойдя до конца повестки, Петр развесилился, хлопнул штофный кубок анисовой. Дескать, голландские купцы бартер предлагают: они нам корабль презервативов, а мы им пять кораблей с отборным мачтовым лесом из заповедных роцц под Калугой. Ваше мнение, господа? Молодые коммерц-советники, «птенцы гнезда Петрова», обрадовались: вот вольно же теперь будет ночами бегать по светелкам боярышень, не опасаясь обрюхатить молодиц, — в един голос: «Конечно, Петр Алексеич, соглашаться надо на бартер незамедлительно! Пора нам по европейским меркам проживать».

Старые же бояре, по привычке оглаживая уже сбритые по указу бороды, хмурятся, супротивно говорят: «Нет, надежда государь, не православное это дело, богопротивное, супротив обычаев наших от времен Гостомысла и Рюрика...»

«Что ж, господа, — весело топорщит царь свои тараканьи усы, — у нас сейчас все по-европейски, по справедливости, чинами не считаясь. Значит, будем голосовать!» Свежеобритые старые бояре оживились: «Во-во, Петр Алексеич, *гóлосовать* будем. Отцы-деды наши гóлосовали и мы будем гóлосовать!»

— Ха-ха-ха! Все в точку, Андреяныч! Тем и ужасает людей, самодостаточно мыслящих — навряд ли нас с тобой, скажем без излишней скромности, — умозамещение, что фактор «моя твоя не понимай», с одной стороны, разъединяет людей в смысле пони-

мания друг друга, даже в рамках семьи и трудового коллектива; с другой — «объединяет» их в утлом единомыслии, диктуемом через вездесущие СМИ теми, кому нужно общество людей-винтиков огромной глобалистской машины человеиника — нашего несветлого будущего, а во многом уже и настоящего. Сугубо научно в биопсихологии это именуется сочетанием *индоктринирования* и *кондиционирования*, но об этом, чтобы сейчас не отвлекаться, в один из последующих четвергов поговорим.

Я-то грешным делом решил, слушая анекдот, что это ты к прошедшим в начале осени выборам, нет?

— Избави, бог, Васильич! Мы люди законопослушные: все что ни делается, делается к лучшему. Здесь Владимир Вольфович в телеинтервью кратко, но объемлюще сказал, отвечая на вопрос о причинах полного проигрыша всех без исключения так называемых оппозиционных партий, в том смысле, что правящая партия есть государство. Согласен с ним полностью. Так было в СССР, это же требуется сейчас, когда Россию обложили со всех сторон. Другого выхода для целостности государства нет, а химера «демократии» осталась в нашей памяти девяностых годов.

Забыли мы, Васильич, увлекшись историческими параллелями, что стопки нóлиты, костромской сыр порезан и уже слезу дает на каминном тепле...

♦ — Как полагаешь, Васильич, если в планах глобализаторов, просчитанных на брюссельских и что в Лэнгли, штат, кажется, Вирджиния — это где ЦРУ, мегакомпьютерах, значитсЯ на ближайшие годы поменять, временно, конечно, по принципу сочетания кнута и пряника, гнев на милость, то есть отменить всякие там эмбарги, будут ли у нас сызнова делать нормальный сыр — навроде того, чем мы только что закусили?

— Ответ мой, Андреяныч, двоякий: либо научат-

ся, коль скоро запрет на ввоз импортных «камамберов» и прочих «тильзитеров» будет снят. — Конкуренция даже в нашей странной политэкономии, не описанной ни Марксом, ни западными нобелистами, вообще никем в обитаемых мирах Вселенной, как-то робко действует. Но на девяносто процентов вероятнее другое: полная ликвидация сыроделания и полный завал импорта на прилавках. Тем паче, что почти все магазины у нас остались даже «в эмбарго» сетевыми, то есть принадлежащими тем же голландцам, противникам голосования, французам и интеркомпаниям. Так что планирую расширять сотрудничество с костромскими диссертантами и намекать им, что четверть круга «костромского» хорошо, но цельный — еще лучше.

— А осилит диссертант целиковый-то?

— Ну-у, по труду и честь. Полный круг — это уже не отзыв, конечно, подписать, но прооппонировать. Ладно, мечты-мечты, в чем ваша сладость. Вернемся к чиновникам. Вот здесь я даже тебя, человека по-флотски уравновешенного, надеюсь поразить. Пришел к парадоксальному выводу: именно и только чиновничество, казалось бы, самые активные рыбы-прилипалы существующего порядка вещей, в данном случае глобализации с ее неременным умозамещением для всех и вся, не подвержены... этому самому замещению.

— ?! А-а-а...

— Вот-вот, я тебя, Андреяныч загодя предупредил. Начнем с наиболее известного всем: во всех личностных и общественных ситуациях чиновник легко и непринужденно приспосабливается, оставаясь самим собой. Обыкновенно — и в должности, хотя бы и противоположно именуемой. Тому красочный пример партийное и хозяйственное чиновничество советского времени накануне прихода Меченого, а первое — это полтора десятка миллионов членов «нашей» пар-

тии! Это тебе, извиняюсь перед Мичманом, не хрен собачий. Как только с подачи победившего нашу страну мирового империализма дана была исполнителями команда «грабь созданное народом за семьдесят лет», все первые и вторые из названных выше бросились науськивание это яро исполнять. Кому как повезло: кто из грязи в князи, другие в мелкие лавочники и офисники, а третьи и просто в мать-землю сырую. А вот нынешнее серьезное, то есть при значимых должностях, чиновничество в большинстве своем начинали трудовую деятельность инструкторами обкомов, комсомолистскими вожаками, профоргами, средними начальниками в промышленности, наконец, уже вошедшими в криминально-спекулятивный фольклор младшими научными сотрудниками... Даже настоящие, что при акулах состоят, рыбки-прилипалы от зависти заворот кишок получают, выслушав по подводному тихоокеанскому радио выступление бывшего моложавого третьего секретаря мухоранского райкома комсомола, а ныне депутата, владельца заводов, газет и пароходов (временно записанных на супругу или кого там...), клеймящего «совок» и лично товарищей Ленина, Сталина и Брежнева (о Кукурузнике велено помалкивать), научающего российскому патриотизму. Как вожди кадетов и октябристов в годы Империалистической войны: «Братья! Забудем, что есть помещики и крестьяне, заводчики и мастера — забудем до полной и окончательной победы над зверями-тевтонами! С нами царь и царица (чистокровная немка), Небесный бог — покровитель православной России, славное русское воинство!» А в опостылевших окопах насупротив австрияков (немцы воевали Антанту на западных фронтах) солдатушки-ребятушки гоготали над розданными попом-политруком открытками с фотографией Николая, Александры Федоровны и всесвятного прохиндея Распутина: дескать, царь с

Егорием (Георгиевским крестом), а царица с Григорием...

Извини, Андреяныч, увлекся — хорошо пошла «очищенная» под костромской сырок-то. А вот пример из нашей тулуповской жизни. Надеюсь, не забыл нашего с тобой знакомого еще по «Меткости» Тетерю, бывшего там военпредом-полковником из приемки сухопутного вооружения?

— Как же не помнить. Хотя и в малых инженерных чинах там был, но пару-тройку бумаг у него — начальник посылал — подписывал. Опять же его достославное губернаторство в Тулуповске, завершившиеся образцово-показательным судом и приговором в десять лет отсидки за взятку. Или во множественном числе — за взятки? Бедолага, небось сейчас шьет рабочие рукавицы в лагере под Тулуповском. Пресса местная так пишет.

— Именно пишет. Читатель же почитывает. И я, грешен, читал в нашей областной сплетнице «Толоке» живописные очерки-репортажи об экс-губернаторе Тетере, осваивающем искусство пошива брезентовых рукавиц с выделенным «влагалищем» для большого пальца, что нам от предков-обезьян достался в качестве основного хватательно-физиологического предшественника инстинкта частнособственничества.

На днях же иду ближе к вечеру по улице Забастовки 1903-го года, пока еще не переименованной в Колчаковскую или Толерантную (там до семнадцатого года публичные дома находились), и возле пожарного депо, что напротив железнодорожного профтехучилища, лицезрю по-нынешнему, лоб в лоб сталкиваюсь с... Вадимом Владимировичем собственной персоной, только в полном зимнем обмундировании пожарного, но без знаков различия на погонах. Думаю — померещилось в зимних сумерках, но ведь и я, как и ты, Андреяныч, в «Меткости» бумаги у него подписывал, а потом пять с лишним лет област-

ные и городские газеты, телевидение опять же с чувственным восторгом дикторов — повезло же нам с губернатором! — демонстрировали каждый день его облик с присовокуплением описания трудовых подвигов. Сложно перепутать.

На всякий случай подздоровался, назвав по имени-отчеству. Мужик-то он малозлобивый, хотя и из хохлов, зарвался только, а скорее недоброжелатели подставили. Охотно отозвался, даже заулыбался, отметив знакомое по «Меткости» лицо, сделал отмашку рукой: тороплюсь, мол, свежесваренные щи дома стынут...

На другой день кой-кому из коллег на факультете рассказал. Но ведь это все профессиональные преподаватели: слушают, морды суконно-цинковые, никакой реакции, а тут студентик-таджик пробегает, мой собеседник-молчальник тотчас бросает меня и к тому: «Тохаджиев! Ты почему вчера после перерыва на коллоквиум не явился? У тебя ведь еще задолженность по отработкам...» Понятно, легче дубу рассказывать. На мое счастье пополудни встретил в коридоре профессора Белкина, редкого в наше время в вузовской среде нормального человека. Его факультет за версту от нашего, но он в свое время сильно помог с диссертациями всей семье очень высокопоставленного в Тулуповске чиновника, за что и получил на нашем факультете отдельную исследовательскую лабораторию с подчиненным-зятком, где и консультировал своих многочисленных аспирантов, в основном, вьетнамцев. Нашим званием ни к чему — скорее бы к делу, к торговле бананами.

Белкин как раз возвращался с обеда в ближней забегаловке «с подачей», потому настроен был на обстоятельные беседы. Выслушав о моей слабообъяснимой встрече с экс-губернатором, много чего знающий по общительному своему характеру профессор рассмеялся, увлек меня в свой кабинетик, выста-

вил из шкафчика половинную бутылку коньяка и немудреную закуску, закулив, все поставил на свои места.

♦ — Тетеря, — начал рассказ милейший Василий Иванович, — действительно первые месяцы отсидывал в лагере на территории нашей области. Чиновник — мой диссертационный благодетель, поведавший как-то при встрече о судьбе Вадима Владимировича, толком не знал: чем он эти пару-тройку месяцев на зоне занимался; вряд ли ходил на общие работы и прочее — слишком высокого полета ведь зек! Но дальнейшее уже стало достоянием слухов среди баб в администрации области, а в высших сферах и достоверного знания. Выходило так, что как только закончились начальные посещения высокопоставленного осужденного всякими прокурорскими и судейскими для дополнительных дознаний и приема кассационных жалоб, Тетеря направился к давнему знакомцу по вольной жизни, а сейчас начальнику лагеря Сергею Аркадьевичу Дундину.

Посочувствовав Вадиму Владимировичу, мол, от тюрьмы да от сумы не зарекайся, подполковник Дундин посерьезнел, со значением оглянув свои погоны, не так давно украсившиеся второй большой звездой, осведомился о цели визита столь уважаемого даже за колючкой человека.

— Ты правильно, Сергей Аркадьевич, делаешь, что на звезды поглядываешь. Значит, добро помнишь: при мне ведь подполом стал, я к этому руку в эмтээс* приложил и рекомендовал тебя сюда начальником.

— Как же, Вадим Владимирович, мы хотя и мен-

* Аббревиатурой МТС в Тулуповске именуют издавна не привычную в советском обиходе машино-тракторную станцию, но расшифровывают как «милиция (то есть ОБЛУВД) — тюрьма — стадион»; эти объекты областного значения в центре города выходят фасадами на одну и ту же площадь...

ты, полицаи по-нынешнему, но тоже люди. Чем по-
содействовать могу?

— А лучше ты мне сам что-нибудь предложи, не
всерьез же мне, как Ходорковскому, десять лет бре-
зент под руковицы кроить?

— Мд-да! Есть мыслишка одна. Понимаешь,—
подполковник ненавязчиво перешел на «ты», все же
положение обязывает,— за нами по положению своя
пожарная машина с экипажем из расконвоированных
числится. Но предыдущий начальник лагеря деньги,
выделенные на нее, хапнул, за что и полетел с места
и звания, а все одно на мне машина повисла. Вот
если бы кто купил нам такую? Из благодарных по-
буждений, конечно...

— В чем же благодарность?

— Понимаешь, здесь такая штука. Машина за
нами числится и тушить пожар, не дай бог случится
в лагере, его производственных цехах, в поселке для
проживания персонала, должна у нас же. Но без по-
жарного депо она ничто: без связи и оповещения,
без профилактики и текущего ремонта и прочая,
прочая — так, железная коробка на колесах. Опять
же хорошего экипажа из расконвоированных не сде-
лаешь; у них в мыслях одно: скорее бы по УДО до-
мой!

— Ближе к делу, подполковник.

— А дело обоюдовыгодное. Покупаешь нам ма-
шину, мы по своим каналам договариваемся держать
ее в том тулуповском пожарном депо на выезде из
города, откуда до нас всего два десятка километров,
что допускается регламентом, экипаж арендуем —
надеюсь, не часто гореть будем — там же, а началь-
ником над расчетом и машиной ставим тебя. Будешь
в городе жить, не афишируясь, докладывать мне
ежедневно по пожарной спецсвязи о готовности к
пожаротушению и раз в неделю с расчетом на *своей*
машине приезжать в лагерь: покрасоваться в форме

и учение под кинокамеру показательное провести. В том что справишься — не сомневаюсь; в *деле* твоём значит: в молодости состоял в добровольной пожарной дружине. По рукам!

— Обижаешь, подполковник. Почему состоял — участвовал в тушениях, грамоту от облисполкома имею... да-а, а где в Тулуповске эта ближняя к лагерю пожарная часть находится?

— Напротив железнодорожного пэтэу, или как там оно сейчас по-американски называется...

— Да-да, знаю хорошо. В губернаторскую бытность самолично инспектировал, парк машин обновил... теперь вот *свою* туда поставлю. И Танька, моя третья жена, неподалеку проживает. По рукам!

♦ — Я к тому, Андреяныч, так подробно, с иллюстрациями из тулуповского быта, остановился на приспособленчестве чиновника ко всем перипетиям жизни, что в самом действии этого приспособления остается он самим собой, а значит *не* умозамещается! Такая вот у него жизненная самодостаточность. Для чего социальная природа человека только одному чиновнику такую роскошь предоставила — оставаться самим собой даже при переходе человечества в иную ипостась, в ноосферное качество? Как один мудрец сказал: изменяясь, остается самим собой. Разгадка, как представляется мне, в следующем состоит. Институт начальствования вечен и ничем не заменим. Даже в «светлом» ноосферном будущем, когда все функции управления и регулирования будут выполнять телекоммуникационные сети с доменами-мегакомпьютерами, все равно без «голов профессора Доуэля», то есть чиновников-задатчиков работы этих сетей и доменов, не обойдутся.

Теперь с другого конца подойдем. Опять же лучше, чем в анекдоте, не скажешь. Попадает чиновник волею всевышнего на тот свет. Святой Петр, что выдает направления в подразделения этого света,

спрашивает: «Куда, уважаемый, желаешь: в ад или в рай?» Чиновник отвечает: «Рай, конечно, экологически более благоприятен, но я лучше со своими останусь». То есть любой чиновник — продукт своей среды, как раньше писали в лозунгах и говорили на партсобраниях: плоть от плоти *нашего* народа. Как бы далеко друг от друга не отстояли чиновник Иванов и слесарь Сидоров, но суть их одинакова и соответствует духу эпохи и «линии партии и правительства». Резюме, так сказать: чиновник вечен, как важнейшее звено организации социума, неотделим от руководимого им народа в смысле общественной ориентации, но — неумозамещаем по той причине, что понятие ума, как некоторой категории самодостаточности мышления у того же слесаря Сидорова, у него... и вовсе нет. То есть, мыслить-то он может, порой и здраво, но у него ум замещен инстинктом, как у животных, особенно высших. Уникальный момент психобиологии: чиновник из человеческой, интеллектуальной ветви эволюции перешел в инстинктивную. То есть умозамещение у чиновника все же когда-то было, но не в процессе его основной деятельности и не на момент рождения и младенчества (все люди рождаются равными, как гласит известная «Декларация прав...»), а именно относится к начальному периоду — абитуриентству вхождения в класс чиновничества...

— Это как в советское время: если троечник Петров вдруг становился комсоргом факультета, непьющий, то есть пьющий тайком от коллектива, наладчик Сидоренко (хохлы уважают начальствовать...) выдвигался в цеховые профорги и так далее по возрастающей, то есть по линии *нашей* партии. А сейчас? — По депутатской части, в основном.

— Совершенно верно, Андреяныч, нынче дорога в чиновники, при неимоверном росте их числа, сузилась до калитки, что на небесах католических

отделяет чистилище от рая, имя которой: депутатство любых уровней. То есть народ наш, дотоле дикий, советский, в девяностые от души вкусил перенесенной с Запада демократии. Сейчас ее вовремя прихлопнули, но выборный архетип сохранили как инструмент «обтачивания» чиновной братии...

— Васильич! В чем-то схожее и в Европе наблюдалось, а именно в Германии между ее созданием Бисмарком и до Первой мировой войны. Но у них-то Бисмарк был: голова из голов! Как только вильгельмовская германская империя, Второй рейх по ихнему, после франко-прусской войны образовалась, железный канцлер, предвидя период шумливой демократии, тотчас поставил ее на место, как всегда, ограничившись гениальным афоризмом: говорите, что хотите, только слушайтесь! То есть ораторы глотки надрывали, газеты клеймили все подряд, а власти за сорок лет сделали Германию сильнейшим государством Европы, а почитай и всего мира, которому она и показала кузькину мать дважды на протяжении двадцатого века.

На днях книжку повестей Булгакова перечитывал. Как дошел в «Собачем сердце» до беседы Филиппа Филипповича с Шариковым по части прочитанной последней переписки Энгельса с Каутским, так и вспомнил о Бисмарке и его афоризме. Вот Шариков сетует, что не понравилась ему книжка: все, мол, конгрессы какие-то, немцы... Действительно, мы же с тобой политграмоту в совестких школах и институтах осваивали... и что сразу бросалось в глаза? — А всюду в социал-демократии последней трети девятнадцатого века и начала двадцатого самые активные, многочисленные и задорно-шумливые немцы. И все видные вожди из немцев, с которыми Ленин неустанно сражался.

То есть тютелька в тютельку по указанию Бисмарка все делали: говорили что хотели, но на прак-

тике ничего не делали. Даже второго по счету Вильгельма сбросили и революцию пробовали сделать только вдохновленные нашим Октябрем.

Самое же главное действие девиза Бисмарка: этот социал-демократический шум хорошо помогал развитию класса чиновничества. Действовала калитка!

♦ — Верно речешь, Андреяныч. Замечательный пример привел. А у нас исторически власть попусту все с шумящими борется: цари народовольцев ловили, генсеки — диссидентов... толку-то! Лишь от серьезных дел отвлекались. Озлобляя же говорунов, цари бомбометателей взрастили, а советская власть власовцев, а позже и вовсе подписала себе смертный приговор. Нет, у немчуры есть чему поучиться. Главное, обидно за царей девятнадцатого, бомбометательного века — ведь этнически сами стопроцентными немцами являлись!

Все же, чтобы там болотные либералы и обратившиеся в легальных марксистов, столь ненавидимых в свое время Владимиром Ильичем, наши коммунисты, весь Запад и все остальные прочие ненавистники России не говорили-шумствовали, но нынешняя власть в стране вроде разумный компромисс нашла, столь нужный в той сложившейся обстановке, в которой Россия оказалась. Этот компромисс все в себя вобрал: тезис Бисмарка и дисциплинарную установку Сталина, устремленность Ленина и всегда нужную для страны самодержавность царей; показную демагогию и демократию Запада сочетает с азиатской закрытостью «себе на уме»... И что видим? — А то, что при фактическом и неотвратимом следовании движению мирового глобализма, подспудной власти олигархата, нищете основной массы народа, будучи обложенной со всех сторон врагами, страна живет и вроде как не собирается «кони двигать». А кто призван проводить «генеральную линию»? — Конечно, он самый, наш родимый чиновник без умо-

замещения, которое ему вовсе и не требуется по названной уже причине.

Очень ловко приструнен олигархат, дабы не лез в дела государственные, то есть наворовал и сиди себе тихо, не лезь в политику. Здесь хорошо резюмировал Потанин: сигнал дан, имея в виду показательный праведный над «Юкосом» и лично Ходорковским. Этот детдомовец — почему-то все главворы нынешние из детдомовцев? — покусился было на самодержавность русской власти, ее основу основ во все времена нашей истории, возжелал, видите ли, европейской парламентской республики! Ни много, ни мало...

Нет, родимый, наворовал — жри себе в три горла, с тоской что-то отдавая государству, жди когда новорусский класс-гегемон и вовсе прихлопнут. Хотя вряд ли — всемирный глобализм не позволит. Ему главная сейчас и на ближайшее время цель: олигархат — переходная форма *status quo*. И вообще-то...

Прервало речь вдохновившегося профессора вежливое покашливание Прокофьяча, вошедшего неслышно в своих домашних войлочных, подшитых кожей зимних обутках и стоявшего уже несколько минут у дверной притолки, полагая неприличным прерывать ученую беседу.

— Извиняюсь, ребята, что встречаю. Как думается, до Нового года уже не увидимся, а такой праздник общенародный не грехом будет и заранее упомянуть. Я вот графинчик свежей «домашней» захватил; под старку косит — на сушеной антоновке настоена. И закуски Тихоновна еще подрезала. Старку лучше домодельным вяленным окороком закусывать.

Прокофьяч снял с каминной полки запасную (русский человек, даже сам-двое выпивая, всегда в заначке третью посудину держит...) стопку, разлил и, не присаживаясь на поодаль стоящую табуретку, предложил тост за уходящий год, «не будь он недо-

брым словом помянут». Так же стоя закусив нас-
коро, собрался на выход, все же не преминув поин-
тересоваться:

— Про что седни разговоры разговариваете?

— О чиновниках толкуем,— ответил Андрея-
ныч, с чувством разжевывая вяленый окорок, каких
сейчас даже в столичных «гипер-супер» магазинах
для новых русских (и не русских...) днем с огнем не
сыщешь.

— О начальниках значит. О них много можно
говорить. Но и они разные бывали в прошлые вре-
мена.

Сейчас, понятно дело, все они на одно лицо, как
куры инкубаторские, а раньше-то иному и не поза-
видуешь. Судьба по разному кидала, главное, людь-
ми оставались и на подъеме, и на провале, как гово-
рится. У меня тесть, давно уж покойный, тоже на-
чальником, хотя и небольшим, не раз становился: по
партийной и военной службе, а — душа человек
был. Тихоновна-то моя не здешняя, подмосковная,
отец, тесть мой, стало быть оттуда же. Под конец
жизни, в начале восьмидесятых, уже и большим на-
чальником на Московско-Курской железной дороге
стал, а до того кидало во все стороны. У Тихоновны
сохранилась его автобиография на двух развернутых
листах из школьной тетради. Как она говорит: чер-
новик это, что отец писал в первый послевоенный
год, поступая на железнодорожную работу. Может
интересно вам почитать?

— Давай, давай, Прокофьич,— на правах рост-
венника вскричал, напугав во сне Мичмана, Игорь
Васильевич,— это же такой ценности документ!

Когда Прокофьич принес два ветхих листа, упря-
танных в полиэтиленовую папочку, исписанных с
правками четким, хорошо читаемым почерком, при-
нял на грудь с гостями еще по стопке и ушел по до-
машним делам, которые, как известно, никогда не

переделаешь, Игорь Васильевич, по ходу расшифровывая принятые для середины прошлого века сокращения и исправляя грамматику, зачитал автобиографию.

♦ ...Я родился 2-го июня 1911 года в городе Москве, поселок Лихоборы, в семье железнодорожного машиниста. Отец работал машинистом на окружной железной дороге. Мать — домохозяйка. Отец работал машинистом как до — так и после революции, до 1931 года, в котором был выдвинут на работу в управлении Московско-Курской железной дороги, а затем переведен в Наркомат путей сообщения, где и работает по настоящее время. Мать умерла в 1921 году. Отец женился вторично. Мачеха работает лаборанткой в паровозном депо на Октябрьской железной дороге. Имею двух сестер, которые не работают — домохозяйки; одна проживает в Москве, другая в Рязани.

Сам я в 1926 году окончил школу-семилетку № 3 в Серпухове Московской области и поступил в школу ученичества на станции Москва-2 Курской железной дороги, каковую и окончил в 1929 году, так как курс обучения построен на базе семилетки в два с половиной года. В этом же году направлен на работу в паровозное депо станции Москва-1 Московско-Курской железной дороги, где назначен слесарем по ремонту паровозов. Тогда же в порядке общественной нагрузки послан на пионерскую работу — база юных пионеров при клубе им. Кухмистерова Московско-Курской железной дороги.

В 1931 году по решению станционного комитета ВЛКСМ выдвинут на освобожденную пионерскую работу сначала на той же базе, а затем в 12-й школе Бауманского отдела народного образования (ныне 325-я школа Краснопресненского

ОНО), где работал до призыва в РККА, то есть до февраля 1933 года. Был направлен в Рязань во Второй корпусной артиллерийский полк, где служил в качестве курсанта-одногодичника, а затем командиром огневого взвода до ноября 1934 года, после чего был демобилизован и возвратился в Москву, начав работать инструктором по школам Бауманского райкома ВЛКСМ — до августа 1935 года. Далее решением ЦК ВЛКСМ назначен комсоргом ЦК в 12-ю школу Бауманского ОНО, где проработал до мая 1939 года, когда был утвержден зав. отделом пионеров Красногвардейского райкома ВЛКСМ, где работал до сентября этого же года, после чего решением бюро Красногвардейского райкома ВКП(б) был направлен на работу в этом райкоме в качестве инструктора военного отдела.

14 октября 1941 года по призыву Московского комитета ВКП(б) к формированию батальонов трудящихся Москвы для защиты столицы от немецко-фашистских захватчиков вступил добровольцем в батальон своего, то есть Красногвардейского, района, комиссаром которого и был назначен. Впоследствии все батальоны свели в полки, составившие Третью Московскую коммунистическую дивизию. В дивизии сформировали артиллерийский полк, в который меня перевели комиссаром дивизиона. Впоследствии дивизию переименовали в 130-ю стрелковую дивизию, а артиллерийский полк получил № 363.

В составе этого полка я вступил в бои на Северо-Западном фронте, где 23 февраля 1942 года впервые получил ранение при авиабомбежке наших боевых порядков немецкой авиацией в районе деревни Луковец Молвотицкого района Ленинградской области. После излечения 14 апреля 1942 года меня назначили командиром дивизиона, кото-

рым я командовал до декабря 1942 года. В этом месяце дивизию переименовали в 53-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а арtpолк ее в 123-й гвардейский артиллерийский полк. Я стал заместителем командира полка по строевой части и в этой же должности закончил войну в звании гвардии подполковника.

В январе 1945 года приказом по Первой ударной армии назначен заместителем командира полка в 153-й Рижско-Ропшинский стрелковой дивизии и в ее составе передислоцирован с Прибалтийского фронта на Первый Украинский фронт, в составе которого участвовал в боях на территориях Польши, Германии и Чехословакии.

Таким образом, вступив в Красную Армию в 1941 году, последовательно принимал участие в боях на Северо-Западном фронте, 2-м Прибалтийском, Ленинградском, 3-м Прибалтийском, опять же 2-м Прибалтийском и 1-м Украинском. Закончил войну в боях под Прагой.

В июне 1945 года вся наша 59-я армия, наша дивизия и полк расформированы, а освободившийся офицерский состав, в том числе и я, направлен в офицерские полки резерва, где и пробыл до ноября 1945 года в распоряжении отдела кадров Центральной группы войск в городах Баден и Аленштайн в Австрии. В ноябре этого года получил назначение в Барановический (ныне Белорусский) военный округ с назначением зам. командира 116-го гвардейского ордена Ленина гаубичного полка 162-й ордена Кутузова гаубичной артиллерийской бригады 10-й ордена Суворова артиллерийской дивизии прорыва резерва главного командования. С этой должности и демобилизован 28 июля 1946 года.

(— Далее,— прокомментировал Игорь Васильевич,— следующий абзац в черновике перечеркнут, но зачитаю).

В январе 1945 года за нетактичное поведение в нетрезвом виде с равными в должности, за грубость с подчиненными был вызван на армейскую партийную комиссию. По имеющимся у меня сведениям нарушения дисциплины не подтвердились, взыскания ограничились вызовом на парткомиссию.

По строевой линии взысканий не имею, только одни благодарности. За участие в боях награжден пятью орденами и медалями: орден Боевого Красного Знамени, ордена Отечественной войны первой и второй степени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды, медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За освобождение Праги».

Под судом и следствием не состоял. Репрессированных родственников, а также родственников за границей не имею. Служа в Красной Армии, избирался членом полкового партийного бюро, членом бригадной партийной комиссии, парторгом парторганизации полка (штаб и тылы).

*<Подпись> 11 сентября 1946 г.,
чл. ВКП(б) с 1931 г.*

◆ Завершив чтение исторического документа, Игорь Васильевич дополнил ранее слышанным от Прокофьяча:

— Как думаешь, для поступления на какую работу отец Тихоновны писал свою автобиографию?

— Ну-у, думаю, опять по партийной линии. В члены московского райкома или даже обкома, да?

— А вот нет, Андреяныч, устраивался наш подполковник и орденосец помощником машиниста тепловоза — уже не паровоза — в Московско-Курское депо! Каковым и трудился, с повышением до машиниста, до пятидесяти первого года... По новой все начал в сорок лет, как и другие некадровые, то

есть на момент начала войны не состоявшие на военной службе, но ввиду заслуг, а главное, природного ума и энергичности, вскоре был замечен и достиг степеней известных, оставаясь человеком с большой буквы! Даже словом не обмолвился, когда его дочь вышла за демобилизованного моряка Григория, что отслужил срочную на крейсере «Киров» твоего родного Северного флота и перебралась в тулуповский пригород... Были же люди!

— Меня, Василий, аж слеза пробила — не от превосходной домашней старки Прокофьяча, но от знакомства с биографией его тестя. Прекрасный портрет советской эпохи! Впрочем, и у нас с тобой были героические отцы и тести... И все же под завершение сегодняшней каминной беседы, сравнив, с подачи Прокофьяча, прежних начальников с нынешним чиновничеством, одно могу сказать: жалко по русскому характеру, что страдает последнему каторжанину, нынешних-то. Положение страны в мире — хуже не было в современной истории: в двадцатые-тридцатые годы был, конечно, как и сейчас, «санитарный коридор» из вечных восточно-европейских сателлитов и лимитрофов*, очерившаяся Антанта и самурайская Япония с другого конца. Но имелись во всем мире миллионы, миллиарды сочувствующей Стране Советов трудовых масс, а главное — нет худа без добра! — одержимый идеей реванша Третий рейх казался Европе намного более страшным врагом чем Советы... И Сталин этим умело пользовался. Америка же в дела Европы не лезла, своя доука — от япошек свои тихоокеанские владения уберечь бы. А Вторая мировая все расставила по своим местам и дала импульс к созданию

* То есть небольшие по размерам страны; так в довоенное время официально именовали Литву, Латвию, Эстонию, а иногда и Финляндию.

мировой системы советского социализма. Увы, это оказалось невольной миной замедленного действия для нашей страны...

Сейчас же и в перспективе просвета нет: осталось только круговую оборону занять.— Это при разрушенных в девяностые годы промышленности и сельском хозяйстве и нефтяной «игле»!

Новый русский чиновник возник как бюрократический класс в годы оголтелого грабежа, а будучи плоть от плоти социальной системы, активно включился в нее в самом паскудном качестве. Знатные воры — от олигархеров и по нисходящей до братков-бандитов и мелких лавочников, офисников тож, хотя бы в поте лица воровали и спекулировали, опасаясь в любой миг превратиться в нищих, а то и вовсе девять граммов в лоб получить, чиновничество же только пальцами рук пошевеливало, смахивая пачки, а то и «дипломаты» взятки в приоткрытый ящик своего начальствующего стола.

Сейчас же, подзадорив массы лозунгами патриотизма, посадив их на денежно-покупательский «партизминимум», сами ссаженные с нефтяной «иглы» управляемой Штатами ОПЕК, власти волей-неволей начали подчищать авгиевы конюшни девяностых годов: ликвидировали ларечников и начали ограничивать аппетиты чиновничества, торгово-спекулятивный «средний класс» позволили сожрать сетевым иностранным компаниям (не забывай про глобализацию!), а братки сами уже лет десять как перешли в разряд легальных предпринимателей... «России спасателей», — как в те же девяностые приторно-ласково пели СМИ.

В каком-то смысле в этой компании чиновники оказались крайними, а потому они в трауре — власть, сама же их породившая в прежнем качестве, объявила «борьбу с коррупцией». Почему в кавычках этот термин? — А потому, что это все равно,

что бороться с самой собой: в основу нынешней власти положен институт частнособственности, последнее же в условиях *чисто* русской традиции предполагает по определению тот или иной вариант воровства.— В отличие от давно капитализировавшейся Европы, где явное воровство вывели еще в позднем Средневековье на английских виселицах, испанских галерах, французских, итальянских и привисекциях. Уже не говорим о немцах. И у мусульман не так уж давно перестали в прямом смысле отсекать руку уворовавшую... А в Ливии отсекали до умерщвления Муаммара Каддафи.

То есть при любом накале названной борьбы чиновники наши брали, берут и будут брать. Тому замечательный пример Китая, где сейчас образцово-показательно расстреливают шеренгами чиновников-взяточников.

Жалко, Васильич, жалко мне их, родимых и вороватых. Хотя бы они нас никогда не жалели. Русская натура у нас, жалостливая.

— Давай, Андреяныч, собираться. Совсем стемнело, да и оседлый цыган Урупкин с очередной археологической находкой на морозе заждался нас у калитки.

Чиновник, берущий «барашика в бумажке», фигура привычная в нашем отечестве, хотя и предосудительная. Так было до победы демократии и общечеловеческих ценностей (то есть долларов). Николай I санкционировал постановку «Ревизора» с целью обличения взяточничества. При Сталине такого понятия вовсе не было — расстрельная статья. А вот сейчас — ни слова обличения, самое главное, ни сверху, ни снизу (?!). Мир что ли перевернулся? Да, в отдельно взятой стране, вернее, в географическом понятии «Россия». И правители, и народ рассуждают здраво и в духе времени; провозглашены с самого верху лозунги: «Грабь кто сколько сможет!» — «Грабь награбленное!» — «Продавай Родину оптом и в розницу!». Наш законопослушный народ, измученный 70-летней суходрочкой бессеребрничества, девизы эти принял к сведению и руководству. А поскольку у сплюсненнозадого чиновника только взятка есть форма грабежа и продажи Родины, то это было молчаливо признано де-факто и почти что де-юре.

Принимает в табельный день социальный чиновник посетителей с малыми дарами и размышляет о той несчастливой звезде, под которой ему угораздило родиться. И чем он отмененного советской властью и вновь восстановленного в годы демократии бога прогневал? Должность собачья, приходится по восемь часов в день выслушивать жалобы на низкую пенсию, необеспеченность аптек льготными снадобьями, протекий потолок квартиры, опять же на непомерно возросшую квартплату и на многое другое. Самое главное, даже захоти он помочь (а это и в страшном сне не приснится), то все это не в его власти.

Зарплата низкая, ибо практикует он по ведомству социальному, то есть самому низшему в табели о рангах. Жена стерва, дочь полупроститутка — и все денег требуют. Жизнь же без более или менее больших денег сейчас — скучнее чем при расцвете застоя. «Эх,— вздыхает чиновник,— впору запить или в оппозицию податься; глядишь и в городскую думу пройду».

Мечтатель скорби мировой...

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ: ПАРАНОЙЯ ЗА КЛАВИАТУРОЙ

*...Вы, люд заносчивый и дерзкий,
Вы опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Все все — не русский вы народ!*

Языков «К ненашим» от
6 декабря 1844 г.

♦ Следующий каминный четверг пришелся на окончание пресловутовых, понятно, обезьяннических с Запада, новогодних каникул, что уже который год повергают почти весь народ в уныние: пьющие все выпили первого-второго января, трудоголики в полной домашней маяте, так называемый средний класс улетел на аэропланах-боингах к теплым морям, солидные и знатные воры — в свои поместья во Флориде, Испании, Адриатике. Только женщины и бронеподростки довольны: первые по мобильникам с дешевыми тарифами *tele2* часами сплетничают с товарками, возбудившись же от безделья и телефонных откровений более молодых подруг, начинают приставать к своим сонным от одури мужикам; подрастающее же поколение, дождавшись когда предки запрутся в спальне, лихорадочно ищет в компе порносайты. Готовятся к взрослой жизни без комплексов...

Слава всевышнему и его заму по погоде: с конца ноября прошедшего года и посейчас ни одной слизистой оттепели! Да и снег валом валит, так что, убоявшись ежедневной работы с лопатой, последние дворники-гастарбайтеры убыли по шайтан-арбе до лета в свои аилы и кишлаки.

— Здорово мы с тобой, Васильич, сегодня на лыжах пробежались!

— Недурственно, Андреяныч, — отвечал профессор Скородумов, снимая лыжи у крыльца до-

ма,— вон и Тихоновна из кухонного окошка знак подает: к столу!

За обедом под привезенную гостями «зубровку» хорошей белорусской выделки и «домашнюю» от Прокофьяча последний, выражая лицом недоумение, спросил городских:

— Намедни в ваши края ездил прикупить кое-что по мелочи для хозяйства, крепезу опять же для нового самогонного аппарата — Урупкин больно хорошую трубу из нержавейки принес! — Как приеду в город, так глаза разбегаются от всяческих вывесок: и по-русски, и чужими буквами, а то и смесь их даже в одном слове. Проходил к хозяйственному магазину мимо твоего, Васильич, университетского корпуса, а напротив — одежный магазин новый с чудной вывеской: «Все для сильных духом и дерзких нравом», а на плакате здоровенный молодой мужичара в армейских штанах, черной футболке, с бородищей, в темных очках, стриженный под полубокс, руки в боки упер с растопыркой. Никак в толк взять не могу: при чем тут этот самый дерзкий нрав?

— А это, Прокофьяч, значит,— с нарочитой серьезностью пояснил профессор,— идешь, допустим, ты, я или Андреяныч по улице, а навстречу этот самый с плаката, с растопыркой. Походя, не обращая на встречного внимания, он с размаху — хрясь! — и по физиономии лица тебе! И дальше идет прогулочным шагом, насвистывая модную шлягерную песенку. Ты, оглушенный, с сыпящимися из глаз искрами, все же находишь силы с обидой вослед ему крикнуть: «За что?!» Он, не оборачиваясь: «Не за что, а кто. Я — дерзкий нравом!»

В повисшей тишине первым не выдержал, прыснув, Николай Андреяныч. За ним остальные расхохотались, а хозяин дома пообещал, что теперь зарекается читать вывески на городских магазинах, дескать, еще приснится что-либо похожее, сон перебьет,

начнешь в голове все известные приметы перебирать... И, действительно, полно на улицах странной молодежи. Все какими-то проводами, словно электрик щиток распределительный починяет, обвешены, в каждом ухе по затычке — концевике провода, на груди как бляха аппаратик подвешен, в левой руке дощечка с цифирью и буквицами на экране, а правой все чего-то шебуршит, тербит этот экран, сам с собой вроде как разговаривает в голос, никого впереди не замечает, натывается на встречных. У нас в поселке тоже такие начали появляться. То-то цыган Урупкин предлагал мне такую дощечку с экраном, говорит, не украл, нашел на скамейке в школьном дворе ввечеру, когда выгуливал свою овчарку на спортплощадке...

— Взял?

— А на хрена она мне, Василийч. У внуков такие имеются, родители справили. Урупкин, небось, на помойке подобрал порченую.

♦ — Сам господь бог устами Прокофьяча задал нам тему сегодняшнего четверга, — сказал Игорь Васильевич, когда друзья устраивались перед камином, предварительно оставив журнальный столик оставшимся от обеда: полубутылка белорусской «зубровки», графинчик домашней от зозяина, тарелочки с закуской. Мичман самолично водрузился на краю стола. — Будем беседовать о самом наболевшем в наше время: о повальной компьютеризации мышления современного человека, особенно и стопроцентно — молодых поколений. Вот где умозамещение абсолютное! Причем это замещение сопровождается невероятным размахом жульничества: от детски наивного до грандиозных афер-панам.

Кстати, словно предчувствуя сегодняшнюю тему, захватил повеселить тебя образец наивного, на полного идиота — каждый о другом по себе судит! — рассчитанного махинаторства. Вчера смотрел на ка-

федеральном компьютере свою электронную почту и получил письмо, над содержанием которого хохотали всем этажом, кому я его показывал. И ты считаешь, — Игорь Вачильевич достал из кармана вчетверо сложенный листок бумаги и протянул коллеге, в предвкушении реакции того растянув в улыбке уголки губ.

Уважаемые мистер Скородумофф!

Меня зовут Роджер Мэки. Я законный представитель, адвокат частный менеджер аккаунта моего покойного клиента, в год 2016, мой клиент по имени г-н Маршалл Скородумофф, скончался, оставив денежное наследство одиннадцать миллионов пятьсот тысяч долларов США (\$ 11,500,000 , 00). Мой покойный клиент и закадычный друг вырос с «Сиротский Babies Home». У него не было ни семьи, ни бенефициаром, ни ближайших родственников на сумму наследства оставил позади в своем банке.

Финансовое право наследования четко позволяет умершего банка использовать умершего деньги, как считается нужным, если наследование денег останется невостребованным в течение тридцати шести месяцев после смерти владельца счета. Причина, по которой вы писали сейчас, потому что вы носите ту же фамилию, как покойника, и я могу представить вам в качестве бенефициара и ближайших родственников. Закон о наследовании явно оставляет бремя доказывания того, кто является или не родством, умершему Lawyer доказать. Как умершего юриста, закон говорит л сказать последнее слово о том, кто является бенефициаром умершего имущества.

Это 100 % процентов законным. Как юрист я знаю, что это. Если вы заинтересованы в этом предложении, и вы готовы сохранить это положение в абсолютной конфиденциальности и дове-

рия, то свяжитесь со мной сразу, и мы можем проработать детали, и вопрос о вашей компенсации. Если вы не заинтересованы, и нашли этот адрес электронной почты или вы думаете, что это игра, пожалуйста, не отвечайте. Пожалуйста, вы можете отправить свой ответ через эту электронную почту по *mail.ru*

С Уважением, Роджер Мэки (ESQ)

— Каков сукин сын, а, Андреяныч? Да еще и эскайром подписывается! И ведь находятся наивняки, что вступают в переписку с этим «мистером-ESQ». А там пошло-поехало: сначала сто долларов прислать на регистрацию заявки на наследство, затем пару сотен за обращение в архив, далее по возрастающей: пока дурман с претендента на \$11,500,000,00 не спадет... Сидит же этот лжеМэки где-то в Чертанове в однокомнатной квартире, мечта о расширении и прочих благах цивилизации.

Это про Чертаново я поначалу подумал, а затем показал письмо коллеге по факультету, доцентше-психологу на пенсии подрабатывающей. Матерая баба, не из пустышек нынешних, что лекции студиям по учебнику читают. Елена Ионовна прочитала, хохотнула над текстом разводилова, мимоходом упомянула про родную Одессу, затем, посерьезнев, по-статейно прокомментировала содержание с использованием научной терминологии и выдала заключение в том смысле, что это вовсе не профи интернет-жульничества сочинял, а есть продукт коллективного творчества пары подростков четырнадцати-пятнадцати лет, только начинающих осваивать виртуальную профессию... «Видно, по слабости ума в хакеры выйти сомневаются, занялись чем полегче».

— Умозамещение, Васильич, как следует из твоей теории, совсем не далекой от практики, предполагает по принципу свято место пусто не бывает это-то самое замещение. У компьютерного поколения оно

чаще всего относится к хитрости худшего разбора. Опять же сошлюсь на твой тезис в предыдущей нашей беседе о чиновном классе: любое умозамещение в каком-то смысле переводит человека из интеллектуальной ветви эволюции живого в инстинктивно-приспособительную, как у животных. А поведение тех же собак и кошек, Мичмана тож при всей его благовоспитанности, часто воспринимается нами именно как хитрость. То есть получается, что хитрость умозамещенных суть инстинкт приспособления, да?

— Верно речешь, Андреяныч.

— И получается: умозамещенный человек будущего, которого мы в полной мере узреем уже сейчас, суть инстинктивно-приспособительный к условиям реального социума, который по принципу обратной связи и толкает его в инстинктивную ветвь эволюции. То есть мы с прискорбием присутствуем при очередном разделении этих ветвей: первое — разделение эволюции на вирусы и клетки; второе — ветвление клеточных организмов на флору и фауну; третье — то самое разделение на инстинктивную и интеллектуальную ветви, а вот четвертое, по твоей концепции, деление последней на виртуальную — компьютерную и реальную инстинктивно-приспособительную, причем реальный человеческий мир становится придатком компьютерного виртуального. Унылая, но — увы! — неизбежная картина. А к чему это приводит — все не могу без содрогания душевного вспоминать летнюю историю, что случилась в твоём дачном кооперативе, тобою же мне рассказанную... И в «Толоке» тоже напечатали.

♦ Аспирант экономического факультета тулуповского филиала столичного частноплатного университета, что в девяностых годах развелось как собак нерезанных и в наглую «кующих» за плату дипломы юристов, экономистов и всяких менеджментеров, Денис Охлопкин семичасовой электричкой «Тулуповск —

Москва» ехал на родительскую дачу в кооперативе «Геофизик». Путь недолгий, всего полчаса, а за вагонным окном расчудесное июньское утро, но все это давно отрешено от него, равно как и хорошее место работы в офисе посреднической компании, куда после получения диплома устроил отец по старым, еще с времен инструкторских в обкоме комсомола, связям, аспирантура для круглого отличника-выпускника, даже молодая красивая жена, тоже только что по окончании тулуповского университета, бывшего политеха, поступившая инженером в ЦКБ агрегатостроения — рядом с домом. Самое существенное, что в начавшемся пару лет назад постепенным «размораживанием» военно-промышленного комплекса ЦКБ загружено заказами, даже рядовым молодым специалистам грех жаловаться на размер зарплаты — повыше иных офисников! — Дело немислимое с начала девяностых годов...

Только иногда, проснувшись посредине ночи — за компьютером допоздна просидел, пропустил ужин и с пробудившимся голодом наевшись, улегся в постель с обиженно спящей женой, — с набитым желудком, он возвращался на короткое время к реальной жизни: денежная работа, учеба в аспирантуре просто пустяк при его-то голове, очаровательная супруга, квартира в центре города — подарок к свадьбе от сложившихся на божескую ипотеку родителей с обеих сторон. Чего на судьбу роптать, все один к одному гладко и неторопко. Засыпал с таким же ощущением покойного счастья, что испытывал обычно, распутав хитро сплетенную компьютерную игру-головоломку. Но в дневной жизни все это гладкое и неторопкое как бы смещалось в голове в некий чуланчик, отгороженный полупрозрачной кисеей: вроде слышно вполуха, видно, если зрение напрячь, а все одно — где-то сбоку, в стороне.

Так и сейчас в электричке. Отец на весь свой

отпуск перебрался на дачу, приличную, двухуровневую, почти коттедж, если бы не шесть соток и соседство малоприглядных дачных домиков еще советской постройки. Отец вообще хорошо обустроился в девяностые годы, прочно заняв все по тем же обкомовским знакомствам депутатское кресло в городской думе. И сейчас все поддерживал в порядке, хотя и «упал», как говорили в их кругу, до невидной должности замзавотделом в Замостовской районной управе. «Молодым надо место уступать, а мы по-стариковски от родной госслужбы ни на шаг», — подмигивал гостям, собравшимся на его пятидесятилетие, Охлопкин-старший, средней матерости — подстать должности, отменного здоровья, с неседой еще шевелюрой, которой в молодости с первого захода покорял сердца красоток из комсомольского обкома, да и теперь не собирался утомляться...

Денис даже доволен был, что отец вызвонил его на субботу-воскресенье на дачу. Работать его никто не станет занимать, далек он от дел рукотворных. Просто Охлопкину надоело сам-один проводить отпуск в поместительном доме. Супруга по воскресеньям приезжает, суббота — рабочая по ее учительским докукам: последняя рабочая неделя.

Жена даже не напрашивалась в попутчицы: все одно Дэн на даче не оторвется от ноутбука и планшета, ему тамошние красоты пофигу. К тому же сразу две студенческие еще подруги возвратились из вояжей: одна с Кипра, другая из Таиланда. Всласть за выходные пообщается с ними. Никак она своего Дэна не уговорит, как все люди, слетать на отдых в престижном месте...

Денис проехал бы свою остановку, не отрываясь от планшета, но его окликнул следовавший в том же вагоне дачник из их кооператива, знавший семейство Охлопкиных:

— Денис! Ты в столицу или к земле поближе? А то наши места за окном уже.

Вздвогнув, тот на миг скосил глаза от планшета, увидев знакомое лицо, по привычке большим и средним пальцами правой руки раздвинул картинку на экране, как бы увеличивая изображение окликнувшего его, помотал головой, возвращаясь в скучный реальный мир, кивнул дачному соседу, узнав его, потянулся за чередой выходящих на остановке дачников, многочисленных по субботнему утру. Народ, сойдя с платформы, как в сказке о трех богатырях, растекался по трем утоптаным глинистым тропинкам: прямо, влево и вправо — каждый в сторону своего кооператива; их много, тулуповских и столичных, еще с восьмидесятых годов здесь образовалось. «Геофизик» на паритетных началах делили москвичи и тулуповцы.

Денису — вправо, шагать полтора километра в обратную привезшей электричке сторону тропой, отделенной от железнодорожной линии лесозащитной полосой. С левой стороны тоже редковатый лесок. Выждав, пока «геофизики», груженные мешками, сумками, а кое-кто и с тележкой дачного скарба, утянутся в лес — чтобы никто не мешал и не толкал, — Денис закинул за спину тощую рюкзачную сумку с ноутбуком и заказанными отцом бутылкой водки хорошего качества, палкой сырокопченки и парой банок рижских шпрот, оставив в руках планшет, и двинулся по тропе, время от времени отрываясь от экрана и коротко взглядывая поверх оправы очков на ближний десяток метров утопанного суглинка. Пару-тройку раз, увлеченный действием на планшете, забывал это делать: споткнулся на колдобоине, вляпался в непросохшую лужицу, а то и вовсе, когда стадо враждебных покемонов резко свернуло на экране влево, он сам последовал за ними, врезавшись в придорожный куст...

♦ Тропа и сама резко свернула влево, пересекла небольшую рощицу и расширилась до утрамбованной

уже автомобильными колесами дороги между порядками домишек и домов кооператива «Геофизик». Опять же левый порядок начинался сразу за рощей водонапорной башней, бывшей для Дениса ориентиром по поиску своего участка. Но не было желания рыться в памяти, вспоминая: где и в какие переулки дачных кварталов нужно сворачивать. Нашел в планшете нужную функцию топографической привязки и пошел следом за стрелкой-курсором, не глядя, коротко отзываясь на приветствия дальних и ближних соседей и, особенно, соседок. — Женщины старшего возраста уважали молодого Охлопкина: хотя и рассеян малость, но совсем не пьет, некурящий, все больше молчит, не отрывается от планшета, а у себя на даче от ноутбука. Раз аспирант, то, должно быть, учится старательно по ним, задачки всякие решает. Главное — не пьет и не курит, как партия, правительство и дума всем советуют... «А мой-то Петька в городе все вечера и ночи на танцульках с девками лахудристыми проводит, под утро хмельной заявляется, по две пачки за день искуривает. Повезло же Охлопкиным с сынком! И жена его молодая да ладная такая, одета даже на даче по моде, вежливая — первой всегда поздоровается. Зазря глазастая соседка моя при нее сплетничает: мол, не пропустит ни одного встречного парня или крепкого мужика, чтобы исподтишка не окинуть его взглядом с головы до ног. Чего ей искать от такого-то мужа?»

Отец, готовясь к приезду сына, а назавтра с утра и супруги, готовил мангал к шашлыкам — жена обещалась мяса замаринованного привезти, — чистил от предыдущей копоти, стругал лучину, мелко колот на полешки чурбаки, которыми весь их кооператив снабжал коммерческий дачник Кириллов, крепкий пенсионер по военному ведомству, обладатель бензопилы, которой потихоньку прореживал березовую рощицу, выбирая для трудов праведных ненастные будние дни, когда мало кто обитает на дачах.

Отдав Охлопкину-старшему его заказ, Денис, даже для вежливости не дослушав рассказы о новостях местной жизни — кто подрался, кто напился и жену поколотил, — поднялся на второй этаж в свою светелку со старым, *винтажным*, как сейчас говорят, еще мониторным компьютером, списанным на дачу наравне со всем тем, чему места не хватает в кладовке городской квартиры. Но Денис нежно любил этот громоздкий хламовник: именно на нем, еще будучи старшим школьником, он занял почетное место во второй десятке победителей в интернетовской игре «*Diabolos chiliasmos*», что в переводе с древнегреческого означает тысячелетие господства дьявола перед концом мира. — Это было еще в первое пришествие покемонов. В соцсетях гулял упорный слух, что в этой игре участвовал сам великий Билл Гейтс под ником Майкр... Денис же тогда ловко загнал вражеского покемона в облако без возврата.

А сегодня он был невероятно близок в *new*-покемоне к завершению многоходовой и многомесячной партии в ареале условно ограниченного запретом «666» облака с принесением жертвы на престол короля Артура. Вот-вот и удача падет на него, станет ранее никем неизвестным Денис Охлопкин из страны нашей почетным оруженосцем рыцаря первой статьи из круга короля Артура. И тогда в королевском отделе облака навечно обозначится его именной виртуальный колчан стрел! Близка, совсем близка победа, надо только отсечь косою голову враждебному покемону № 1 бис.

Вошел отец, уже принявший для аппетита из привезенной бутылки, звать обедать. Денис раздраженно отмахнулся. Старший Охлопкин пожал плечами:

— Ну, как знаешь, а я в охотку поем и сосну пару часиков. Вечером знатный футбол по телеку. Впрочем, тебя это не интересует. Жаль, футбол для мужика, что для бабы... — Здесь он сбился с темы

сравнения, поскольку вчера у него загостилась молоджавая коллега из районной управы, временно незамужняя, оттого скучавшая сам-одна в домике ближнего, отделенного от «Геофизика» только проездом, кооператива «Система», заселенного бывшими работниками бывшего же тулуповского НИИ систем управления.

Ближе к трем часам пополудни Денис загнал же злодея № 1 бис в комнату без окон и с одной входной дверью, которую превратил в качество непроходимой для покемона. Но как он бешено не стучал по клавиатуре ноутбука, запараллеленного с давешним планшетом, не мог извлечь косу из хранилища инструментов преследователя. Затем и вовсе застонал, заметался, сорвав с головы наушники: помощники № 1 бис утащили-таки косу у него из-под носа и забросили в самую дикую глубь облака, обрубив *IP*-адрес. Рушились итоги трехмесячной работы!

На счастье свое вспомнил, что в хозяйственном дачном сарае, впрочем, основательном, не какой-то развалюхе, имеется и коса, которой Охлопкин-старший в охотку два-три раза в сезон окашивал сорную траву по периметру забора. Спустился на первый этаж, пробежал через гостиную, где спал после обеда с парой стопок «очищенной» на своем любимом диване отец. Лежище это еще пять лет назад, меняя мебель в городской квартире, хотели вынести к помойке, но глава семейства запротестовал: это, мол, семейная реликвия, еще бабуся моя сживала на нем, носки шерстяные внучку вязала... В итоге диван нанятый мастер перетянул; так он и оказался на даче.

В сарае Денис снял со стены повешенную на гвоздик остро отточенную косу — как раз Охлопкин-старший, готовясь к очередному покосу, отбил ее и любовно отточил до бритвенной остроты. Денис задумался: покемон № 1 бис лежит на диване, рукоять длинная будет мешать. Не долго размышляя, он

взял ножовку и на столярном самодельном верстаке отпилил рукоять у самой обечайки крепления полотнища; получилась почти испанская наваха. Ухватив за подобие рукояти — пятку с бородкой и кольцо-обечайку с отпиленным остатком рукояти, — он пару раз взмахнул этой навахой и побежал к входной в дом двери, не замечая любопытно-настороженных взглядов пары соседей — через решетчатый палисадниковый забор.

♦ Мужикам поздоровше удалось повалить на землю и связать Дениса, бегавшего по дачным проулкам со страшным окровавленным предметом в руке, мертвой хваткой зажавшей неседую еще шевелюру и выкрикивавшего: «Теперь я оруженосец рыцаря круглого стола короля Артура!» Кроме вызванных райцентровской полиции и шестнадцатой бригады из областной психиатрички, один из дачников, брат которого работал на тулуповском телевидении, позвонил и туда. Телевизионщики прибыли на запах жареных фактов первыми: психбригаде пришлось ехать долго, поскольку больница располагалась в районе на диаметрально противоположной стороне от Тулуповска. Что же касается лихих местных полицаев-ментов, то дачные кооперативы базировались на территории сельского района, в райцентре же на этот день выпал храмовый праздник. Поскольку сейчас партия и правительство крепко задружились с церковью, то и «красные шапки» приняли участие в праздновании. А дежурный по отделению и вовсе принял звонок из кооператива «Геофизик» за неприличную шутку: «Жируют городские! Перепились до чертиков. Ничего, мы управу на вас найдем. Вот с пожарниками и санэпидемстанцией нагрянем как-нибудь, штрафанем как следует!» И только мат-перемат из областного управления, куда информация уже поступила, образумила: наряд на воронке с мигалкой и сиреной помчался в «Геофизик». Для довершения большого сбора прибыли и тулуповские опера и следаки.

Служебные машины, мундирные люди, белые халаты, а главное — сбежавшийся народ из «Геофизика» и «Системы» заполнили все проезды и проулки вокруг дома Охлопкиных. Суетились меж ними телевизионщики: оператор с разных ракурсов снимал злосчастный коттедж, широким планом захватывая живописные виды окружающей природы с рощами, речкой с перекинутыми мостиками, холмистым горизонтом с неугасимым июньским солнцем, а шустря молодая корреспондентша опрашивала словоохотливых дачниц. Обратилась и к бригадному врачу: «Часто ли вам приходится с такими... гм-м, клиентами общаться — которые из компьютерных оруженосцев короля Артура (Денис не прекращал даже в машине сообщать о своем подвиге) и его рыцарей круглого стола?» — «Не то слово — часто, в пору профильное отделение открывать, — охотно пояснил осанистый врач, явно махнувший за дальнюю дорогу, — у нас в больничке один врач, из молодых да ранних, уже диссертацию сварганил по теме корсаковского синдрома* в сочетании с вялотекущей первичной шизофренией у пользователей игровых компьютерных сетей. В заведующие планируемого отделения метит, шельмец этакий. Вот к нему сейчас и повезем артуровского оруженосца!» — «Главное, даже не выпивши», — озадаченно сказала корреспондентша, на что оживившийся психиатр совсем разохотился и прочел краткую лекцию, что-де человек нормальный выпивает, чтобы создать на время в своей голове искусственный, то есть ложный медиатор эйфории — отойти на время от неприятностей серой жизни. Шизофренику же, путь к которому лежит, как в данном случае, через страстное увлечение компьюте-

* Особый вид расстройства памяти (мед.). Назван по имени первого исследователя этого заболевания, выдающегося русского ученого-психиатра Сергея Сергеевича Корсакова (1854 — 1900).

ром, этого не требуется: у него болезнь уже навечно и вовсе не ложный, а самый настоящий медиатор такой создает. «Так что, милая барышня,— матерый врачиче глазами маслянисто огладил глубоко декольтированный по жаркому времени недурственный бюст репортеши,— всегда надо настороже относиться к совершенно непьющим и некурящим людям. Если, конечно, они не ведут себя так по медицинским показаниям... не нашего профиля».

...Репортерша с декольтированным бюстом поторопила студийную команду и уже за час до местных вечерних новостей тулуповского телевидения прискакала кобылицей-однолеткой в кабинет директора: получить добро на показ сенсационного материала. Поглаживая округлую, слегка выющуюся бородку, директор, жестом пригласив пришедшую расположиться в гостевом кресле, молча просмотрел с принесенной флэшки смонтированный материал, по-купчески крякнул и сделал наставление:

— Смотрю, Наташа, ты хорошо загорела еще до середины лета. Декольте опять же... Вот только головка твоя перегрелась на солнышке!

— Что-нибудь не так, Николай Григорьевич?

— Все не так! Это сгодилось бы на ура в девятых годах, когда ты еще в школе училась, а сейчас у нас в стране регламент и порядок. Народ русский и вообще россиянский, конечно, патриот, но и без того в массе своей в полунищете живет-может, так зачем его еще пугать и раздражать твоими отрезанными головами?

— Не моими, Николай Григорьевич, а...

— Не придирайся к словам. Вот у вашего поколения, впрочем, у женщин всегда, от сотворения мира, манера оборонительная: не по сути дела возражать, а к мелочам цепляться! Ладно, проехали. Но замуж тебе, извини, наши мужики все заняты, поскорее бы: тридцать лет — пограничная черта. Бу-

дешь потом по «инту» австралийских женихов искать, нарвешься на проходимца... Впрочем, давай к делу ближе. Канал наш государственный, потому и должен избегать всяких жареных уток, хотя бы они и правдой были. Как в советское время: и самолеты на экранах телевизоров не падали, чиновники — ангелы во плоти. Главное, избави господь бог и конкурировавшая с ним «наша партия», чтобы завелась такая мода: головы отцам отсекай! Учишь вас, учишь старой школе, а у вас, молодых, все мимо глаз и ушей... ладно, не буду продолжать ниже пояса. Обидишься еще и мне голову «болгаркой» отко-черыжишь, как в позапрошлом году в тулуповском университете случилось... Шучу-шучу, моя очаровательная!

Общую мою вводную поняла. Но главное — текущий момент в первую очередь надо учитывать: на носу сентябрь месяц, день единых выборов — и в думу, а у нас в области и вовсе будут всенародно поддерживать нового, присланного Москвой губернатора. Тишь да гладь должна до дня X, как говорят военные, должна наблюдаться в области и, конечно, в наших телепередачах. А вы все со своими, извиняюсь, чужими головами... Кстати, сейчас во всем приветствуется серьезность, а верноподданический подхалимаж не в чести. Вот это надо изживать в репортажах. Не наша вина, что с предыдущими губернаторами нехорошо получалось: то на отсидку из «белого дома» прямым, или с двусмысленной статьей «по собственному желанию»... Вы же все, как только нового назначат, в смысле — сейчас выберут, начинаете на экране восторгаться до брызганья слюной: «Ох, мамочки, и повезло же нам с новым руководителем области!» Наш новый вроде как крепкий, правильный мужик — не о нем речь, а о предшественниках. Но все одно: время сейчас не то, не надо сопли умиления размазывать по микрофону и телекамере; все больше ²⁷³напирайте на трудовые

камере; все больше напирайте на трудовые будни и планов громадье. Учишь вас, учишь... Самим пора конъюнктуру чувствовать!

И еще один момент. Почему в твоём репортаже бабы-дачницы все напирают на то, что головорез этот не пьёт и не курит от рождения? Народ наш не даром всегда себе на уме, хотя и держится дураковатым с начальством всяким, — мигом вывод из твоего репортажа сделает про непьющих и некурящих. И это в самый разгар госкампании борьбы с алкоголизмом и особенно с курением! Прошедшая дума не успевала законы о вреде табакокурения принимать. Новая догонит и перегонит. Пачка сигарет уже сотенную стоит, вроде как объявлен пожизненный запрет на курение родившимся после прошлого года! Аполитично все это, дорогая Наташенька, надо государственно мыслить даже таким очаровашкам как ты. Иди, пожалуйста, а репортаж свой даже в архив не заноси, почисти флэшку.

Наташа не очень огорчилась, передала начальственную отмашку новостной редакторше, созвонилась с подружкой из главной городской желтой газеты «Толока», сторговалась о гонораре и переслала ей по «мылу» репортаж. Из «Толоки», как частного издания, жители Тулуповска и узнали о происшествии в семье Охлопкиных из кооператива «Геофизик».

...Ближе к девяти вечера Николай Григорьевич пошабашил. Вышел он из здания телерадиокомпании, бывшего областного института марксизма-ленинизма, с неприятным ощущением неподавленного раздражения — все помимо желания всплывали фрагменты наташкиного репортажа: совсем не дура грудастая деваха, а надо же такое сотворить? Нет, летняя ослабленность поистине лишает человека осторожности. Самому пора в отпуск, а неприятное ощущение он сейчас снимет по народному рецепту.

Отпустив служебную машину — «погоды заме-

чательные, пешком, Женек, пройдуся», — вышагивал к близкому началу — от кремля — проспекта, а там завернул в хорошо знакомую кафешку «Неаполь» со входом для приличных посетителей, где его поприветствовала официантка Вера, привычно подав без заказа маленький коньячный графинчик, рыбное ассорти и отдельно плошку с маслинами. Вкусы постоянных клиентов назубок знала.

В горку по проспекту до недалекого своего дома Николай Григорьевич поднимался уже со снятым раздражением. По теплому, ласковому летнему вечеру тротуар заполнен молодежью, оторвавшейся от своих компов. Никак не удавалось ему обогнать парочку, по всей видимости студентов — глаз у телевизионщика-профи наметанный: девица все хихикала, то отскакивала, то прилипала к парню, явно демонстрируя свои ладные ножки в супермини и туфлях на высоченных каблуках. Спутник же ее размахивал руками, мешая Николаю Григорьевичу обогнать его. Поневоле уши ловили вдохновенный рассказ парня: «...Понимаешь, Настюха, полтора часа гонялся днем за покемоном, а тот шарит вправо, влево, вверх, ускользает. Почти нагнал и — раз-з! На лошадь вскочил и погнал. Делать нечего, пришлось два очка себе сбросить и вызвать палача с косой...» Николай Григорьевич, заскрипев зубами от вновь нахлынувшего раздражения, грубо протиснулся между победителем покемона и в очередной раз отскочившей девицей, уже целеустремленно взял курс на свой дом, держа в голове, что завтра выходной, а в кухонном шкафчике початая бутылка подаренного неподдельного французского «каю».

♦ — Кстати, Васильич, что там в «Толоке» в сообщении о случае в твоём «Геофизике» попутно вспомнили о похожем, случившимся в нашем универе пару лет назад?

— Не мой, не мой, Андреяныч, этот злосчаст-

ный «Геофизик»! Я туда почти перестал ездить после того, как добрые коллеги по факультету меня под монастырь подвели*, использовав как раз тему моей дачи. Последнего удовольствия летней жизни, собаки, лишили! История же эта потому в прессу и телевидение не попала, да и в самом университете лишь прошелестела — вишь, ты даже не знаешь, хотя в вашем «пентагоне» люди дикие, отшельниками от остальных факультетов живете... — что, во-первых, начальство университетское, а на носу очередная пятилетняя аккредитация, нажало где надо в чиновных верхах, ничего в СМИ не попало; во-вторых и в основных, так сказать, героем дня здесь была слегка перезрелая девица, поэтому основные вестовщицы-сплетницы университета, то есть бабы из главного корпуса, по женской солидарности и врожденной, инстинктивной злобе на мужиков (не своих... а может и своих) ограничились лишь перешептыванием между собой с выводом: так ему, подлецу, и следовало!

Коль скоро эта «героиня» — наподобие Шарлотты Корде, но только не в плане высокой политической мести, а сугубо в личном, — трудилась компьютерщицей, хотя не по увлечению, как мальчик Дэн, но по профилю своей работы в служебно-техническом отделе университета, возможно все те же «покемонные» персонажи и подсказали способ отмщения неверному другу. Вне всякого сомнения, даже компьютерщики по работе, но с играми этими знакомы... А дело обстояло следующим образом.

Компьютерщица эта, имени не знаю, поэтому буду называть К., перезрела за третий десяток незамужней. А ведь все способствовало: обладательница собственной квартиры, какая-никакая, но зарплата

* См. «Административный восторг, или картинки с выставки»; новелла «Уж тем ты виноват... или в змеином гнезде».

повыше прожиточного минимума, родители средне-обеспеченные из района подкидывали на тряпки-помадки. Главное, совсем не дурнушка, все при ней, неглупа в житейском плане, язык умеренно хорошо подвешен, опять же всегда по моде прикид. Видно, как все нынешние, долго выбирала, все принца из-за горы, где славны бубны, ждала... Словом, хорошо всем знакомый типаж, у меня в подъезде сразу две таких проживают.

Тут среди женского населения поветрие пошло: раз в год обязательно слетать на забугорный курорт даже при скромных доходах, как сейчас принято зарплату называть. Незамужних волновали перспективы познакомиться на жарких пляжах с начинающим миллионером, хотя бы в рублях, на худой случай — с папиком-содержателем; замужние же руководствовались господствующим во всех умах принципом тусовки: Валька уже два раза в Таиланде побывала, а я чем хуже? Тянули за собой мужей, которым глубоко плевать на всю эту экзотику: «Что ты — турок что ли не видела? — Съезди в Москву, а то на наш рынок сходи: одни азербайджанцы за прилавками. А прочих черных и цветных толпами встретишь у корпусов общежитий политеха, то бишь сейчас университета!» Глупые они, мужья; у них весь принцип тусовки на машины направлен: у Васьки хотя и подержанный, но «мерин», а у меня дешевая азиатчина калужской сборки...

Так К. попала в Хургаду, где очаровала видного парня-египтянина на пять лет ее моложе, к тому же хорошо маракующего по-русски: учился в Новочеркасском техническом университете. Тоже компьютерщик и неженатый. Рыбак рыбака видит издалека. Так они под жарким солнцем бога Ра слюбились, что по приезду в Тулуповск уже через неделю К. пошла в женскую консультацию за направлением на аборт. Через пару месяцев, что ушли на оформление

загранпаспорта, получения рабочей визы и прощания на долгое расставание с безутешными родственниками, египетский араб Ахмет прибыл в Тулуповск, поселился у возлюбленной и занялся оптовой торговлей, замыкая цепочку посредников по доставке родных египетских даров долины Нила и средиземноморского побережья в овощные и фруктовые лавки, магазины и рыночные ряды Тулуповска.

К. расцвела красотой завершения первой молодости, сияла счастьем за своим рабочим компьютером, уже снисходительно-милосердно посматривала на своих незамужних подруг. Ахмета заглаза она именвала «мой»: «Ах, девушки, не смогу я сегодня задержаться на наш предновогодний корпоративчик, мой с работы вот-вот голодный придет, ужин успеть бы разогреть!»

Бежала домой, разогревала жирный, хорошо проперченный, как любил Ахмет, ужин как на бригаду работяг. Неторопливо, от пуза поев, тот час другой щелкал клавишами ноутбука, отправляя торговые ведомости в египетскую фирму-поставщик, затем до одури смотрел эротику по телевизору, подключенному на спутниковую антенну, купленную на деньги К., в то время как та до ночи кочегарила на кухне, готовя восточные яства на следующий трудовой день. Она постоянно не высыпалась, ибо Ахмет до утра демонстрировал преимущества секретов любви древнеегипетского культа богини Изида перед хваленной кама-сутрой...

Денег Ахмет ей не давал, поясняя, что все выплаты от египетской торговой фирмы он вкладывает в расширение своего бизнеса — на светлое будущее. «Ах ты, мой добытчик!» — восхищалась К., все чаще обращаясь к районным родителям за помощью. Восточная пряная мясная пища стоила дорого, да и Ахмет, как уважаемый коммерсант, не должен одеждой падать в грязь.

Прошли осень, зима и весна. В начале лета К. начала робко, издалека заводить разговоры об узаконении их отношений: любовная необузданность избранника уже несколько раз заставляла посещать женскую консультацию за направлениями. Сам Ахмет презирал обычные мужские средства, не достойные правоверного, а ей пилюли, даже патентованные, не всегда помогали; казалось, сама физиология не в силах противостоять неистовой мужской силе восточного человека...

Но как-то в летний воскресный, выходной для обоих, день К. отважилась на серьезный разговор. Намеренно продлив почти до полудня любовные упражнения и накормив Ахмета особо изысканным и обильным обедом, она подсела на диван к задремавшему от такого удовольствия спутнику жизни и прямо спросила о дне свадьбы. И где она будет: в Тулуповске или в его семейном кругу в Египте?

Блаженствовавший в сладостном полусне-полуяви Ахмет, без того уже привыкший особо не выбирать слова в обращении с дармовой любовницей, кухаркой и прислугой, с простодушной прямоотой потомка бедуинов, не раскрывая обленившиеся веки глаз, досадуя на помеху все более сковывавшему его мускулистое, но уже оплывающее жирком тело сну, выругался чисто по-русски. Затем добавил по существу: «Какая свадьба! И зачем мне она? И так хорошо: жратва дома всегда готова, проживание дармовое, русская мягкая баба всегда под боком. Вот еще пару годков поживу здесь, денег подкоплю, заведу побольше знакомств в торговых сетях в Тулуповске и в Москве, потом вернусь в Египет и открою свою фирму. Даже название придумал уже: «Рашен поток: Ахмет и сыновья». — «Какие сыновья?» — К. все еще лелеяла мечту о замужестве; может их будущие сыновья? — «Какие-какие, у меня ведь дома жена и двое маленьких сыновей. Подрастут — будут папе в торговле помогать...»

Ахмет окончательно заснул, откинув на низенькую диванную подушку-валик голову, так что онемевшая К. видела только мощный кадык и подбородок, заросшие кучерявистой черной бородкой «а ля моджахед», уже третий год бренд номер один во всем мусульманском и европейском мире.

К. никогда не страдала гипертонией, поэтому не могла понять: отчего это в голове застучало, сердце забилось, неведомая раньше легкость и невесомость овладели телом. А сознание как-то раздвоилось, словно шумно бегущая река наткнулась на песчаный островок и побежала вправо и влево, огибая препятствие. Она встала на не ощущаемые, но крепко держащие ее ноги, по привычке сняла со спинки дивана плед с арабскими витиеватыми узорами и бережно укрыла под самый заросший кадык возлюбленного. В голове лейтмотивом зазвучала, бесконечно повторяясь, песенка про город Сочи, часто исполняемая музыкальными эфэм-радиостанциями: «... А впереди еще три дня и три ночи, и шашлычок под коньячок вкусно очень».

Подпевая о Сочи засевшему где-то между затылком и теменем популярному певцу, К. отправилась на кухню, достала из заветного ящичка все имевшиеся деньги, положила в свою сумочку, подумала: «Если мало окажется?» — Прошла в прихожую и впервые в жизни обшарила чужие карманы — рабочий пиджак Ахмета. Переодевшись в уличное, вышла из квартиры, тихонько притворив дверь.

Ноги сами по себе несли ее — куда им надо. Некстати вспомнила, что мужики, крепко выпившие, называют это автопилотом. Пилот? — С какими тайными надеждами и суеверным страхом летела она когда-то на «боинге» в Хургаду... Магазин инструментов «Подмастерье» располагался в их квартале через пару дворов. Когда расплачивалась за «болгарку», хорошо знакомую ей — у хозяйственного

отца в их собственном доме все имелось; даже дочери пару раз урок пользования преподавал, — заигрывающий парень-продавец поинтересовался: зачем, мол, такой красоте грубый мужской механизм? — «В Сочи еду», — ошарашила она любознательного и вышла из магазина; правую руку оттягивала тяжелая коробка. Несмотря на тяжесть, она торопилась: Ахмет может проснуться, а ее дома нет. Кто же ему на диван подаст полдник с кофе и рахат-лукумом?

...Через пару часов ее увезла специальная санитарная машина.

♦ — Ты, Васильич, рассказываешь эту скорбную историю, как сам присутствовал?

— Нет, избави бог, это все вездесущая «Толока» расписала. Конечно, оба эти случая, хотя и показательные, но крайние по своим проявлениям...

— Но ведь крайности не исключения. Так логика утверждает, а против нее никто не возразит. Хотя бы сами исключения подтверждают правило — опять же из логики следует. Ты, Васильич, свято исповедуя принцип нет худа без добра, после твоего изгнания из учебных профессоров в профессораченые со студентами не общаешься, кроме как слыша из своего кабинета гортанные вопли ближневосточников навроде «опят дóцент Тимошкиноффа, <далее по-русски нецензурно>, мнэ две отработка назначила!» Я же доцент-лектор, хотя бы в «пентагон» мусульман, наших среднеазиатов и прочих восточных, не допускают, поэтому, что называется, в лицо вижу подрастающее поколение. Этакое у них на лицах, исключая девиц, компьютерное недоумение: что там препод про флаттер крыльев ракеты распинаятся? На коленях же у них какая-то дрянь гэджиковая, укрытая столешницей от меня (но я-то вижу в лекционном зале прекрасно!), и руки их правые — у левшей левые, — опущенные под край стола. Понимаю и сочувствую: на наш военно-техничес-

кий факультет народ идет безденежный, «малобалльный» по ЕГЭ, поскольку все места у нас бюджетные — Минобороны поддерживает. Но, что радует, в последние годы идет и поумнение то ли самих абитуриентов, а скорее их родителей, в том смысле, что инженеры, в особенности по военной части, сейчас востребованы. Наконец, по тулуповской семейной традиции отцы и деды, потомственные оружейники, все же наставляют своих чад на путь правильный. Девушки же... что с них возьмешь, даже сугубо средненькие внешностью и из таких же по доходам семей все одно заражены телесериалами и глянцевыми журнальчиками — в мечтаниях о женихах, на смокингах которых бэджик прикреплен: «Не женат, без в/п, годовой доход 1 млн. \$» (На худой конец — 1 млн Р). И в мыслях ее уже ответ готов: «Спортивна и умна, без комплексов, обожаю плавать в бассейне, общительна, люблю кино и большую постель, 21 год, 172/42/2, жилищно и материально — ищу спонсора».

И если ребята все свободное время стучат по клавишам компа, изучая хакерское ремесло, порносайты и переписываясь в «Одноклассниках» — кому как повезло в жизни, то девушки методично смотрят объявления о знакомствах, предпочитая престарелых женихов из Австралии и Новой Зеландии. Ну что в этом плохого, Васильич? Перебесятся с этим компьютером, ребята пойдут трудиться, коль скоро партия и правительство взяли курс на ликвидацию массового торгашества и спекуляции, в наше родное НПО «Меткость» или в ЦКБ агрегатостроения, где я по молодости работал, а девушки, если не полные дуры и разумных матерей слушаются, то к середине третьего десятка все же выйдут замуж за бывших одноклассников-инженеров, соседских, дворовых еще с детства знакомых, васек и петек, заведут детишек, которых и будут лелеять и воспитывать, одеваясь дома в бай-

ковые халаты. И мужа любить, если пьет в меру (у каждого на Руси своя...), деньги приносит и не изменяет в нахапку. Про компьютер забудет на втором году замужества. Дай, бог, такое счастье всякой!

— Так-то оно так, Андреяныч, твою мысль вполне поддерживаю: пофигистический, неконформистский характер природного русского человека и случившаяся — нет худа без добра, повторяюсь — полная изоляция, опять же в очередной раз, России в мире, нищета от разбоя девяностых годов и пока что успешная патриотическая консолидация в стране делают в целом полезную вещь в части противодействия полному компьютерному умозамещению. Особенно патриотизм большую роль играет, даже если он и идет сверху, а чиновники переигрывают и во многом в квасную форму переводят. Это как в «Скверном анекдоте» Федора Михайловича мелкий чин заявляет, что-де он намерен верноподданнически сбрил свои бакенбарды. Главное, чтобы здесь административно не поставили все с ног на голову. Опять же, если хорошим словом, даже пока что призывом к добрым делам разбудить русака, то вспомнит: по природе же и тысячелетней истории он и есть истинный, единый в мире патриот! И тогда ему повальная западно-восточная компьютеризация с ее умозамещением нужна как попу гармошка... поп и с кадилом проживет. А русский человек и дедовскими счётами обойдется: посчитать сколько от зарплаты или пенсии после оплаты коммуналхозовских счетов на месячное прожитие останется...

— Или сколько атомных бомб можно снарядить из тех тридцати с лишком тонн оружейного плутония, что все-таки, разорвав договор со Штатами, намеренно решили не уничтожать по соглашению начала двухтысячных.

— Сразу видно человека, приближенного к военному делу! Но все равно и России когда-то не

избежать компьютерного умозамещения. Не потому, что жизнь народа резко улучшится и мир нас полюбит. На это надежды никакой. Этот мир сделал нашу страну вечным изгоем — из-за специфики русского характера. А насчет любви к нам Запада-Востока, то здесь лучше нашего известного политика, комментировавшего в теленовостях установление дипломатических отношений между Штатами и Кубой, не скажешь: «Не сумели задушить санкциями, теперь задушат в объятьях!»

— Как же, помню прекрасно. С виду человек крепкий в убеждениях, правдивый в меру качеств высокого чиновника. Везде себя испробовал: и партию накануне очередных выборов организовал, которую вроде как сняли с участия за националистическую рекламу, оттуда сразу постпредом в НАТО, после чего очередной скандал: сдал аэродром «подскока» в Афганистан америкосам. Оправдываясь, или объясняясь, на экране ТВ говорил, смеючись, что-де почему не позволить им перегружать бутылки с питьевой водой и кока-колой для утоления жажды натовским воинам-оккупантам. Зато сразу четыре тысячи новых рабочих мест для ульяновских жителей появятся! Что-то никто не мог сообразить: неужто так много глоток хлещут воду и пепси-колу, что для ее перегрузки требуется аж четыре тысячи работяг? Впрочем, политика всегда и сейчас в особенности дело тонкое... если не сказать по народному... Господь им всем навстречу.

— Я, Андреяныч, все же завершу сегодняшнюю тему. Перевод всего человечества в придаток компьютерных, телекоммуникационных сетей есть основная задача глобализаторов, то есть пока тайного мирового правительства: создание полностью управляемого — кем надо — человека-робота. Как сам прекрасно помнишь, до появления телесетей электронные вычислительные машины, кстати, первые, еще

релейные счетные машины, были почти одновременно созданы в Англии Тьюрингом и нашими в Харькове. Сразу после Второй мировой войны и тоже одновременно разработаны в СССР и США (машина ЭНИАК) электронные, ламповые ЭВМ. В конце пятидесятых — первой половине шестидесятых годов мы шли на равных с Западом, прежде всего с Америкой, в создании вычислительной техники: военные, космос и хозяйственное планирование требовали.

Американцы тогда создали *IBM-360*, которая стала исходной платформой для всей вычислительной электроники вплоть до сегодняшнего времени. У нас же пошли по другому, отличному в части архитектуры и программного обеспечения пути, разработав и запустив в серийное производство машину БЭСМ-6*, которая по производительности, а главное, по перспективам модификации намного превосходила *IBM*-систему. Именно на БЭСМ-6 расчетно стояла наша, передовая тогда, космонавтика, ядерный паритет, военное управление, вся высокоточная наука и так далее.

Но здесь впервые американцы использовали опыт германских спецслужб Третьего рейха, которые перед войной с нами целенаправленно разрушали руками явных и неявных агентов влияние наукоемкие и вообще стратегические отрасли советской науки и промышленности. Кстати, с их подачи и отправились рубить сибирский лес и добывать колымское золото все сотрудники харьковского института вычислительной техники... Глупый Ежов всему верил, даром что был гомосексом, а у Сталина, даже при его всеобъемлющем уме, не до всего доходили руки. Американцы уже при своих агентах тайного влияния доби-

* Большая электронно-счетная машина, вариант разработки 6.

лись, что наука и промышленность Советского Союза, отвергнув архитектонику БЭСМ, перешла на систему ЕС (единая система), тупо дублирующую *IBM-360*. Это и было началом заката самостоятельной электронно-вычислительной политики СССР. Я, Андреяныч, не умозраительно все это говорю, а по разговорам с моими московскими учителями, академиками и профессорами еще старой, послевоенной закалки, которые в годы аспирантской молодости работали на БЭСМ-6 и чудом — до сих пор ведь действуют в Штатах ограничения Вейника и кого-то еще — приобретенной айбиэмовской машины.

Естественно, вся эта вычислительная техника использовалась по сугубому назначению: для нужд науки и промышленности. И персональные ЭВМ, что сейчас устойчиво называют во всем мире компьютерами, появились одновременно в европах-америках и у нас. Об этом сейчас в СМИ предпочитают не вспоминать, но так ведь было! Помнишь, дружище, как в бытность нашу в «Меткости» академик Гусаков распорядился: на подпись ему исходные для утверждения чертежи подавать только начерченные в компьютерной графике? И были закуплены отечественные компьютеры. Дискеты для них до сих пор зрительно помню: раза в два меньше, чем у американских, прямоугольные, формата чуть больше стандартной визитной карточки. Правда, мониторы были черно-белые, цветные под них только осваивались во Львове.

— Как же не помнить! Конструкторы и схемотехники взвыли: делать им нечего, чем программу «автокада» изучать для машинной перерисовки уже любовно вычерченные карандашами на кульманах чертежей. Наш человек привычен ко всему, в том числе к прихотям высоких начальников. Мигом папашей нашли: как конструкторов не отвлекать от серьезного дела и Гусакову (что за блажь на него,

серьезного человека, накатила?) угодить. — Давай, Андреяныч, традиционную за здоровье Мичмана прием. Опосля продолжу. — Мичман отсалютовал ленивым движением полосатого хвоста.

♦ — Итак, Васильич, я, как конструктор, прекрасно помню эту панацею. В каждом небольшом отделе, либо, наоборот, в большом секторе начальники тотчас отыскивали проворного парня или неглупую девицу, окончивших политех по кафедре вычислительных машин, гарантировали им регулярные повышенные месячные и квартальные премии, а трудодни их свели к копированию готовых чертежей на ватманских листах с помощью «автокада» на компьютерном экране с последующей их распечаткой на принтерах. Академик Гусаков, которому среднеотвественные начальники отделов и отделений приносили на чистовой просмотр (академиком настоящим был, в чертежах все до последнего винтика мигом схватывал!) и утверждающую подпись кипы и сброшюрованные папки механически отпечатанной продукции ума конструкторов, поощрительно ухмылялся: «Может ведь, если захотите!» И делал в своей всепамятной голове отметку о повышенной премии успешному в деле компьютеризации подразделению... Обещал повернуть одно дельце и осчастливить конструкторов, не дожидаясь освоение цветных мониторов во Львове и отечественного программного обеспечения под них, американскими *компьютерами* — академик был ироничным юмористом.

Действительно, целую сотню цветных айбиэмовских *компьютеров* скоро в «Меткость» доставили! Историю же их приобретения детективную знаю от своего дружка Гришки Афремова*, парня ловкого, примелькнувшегося даже в своем небольшом чине

* Один из персонажей книги автора «Зато мы делали ракеты» (М., «Московский Парнас», 2015).

Гусакову. Гришке он и поручил сварганить сделку. Как помнишь, тогда упомянутое мною выше ограничение Вейника распространялось даже на «персоналки». Приходилось их приобретать через посредников... Афремов с устной гарантией академика договорился с председателем знаменитого на всю страну тулуповского колхоза, занимавшегося разведением племенных быков. Как раз тот договаривался с финнами о поставке большой партии свежеподросших и готовых к основной своей работе племенных бычков. Контракт переписали на бартер: мы вам быков, вы нам сто компьютеров. За них Гусаков щедро расплатился с председателем — Героем Социалистического Труда деньгами Министерства оборонной промышленности. Все остались довольными: Гусаков, геройский колхозный пред., трудящиеся финляндского сельского хозяйства и Гришка Афремов, получивший за свою патриотическую комиссионерскую деятельность первую серьезную должность начальника сектора. Эх, теплом на душе повеяло от ностальгических воспоминаний!

— Ностальгия, Андреяныч, — это превосходно. Человек же с серьезным жизненным опытом прекрасно видит, осезает, в частности, и эту цепочку: историю развития вычислительной техники, в итоге приведшую к паранойе нынешнего (а что еще дальше будет — страшно подумать...) компьютерного умозаменения.

Понятно, научно-технический прогресс неостановим. Как не имеет останова и сама эволюция человека, предначертанная высшими законами Мироздания. И совершенствование вычислительных систем не имеет чем-то ограниченного предела. В целом все на пользу человечества, оговаривая, быть может, только сомнительность таковой от усовершенствования оружия... Но даже и здесь нечто похожее на пользу имеется: переход к высокоточному оружию, не мыс-

лимому без совершенствования «вычислоков». — Раз высокой точности попадания, значит меньше потери живой силы в воюющих армиях, а особенно в массе гражданского населения.

В идеале мыслилось и где-то до восьмидесятых годов исполнялось: вычислительная техника и их телекоммуникационные системы используются только по их прямому назначению: промышленность, связь, различные формы обслуживания, военная техника. Связаны с ним по работе или службе только специально подготовленные специалисты. Как говорил один из персонажей «Поднятой целины» Шолохова, что-де восемь часов на заводе отслужил, затем тросточку в зубы и гуляй не хочу... Так и компьютерный спец, выйдя за ворота места работы-службы, занимается до следующей трудовой смены чем угодно, только не стучит по клавиатуре...

Точно так же благолюбиво начинались сотовая связь — для телефонного обслуживания Скандинавии, где горный рельеф и разреженное население не позволяли экономически разумно тянуть кабельные или проволочные сети. А вот интернет целенаправленно создавался... на случай термоядерной мировой войны или космической планетарной катастрофы. Имелось (и сейчас, конечно, имеется...) в виду, что при таком катаклизме все же жизнь в ее высшей, человеческой форме на Земле где-то фрагментарно сохранится, но погибнет вся людская инфраструктура: промышленность, весь ареопаг науки, все материальные хранилища знаний — словом, все погибнет из созданного человеком за весь период цивилизации и культуры. Останутся на планете тысячи, малые сотни, даже десятки людей, не особо блещущих интеллектом. Но при них в разных частях света сохранятся остатки интернета в виде компьютеров, фрагментов сетей, хранилищ сайтов, на которых находятся в памяти какие-то знания и пр. То есть новая

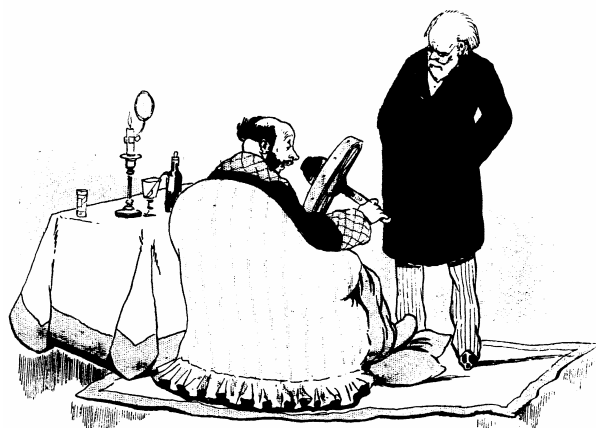
цивилизация начнется не с овладения дубинкой и каменным ножичком, но фактически с докатастрофного уровня знания и технологий. Вот начальная, базовая цель создания «всемирной паутины». Пояснять здесь особо не надо.

Но все благие намерения в руках человека рано или поздно ведут в ад. Примерно в таком смысле говорили Августин Блаженный и Данте. Уже вскоре сотовая связь, персональные компьютеры и — главное — интернет были «перехвачены», с одной стороны, промышленностью капитализма-империализма, а с другой — тайным (пока) мировым правительством. Первая поставила все на поток и бесконечное усовершенствование, свято исповедуя принцип «предложение навязывает спрос». Второе же все сделало мощнейшим информационным инструментом глобализации. Что получается — прекрасно знаем: человек все более становится винтиком — придатком всемирной, хорошо управляемой биотехнической системы. Самое существенное то, что такой человек-винтик с полным умозамещением приобретает исключительное компьютерное, цифровое мышление. Мы еще со своей позиции творчески, аналогово мыслящих людей называем это паранойей за клавиатурой, хотя видеоскайп и голосовое общение с машиной уже и клавиатуру делают излишней, но ведь для молодых поколений все это становится обычным. Иначе они свою роль в мире и не понимают, не представляют!

Однако, по последней и давай собираться, пора по домам.

Мне всегда обидно за некоторых животных, особенно за свинью. Это очень чистоплотное, уравновешенное сельскохозяйственное животное, стержень мясной промышленности. До сих пор человечество не придумало лучшей закуски под сорокаградусную, нежели соленое сало с чесноком или деревенская глазунья из двух десятков яиц на сале и посыпанная укропом... А вот поди же, самые дурные наклонности наших демократов ассоциируют со свиньей. Допустим, понятно еще выражение «свинья в ермолке» — это о реформаторах экономики и государства первого призыва. А какое отношение наше парнокопытное имеет к половой распущенности (та же порнография от «порхиа» — латинского наименования животного)? Ума не приложу... Может потому все, что нормальному человеку наиболее противны гипертрофированные половые устремления к несовершеннолетним девочкам со стороны зажавшихся, толстых как свиньи, «папиков» — владельцев департаментов, нефтяных труб и всей нашей жизни?

*Наука в наши дни еще продолжает дотле-
вать. Пока живы старые профессора, некогда де-
лавшие мировые открытия; иногда и они востре-
бованы новыми хозяевами жизни. Например, чи-
тает лекцию невнимательно слушающим сту-
дентам (в университете от армии косят) про-
фессор Н., мировая знаменитость в части гиро-
скопов, а его срочно к ректору: «Звонил наш об-
ластной олигарх М., затребовал лучшего специа-
листа вашего профиля. Так что срочно к нему
оправляйтесь, а М. за это обещал отремонтиро-
вать один из наших корпусов». На следующий
день к корпусу подтянулись строители, а ректор
снова вызвал Н., сгорая от любопытства. «Что
же М. потребовалось?» — «Да так... заинтере-
совался работой игрушки-волчка сына, просил до-
ходчиво объяснить». Ректор отвел глаза и пере-
менил тему разговора. Почему-то о шахматах
заговорил.*

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ: НЕ ПО ХОРО́ШУ МИЛ, А ПО МИЛУ ХОРОШ

Величайшая опасность — потерять самого себя — может подкрасться к вам незаметно, словно ее и нет; любую другую потерю — руки, ноги, бумажки в пять долларов, жены и так далее — вы непременно заметите.

Карсон Маккаллере «Часы без стрелок»

♦ Весь остаток (от «рождественских каникул») января и первую половину февраля месяца устойчивая зима с обильным снегом — словно в советские годы, когда и сахар был слаще, и вода мокрее... — наши друзья по четвергам, пропустив только один, пришедшийся на юбилейный день рождения супруги профессора Скородумова, наслаждались лыжными пробежками, обеденными кулинарными изысками Тихоновны, народной мудростью Прокофьяча, главное — душевными беседами у пылающего камина под ободряющее сонное урчание Мичмана. И оседлый цыган Урупкин сверх меры доволен, продавая городским гостям всякий металлический хлам, отыскиваемый на развалинах клуба — бывшей помещицкой усадьбы. На вырученные за зиму деньги чудаковатых профессоров, хотя бы Николай Андреянович состоял в чине доцента, Урупкин справил себе вместо тяжеленного пальто «гроб с каракулем» удобный китайский пуховик с капюшоном, а верной своей овчарке — новый ошейник и новомодный пружинный поводок с автоматическим его удлинением и укорочением. — Оба тоже из Поднебесной, нынешней мастерской мира по части ширпотреба.

Много о чем Николай Андреянович и Игорь Ва-

сильевич переговорыли в части умозамещения, нахлынувшего на мир божий в эпоху глобализации, будь не к ночи она помянута. Имея еще осенью объявленное коллеге намерение по итогам бесед у камина и продуманного собственного взгляда написать и издать популярную книгу по такой занимательной теме, профессор Скородумов, счастливый, а может оттого и несчастливый, обладатель абсолютной памяти, накрепко запечатлевал все их диалоги и монологи, равно как меткие словечки Прокофьяча, в голове. Он не то чтобы гордился такой организацией своей памяти, но признавал ее и объяснял:

— Это как у первой скрипки большого симфонического оркестра: все музыканты, даже редко вступающие барабанщик и литаврщик, играют по нотам, что разложены перед ними на пюпитрах, и только первая скрипка нот не имеет, играет стоя рядом с дирижером, который единственному ему и пожимает руку после исполнения произведения. Так и обладатель абсолютной памяти, которую не пропьешь и на иные искусы не променяешь, обходится, например, при написании книги, безо всяких словарей и энциклопедий, учебников, справочников и всего другого вспомогательного, если, конечно, он раньше встречался с описываемыми предметами... Я вот помню все, начиная с пятилетнего своего возраста. Понятно, что таким персонажам жития умозамещение не грозит.

— Необъятное не обоймешь, Васильич...

— И я к тому же. Вот ты помнишь много пословиц, поговорок, фразеологизмов, а у меня с этим некоторый пробел.

— Все от того, Васильич, что фольклор всякий вбивается в голову человеку, сызмальства жившему в народной, так сказать, среде. У меня мать, как ты знаешь, из архангельской деревни, где, наверное, посейчас говорят, словно словарь Даля наизусть знают. Отец же из калужских старообрядцев —

«поповцев», то есть имеющих в брянском Новозыбкове своего церковного начальника с титулом: архиепископ имя-рек Новозыбковский, Московский и Всея Руси древлеправославный. Калужские же жители вообще, староверы в особенности, о чем всегда писали наши классики, отменные острословы, особенно проворные на ядовитые прозвища, что приклеиваются к «осчастливленному» на всю жизнь...

Здесь, стараясь не отвлекать гостей от ученого разговора, тихо вошел Прокофийч, начал копаться в угловом ящике-комоде, где хранил по им заведенному порядку всякий мелочный крепеж: винты, болтики, шурупы, различные скобы и прочее. Что-то ему срочно понадобилось по хозяйственным делам. Копаясь в россыпях железяк, тихонько бормотал: «Дожили, мать твою ити, нормальной гайки и винта не найдешь; все китайщина одна, штампованная из никуда не годного ржавого железа, что Урупкин тащит Васильичу и Андреянычу с помоек всего поселка...»

Понимая, что хозяин своими делами занят, Скородумов перехватил рассуждения коллеги:

— Опять к тому же все. Порой одна меткая народная присказка — не в бровь, а в глаз — может заменить многие слова рассуждений, исписанные страницы... Вот всю прошедшую неделю бился с определением самого процесса умозамещения в том смысле, что здесь, повторюсь из ранее сказанного, все с ног на голову ставится. Здравое говоря, все качества общепризнанные отдельного человека, человечества в целом являются самодовлеющими, выработанными за тысячелетия цивилизации и культуры. И мы с тобой, Андреяныч, сформировались под действием этого самодовления. То есть характер человека, его мотивация и поведение общественно оцениваются с позиции общепризнанных же качеств. По-школьному говоря, чего ты достоин с этих позиций, такую отметку в свой жизненный дневник и получаешь: от

очень плохо, то есть «кола», до отлично с двумя плюсами.

В эпоху же глобализации, то есть вселенского умозамещения, все это не срабатывает. Точнее — срабатывает наперекосяк, как бы назло самой человеческой природе. И школьную отметку тебе ставит учитель-жизнь не по степени следования общепризнанным качествам, но сами эти степени «подгоняются» под заслуженную, чаще незаслуженную, отметку. Как-то в этом роде. Яснее выразить не получается...

— *Не по хоро́шу мил, а по милу хорош*, — вскользь произнес Прокофьич, выходя из каминной комнаты с зажатыми в ладони винтами и гайками, отысканными-таки в comodном ящике.

— Во-о-т! В несколько слов присказки Прокофьич уложил все мои словопренья. Именно так и определим сам процесс умозамещения.

...Многое еще обсудили за январские и февральские четверги наши доморощенные философы и психологи. Впоследствии профессор Скородумов по памяти записал диалоги и монологи.

♦ — Очень спорен вопрос, Васильич, о женском умозамещении. Вижу, что согласен: только-только подцепил вилок на закуску маринованный Тихоновной рыжик, да рука дрогнула, грибок шлепнулся обрат в тарелку к своим собратьям. Это значит, мысль твоя мигом выдала: да! И сигнал этот тотчас промчался от головы по нейронам, достиг руки с вилок, а та, в смысле рука, по законам мехатроники восприняла это «да» как приказ расслабить мышцы пальцев, отсюда и тремор их и задрожавшая вилок. Ведь как мы беззвучно одобряем? — Правильно, соглашающе мотнув головой и вскинув руки с распрямыми ладонями...

— Сразу видно инженера-военспеца, до тонкостей психофизиологических, даже не вспоминая об

этих мудреных словах, продумывающего обращения бойца с оружием: от пальбы из «калаша» до работы на пульте управления запуском крылатой ракетой! Образно, образно объяснил, Андреяныч, упущение мною закусочного рыжика. Еще же яснее свежим анекдотом пояснить — на тему басен Крылова. Сидит ворон, именно ворон, что сто лет живет, а не глуповатая ворона, на дереве и держит в клюве кусок сыра, что где-то улецил, философски размышляя: сейчас его в организм ввести или до табельного часа обеда подождать? Здесь, как положено, Алиса Патрикеевна подбегает, начинает ворона с понятной целью нахваливать. Но ворон в возрасте, еще советскую среднюю школу окончил, басни дедушки Крылова знает, потому — молчок. Лиса уже вся извертелась, все подыскивает слова: ворона удивить и разговорить. Вспомнила: пробегая лесом, на каждом дереве плакат видела: зовут всех голосовать на выборы. И к собеседнику: «На выборы в воскресенье пойдешь?» Услышал тот некрыловские слова, изумился и от неожиданности верноподданнически каркнул: «Да!» Сыр выпал, с ним была плутовка такова.

Но ворон, как истинный философ, не огорчился особо и только подумал: «А что бы изменилось, скажи я «нет»?»

— Ха-ха-ха! Ну, Васильич, до слез аж прошибло! Нет, вернее народа, того же Прокофьяча и крыловского ворона, не скажешь. Пусть наши добрые думцы на ворона не обижаются, не принимают законов о регулировании численности этих мудрых птиц.

Кстати, ворон-то вернее нас с тобой о сути женского умозамещения сказал и подумал: и да, и нет можно понимать. Даром, что сам он не стайный, как серые вороны, а весь свой длинный век сам-двое со своей воронихой живет, характер женский до тонкостей изучил.

Женщина, вне всякого сомнения, друг человека, как сказал товарищ Саахов, но мышление, как говорил другой бывший товарищ, у нее сконструировано природой, эволюцией, как ты любишь говорить, отличным от чело... тьфу, мужика. А именно: пресловутое и обидное для их пола отсутствие логики. Раз так, то левое полушарие мозга, ответственное за утилитарное, компьютерное как опять же ты настаиваешь, мышление-размышление, у них отдыхает. Исходя от принятого в математических науках противного, теорема доказана: женщина сугубо правополушарная, то есть мыслит исключительно творчески-аналогово, образно, память у нее, очаровательной, преимущественно ассоциативная и мнемоническая. Это все слова из твоего, Васильич, научного репертуара. Значит, она вовсе и не подвержена умозамещению, да?

— Совершенно справедливо. Особенно хорошо ты сказал о мнемонике, что у человека — имею в виду оба пола — проявляется в жестикуляции руками, динамичной мимике лица и, простонародно говоря, беспрестанном верчении головой. Все это по авторитетному мнению психологов есть признак угнетенной логики мышления, в то же время — это отменно вычерченный портрет среднестатистической женщины. Поздравляю, теорему ты блестяще доказал! Еще что имеешь по этому поводу сказать?

— Имею. Вообще бессмысленно вести речь об умозамещении в приложении к женскому сословию. И не потому, что, как обозленные мужики ворчат, дескать, у баб ума нет. Или по присказки: у бабы волос длинен, да ум короток... Не-е-т, по сообразительности и памяти, хотя и своеобразной, зачастую мужик чурбан чурбаном, а женщина такую хитротень наведет, что впору усомниться: а верно ли, что теория Эйнштейна есть высочайшая мудрость челове-

ства, ведь только что твоя собеседница безо всяких степеней и званий, а то и вовсе со школьным лишь образованием, как дважды два четыре, разложив по полочкам, доказала: все в мире относительно, особенно в части порядочности женского пола — если я сейчас изменяю мужу с тобой в самой откровенной физиологической близости, то это вовсе не означает, что, сам разведясь и женившись на мне, ты не приобретешь самую верную в мире спутницу жизни... И так далее в этом же роде.

Вывод же по моему мнению таков: если и идет речь об умозамещении у женщины, то только и исключительно как римейк — вот до чего СМИ довели! — Уже и по-русски ничего не скажешь... — с умозамещения у мужчин. Впрочем, это было еще в архидревние времена в библии затверждено: жена, да оставь род свой, очаг домашний и следуй за мужем своим. Яснее чем в этой канонической формуле не выразишь сущность женского умозамещения. Или как в фольклоре советской эпохи: если, товарищи, я и допускал левизну или правизну в своих делах, то только следуя изменениям в линии партии, которая всегда права!

Когда говорят, что-де бабы бегут впереди паровоза, мигом перехватывая изменяющиеся реалии бытия, то это всего лишь констатация сущности женской: продолжение рода. Не больше и не меньше. Мы же всегда должны быть им благодарны: политиканствуют, воюют, умозамещаются мужики, а они хранят очаг. В очаге угли, из которых разгорится пламя. Слава им, женщинам!

То, что они слепо и безоговорочно принимают все, что окружающая жизнь в лице телеящика им преподносит, есть их пофигизм, говоря по-русски, к чему угодно, что не касается семейного очага. Неважно какого: старинная газовая плита и такая же

колонка в квартире-хрущевке, доставшейся от бесплатных советских времен, или трехэтажный коттедж с собственной гольф-площадкой с непременным искусственным озерцом по ее краю — от несправедливых капиталов супруга, знатного вора, честного олигарха или чиновника-взяточника высшего губернского ранга. О столичных их коллегах и вообще промолчим. И у нас в провинциальном Тулуповске из четырех предшествующих губернаторов только один, дважды всенародно — и искренне! — избранный, с почетом ушел на заслуженный отдых, то есть вернулся к руководству прославленным колхозом-племзаводом, который мы с тобой вспоминали в связи с детективной историей о получении гусаковской «Меткостью» забугорных компьютеров... Итак, главное — семейный очаг.

Если же встречаются среди женщин действительно умозамещенные, то это по части клиники неврозов, а то и вообще потенциальных клиентов лечебниц с умиротворяющей желтой окраской фасадов. Более того, средствами пропаганды СМИ уже свыше века существуют их массовые сообщества: от давних суфражисток до нынешних феминисток, уже вводящих в столбняк руководство и население европ и америк. Так полагаю, Васильич, все это от неудавшейся семейной жизни; отсюда половая неудовлетворенность, противофазно, выражаясь техническим языком, переросшая в ненависть даже не столько к мужикам, но и вообще к институту семьи, как ячейки общества.— По Энгельсу Фридриху.

Но даже они, бедные и умозамещенные, инстинктивно ощущают себя женщинами. К примеру — сейчас в Европе бум: против обрезания женщин-мусульманок, то есть домашнего или хирургического лишения их клитора — базовой эрогенной зоны. Казалось бы, какое дело белым европейкам до

традиционного исламского адата, или как он там называется? Но нет, забыв о всяком своем феминизме, где вроде как мужик и не нужен, вся женская Европа закричала во всех разэтаких фейсбуках, социальных сетях, на телевидении и радио о лишении бедных мусульманок чувственного удовольствия половой жизни! Забыв обо всякой толерантности и уважении к чуждым нравам, они на уровне парламентов, пресловутого общественного мнения, агрессии уличных протестов всех и вся взбудоражили... кроме самих европейских мусульманок — предмета столь трогательных забот белых феминисток.

Именно в этом сюжете проявляется органическое женское качество определенной двуличности. Великий наш фольклор определил это присказкой: на селе Селифан, а в городе Степан. Одно могу сказать, восхищаясь природной крепостью женской натуры: как Россия, хотя и увы, будет последней неумозамещенной страной в мире, так в этом зазеркальном мире лишь женщины в основе своей психической конституции сохраняют толику здравого ума. За женщин, Васильич, как наших, так и не наших, чокнемся! Ведь даже деньги они любят не за их власть, как мужики, а всего лишь за их блеск, понимаемый обобщенно.

♦ — Знаешь, Васильич, если главный движитель, опять же выражаясь языком ракетчика, всеобщего умозамещения суть правящий тайно и явно всемирный «клуб глобализаторов», то приказчиками его, то есть сугубыми исполнителями являются в явной, открытой для всех ипостаси средства массовой информации. Ни для кого не является загадкой: почему они, вроде как принадлежащие к различным государственным образованиям и их блокам, конфессиям, традиционным этическим нормам и пр., дуют в одну дуду. Даже не особенно обременяя себя маскировкой национальным колоритом, степенью тотали-

тарного или демократического устройства, опять же «прочая». Правильно молодчина Мичман в своем сне соглашающе махнул своим лисьим хвостом: СМИ давно уже стали транснациональным субъектом глобализации, а значит и умозамещения. Исключая, быть может, полностью автаркическую Северную Корею. Но исключения общее правило только подтверждают.

Я сам ломал голову: как они умудряются слушать только тайного своего управителя, к тому же «размытого», как удаленное интернетовское облако, в то же время держа нос по ветру и внешне вроде как ни на йоту не отступая от «генеральной линии партии и правительства», как говорилось у нас при генсеках? И у нас, и у «них»... вообще по всему белу свету.

— Все же, Андреяныч, чувствую по твоей торжествующей интонации и ссылками на тайные мысли спящего Мичмана, ответ ты нашел, да?

— Так точно. Яволь, герр профессор! Эти самые информационные средства, даром, что трудятся в них высокие профессионалы второй древнейшей... а заодно, в переносном смысле выражаясь, и первой древнейшей, нашли великолепную методу, которую я нарек, даже немного погордившись собой, *принципом тусовки*. Ни много, ни мало. То есть при умозамещении формирование общественного мнения средствами воспитания, интеллекта, позитивного примера, что имело место в доглобалистскую эпоху, напрочь отменяется, а в права свои вступает мировая тусовка, то есть умелое сочетание капиталистического закона превышения предложений над спросом, всеобщего обезьянничества и той составляющей института частной собственности, что поддерживает и всячески развивает зависть и ненависть менее материально обеспеченного к большему, даже на незримые сотысячные доли процента, их обладателю...

Про Запад — Восток даже вспоминать не буду; там тусовка давно уже ум заменила. И нас, сырых, все сильнее затрагивает. Раз опыт девяностых-двадцатых годов имеется, то и сейчас, разори нас мировой империализм вчистую, ввергни рядового обывателя в нулевую нищету, принцип тусовки свято исповедуется СМИ и все более «внедряется в массы».

Пример классической тусовки на первых еще уроках умозамещения: у Петьки мобила смартфонистая за десять тысяч, а Васька — счастливый обладатель этой штуки за 10,990 Р, как сейчас в рекламе пишут с «девятками». И что? — А то, что в глазах всех парней, а особенно девиц, их девятого «В» класса Васька держит шишку*, а Петька оплеванный ходит, голову от стыда понутив. Но вот его папаша срубил чуток «капусты» и купил сынку при-чандалу за двенадцать тысяч: вокруг Петьки теперь девки вьются, а Васька аж прихворнул от зависти...

Другой пример — тусовка, запиаренная СМИ, случившаяся в Москве в прошлом году. Помнишь, конечно, эту шумиху с выставкой картин Серова, когда число ее посетителей перевалило за всякую мыслимую величину? Как же тему эту муссировало телевидение! Прямо-таки помешательство случилось: люди, в основном, экзальтированные в части общедоступного досуга москвички и пригородные, ночами в музейной очереди стояли... Но и молодежи ведь толпы?! Самое же интересное, или уморительное — понимай как хочешь, я это в какой-то газетке прочитал: некий репортер приставал к жаждущим вернисажа: на какого они Серова «стоят» — Вален-

* Из языка волжских бурлаков XIX века: глава артели, самый сильный и хорошо знающий береговой путь, шел впереди остальных и тащил конец каната, завязанный большим узлом — шишкой. Отсюда и фразеологизмы: держать шишку, быть шишкой — то есть главенствовать.

тина Александровича, автора «Девочки с персиками» и карикатур на царя «Солдатушки, браво ребятушки», или на сталинского лауреата, вице-президента советской художественной академии, создателя историко-революционных картин навроде «Зимний взят» и «Ходоки у В. И. Ленина» — Владимира Александровича Серова (настоящая его фамилия другая...)? Дотошливый же журналюга с некрофильским восторгом комментирует: молодые возжелатели приобщиться к высокой живописи диковато смотрели и молчали, даже не прибегая к обычным своим словам-паразитам: «типа того», «как бы», «классно», «круто» и так далее вплоть до «железно», доставшего от Элочки Людоедки... Большинство экзальтированных дам уверенно называли «Персики», но изумлялись, что Серовых целых два! Только один дед из старых коммунистов огорчился, что не на того «стоит».

Итак, имела место спланированная теми же СМИ тусовка. С какой целью? С подачи ли музейного начальства, использующего современные информтехнологии в культуртрегерских, скорее — в коммерческих целях? Вариант «проверка на вшивость» или что-то иное... Можно только гадать на кофейной гуще, поскольку вариантов использования принципа тусовки великое множество.

Последний органически переплетен с обезьянничеством, двигателем торговли и впаривания обывателю совершенно ненужных ему вещей. На Западе — Востоке дело это обычное — и господь бы с ними, но семимильно шагающий глобализм и нам обезьянничество полномасштабно насаждает, как бы ему не сопротивлялся здоровый русский дух. Словом, его в дверь — он в окно! Но как и все в нашей стране с обезьянничеством только хохотушки получают. Возьмем осваиваемые в последние годы в Европе

так называемые беспилотные, то есть без водителей, автобусы. Ладно, у них это чистая коммерция, то же навязывание абсолютно ненужного под демагогическим лозунгом развития новых технологий. Но у нас-то в России других дел — при полном обнищании народа — не осталось, кроме как автобусы без шоферюг по вкложья разбитым дорогам запускать? И только где-то у них пробный автобус километр проехал, не сшибив никого, а наша пресса уже радостно всплескивает руками: уже готов, мол, конвейер в Волжске для производства беспилотных автобусов! Какова оперативность?

Про бедных автовладельцев и вовсе не говорю. Никогда я не одобрял грандиозное воплощение принципа тусовки в этой части. Внешне это выглядит как соревнование частнобственников Петьки и Васьки, упомянутых мною выше, но уже повзрослевших: у кого машина круче, в смысле дороже. На самом деле все намного сложнее и хитроумнее: от закрепления приобретенного в девяностые годы частнобственнического инстинкта и полного разрушения такими механическими «агентами влияния» системы общественного транспорта до свехзадачи Запада в этом вопросе: гигантские прибыли ихних автомобильных корпораций за счет сбыта в Россию самодвижущегося железа в десятках миллионов экземпляров... Здесь уже через отечественных чиновников — агентов влияния, имеющих солидные «откаты». Вершина успеха этой системы: отверточный конвейер сборки на нашей территории, когда таможенные сборы идут не с готового импортируемого автомобиля, а в разы меньше с узлов и деталей, коих всего шесть: собственно уже собранное авто, металлопластиковый кожух и четыре колеса (!). По внутренним же льготам эти отверточные изделия приравнены к отечественному автопрому, тем самым добивая его.

Извиняюсь, отвлекся. Жалко мне их, автомобилистов, наскребших деньжат на эти отверточные самоходные колесницы, на которых внезапно обрушился отечественный продукт обезьянничества перед Западом — Востоком: строгости к правилам вождения. У них, понятно дело, устроение это издавно шло, давая возможность водителям по привыкнуть. У нас же все скопом обрушилось: нескончаемые вариации с промилле — отменить, разрешить, запретить и пр.; чего стоит «тест на идиота», всякие там лежащие полицаи и прочая, прочая. Жалко мне их!

Уже оскомину набило всем обезьянничество в сфере образования, разрушившее советский его стержень. И во всех других сферах триада СМИ + принцип тусовки + обезьянничество есть мощнейший инструмент умозамещения. Чего еще больше скажешь?

♦ — Андреяныч? Да хватит нам про обезьянничество-то. Все мы, здравомыслящие, вдруг проснулись в джунглях, где на каждой ветке сидит по этому славному предку человека. И уже слова Фридриха Энгельса о труде, превратившем гиббона и орангутанга в *homo sapiens*, воспринимаешь на сто восемьдесят градусов наоборот: уже не труд творческий — а сделать дубину есть творчество первобытное, — но тупая работа, от слова «раб», в эпоху глобализации дают возврат эволюции...

Действительно, куда ни ткнись — всюду эти мартышкины очки. Внуки твои и мои в школу пойдут, а им сразу, с первого класса аж два иностранных языка! На кой обычному человеку в России, если только не иметь в виду ее полное подчинение Западу, они нужны? — Нужны, утверждает, минобраз, так в Европе принято!

В армии, презрев все русские и советские традиции, модный «от кутюр» портной всех одел в евро-

поизированную форму: у офицеров под какой-то курточкой, со всех сторон обшитой галунами, парнишковая майка, а солдатушек-ребятушек и вовсе обрядили в серую мешковину, ликвидировав у всех военных парадно-выходной «прикид»... Веками проверенные в нашем климате сапоги заменили на натовские ботиночки, портянки — на нитяные носки! А-а-а, больше и говорить на эту тему неохота.

Интересно, а в белорусской армии сапоги остались? — Что-то в голову пришло. И как там с умозамещением? Во всяком случае они не очень гордятся своей позапрошлогодней нобелисткой по литературе, крайне политизированной, антисоветской даже не писательницей, но просто журналисткой Алексиевич. Кстати, почивший летом бывший президент Израиля, инициатор создания ихней атомной бомбы и нобелист по части миротворчества Шимон Перетц, тоже родом из Белоруссии. Два нобелевских лауреата у сябров, но оба как-то сбоку.

Вот еще мощнейшее средство мирового умозамещения — пресловутая толерантность. Со временем победившая весь мир глобализация установит ей памятник... нет, сразу четыре стометровых памятника из красно-искристого норвежского гранита. Это как Гитлер собирался после полного завоевания Европы от Атлантики до Уральских гор поставить четыре памятника германскому воину на границах великого рейха на севере, юге, западе и востоке. Даже тот самый норвежский гранит с искрой заготовил, который потом Красная армия отбила; из него сложены первые этажи зданий в самом начале улицы Горького, ныне Тверской...

Но глобалистские памятники всемирной толерантности будут изображать вовсе не натовского солдата, но следующие скульптурные композиции: сортир для трансвеститов и прочих педермотов, кото-

рые в Штатах уже сейчас Обама ввел под девизом: в туалет не по полу, но по зову сердца; остальные три монумента будут иллюстрировать различные аспекты толерантности: вред алкоголя и табака, но польза дозированной наркомании; господство общечеловеческих ценностей в форме \$; профессиональный спорт, инвалидизация сознания человека и тинейджер, обвешанный гэджиками.

— Сурово ты, Васильич, шутишь!

— Я не шучу. Это ты и сам понимаешь прекрасно. Давай на сегодня шабашить, тем более, что толерантный оседлый цыган Урупкин на стылой погоде мается: опять какую-нибудь железяку с развалин бывшего помещичьего дома для нас принес.

Было бы удивительным, если в час волка женщины оставались теми же милыми девушками с идеалами, с оттенком целомудрия, хлопотливыми, но обаятельными женщинами — ласковыми матерями и любящими женами, почтенными бабушками, хранительницами естественной мудрости и наставительницами больших семей в три-четыре поколения. Такие качества слабого пола воспитывались веками в специфической русской жизни и истории и были отшлифованы в нравственно ориентированном советском государстве. Но женщина, как и ребенок, есть фотографический отпечаток реальной жизни: меняется уклад последней — изменяется и женщина, а в стае волков, охотников за наживой, и она становится волчицей, воспитывает волчат-детей, грызется с мужем-волком, сдает за ненадобностью в дом престарелых своих родителей, не успевших усвоить закон новой стаи.

Пришла в комнату к бабушке внучка: принесла фотографию своего жениха. Посмотрела та, внешний вид одобрила:

— А теперь рассказывай: кто таков, какой бизнес имеет, состоит ли депутатом в какой-никакой думе?

— Нет, бабушка, он доцентом в университете работает, физику студентам преподает, докторскую диссертацию сочиняет.

Ужаснулась бабушка, запричитала:

— Да ты, милая, ума решилась совсем! Это на двадцатом-то году реформ за доцента физики замуж выходить?

Поуспокоившись чуть, деловито и с надежной спросила:

— Взятки хоть со студентов берет?

— Фу, бабушка, что ты такое говоришь...

Весь вечер и половину ночи горевала бабушка: «Как в воду глядела, когда всеми силами сопротивлялась браку дочери с учителем математики. Яблоко от яблони недалеко падает».

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ: РОССИЯ НЕ ЕВРОПА: СРЕДНЕСРОЧНЫЙ ОПТИМИЗМ

*...Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

Николай Рубцов «Видения на холме»

◆ Старинные наши знакомцы профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент-оружейник Николай Андреянович, жители среднерусского города Тулуповска, все четверги проходящей зимы, кстати, настоящей русской, многоснежной, умеренно морозной, проводили в загородном доме дальнего родственника профессора Прокофьяча — с супругой Тихоновной и котом Мичманом, после обеда уютно устраиваясь перед пылающим камином, гордостью хозяина-оригинала. Все их четверговые беседы относились к теме, намеченной друзьями поздней осенью прошлого года: умозаменение у современного человека... явно по аналогии с запиаренным прессой импортозамещением. Аналогии, понятно, не смысловой, но грамматической. Игорь Васильевич, задатчик такой занимательной темы, давно трудился над сугубо научной, с привлечением аппарата философии, логики и математической физики, монографией, в которой доказывал необходимость (к сожалению...) долгосрочного этапа глобализации в период перехода от биосферы Земли к ее ноосфере — по учению нашего великого естествоиспытателя академика Владимира Ивановича Вернадского. Параллельно, как опытный популяризатор своей теории, он публиковал в редактируемом и вообще им же созданном журнале «Феномены разума: XXI век» доступные для чита-

телей без специальной подготовки статьи по данной тематике.

Тема умозамещения у нынешнего человека, как переходного от классического *homo sapiens* к человеку ноосферному — обитателю планеты недалекого будущего, показалась профессору настолько актуальной и интересной, что он, не довольствуясь личным научным и жизненным опытом, взял себе в собеседники давнего друга и нынешнего коллегу по университету Николая Андреяновича — великолепного рассказчика, тонко анализирующего реалии наблюдаемой жизни. Так вошли у них в обычай зимние «четверги у Прокофьяча», еще более умудренного по его годам и стихийному, своеобразному самообразованию человека из самого что ни на есть народа: подгородных поселковых жителей.

— Ну что, Андреяныч, судя по сыроватой февральской погоде, подтаявшей даже с утра лыжне, дрыхнущему без просыпа Мичману и вчерашнему телерадиопрогнозу, наши зимние четверги у Прокофьяча завершаются. Да и тему нашу исчерпали... Эх, сегодня Тихоновна и сгормозила обед! — Царский по нынешним фастфудовским временам. Словно тоже предчувствует: это последнее наше за зиму гостевание. А Мичман, тут уж безо всякого сомнения, своим звериным чутьем понимает: не скоро он еще послушает ученую беседу двух чудиков, радеющих о будущем, главное — настоящем, земного человечества. Потому не спит, но придуряется таковым. Зверя, даже стопроцентно еще древними египтянами одомашненного, не проведешь: в эволюции инстинкт всегда сильнее интеллекта, то есть разума!

— Так к чему, Васильич, мы пришли почти за три месяца наших «четвергов»?

— А к тому, Андреяныч, чтобы нам с тобой не задремать, подобно Мичману, перед раскопчегаренным Прокофьичем камином и после превышающего

немыслимо всякие там европейские диеты по калорийности обеда Тихоновны, надо по-русски вздрогнуть. Ра-а-зливай!

— Ух, хорош сегодня дагестанский из Кизляра, Васильич. Вот где пресловутое импортозамещение не требуется. Все же наши почти на всю зиму беседы об умозамещении, то есть волею и управлением всемирного глобализма переводе нормально, самодостаточно мыслящего человека в винтик-робот безмозглого «строителя светлого будущего», оставляют мрачное впечатление, безрадостное. Неужели просвета нет и не предвидится, а?

— Предвидится, хотя и, так сказать, на краткосрочный период и именно для нашей страны. Поэтому и окончание наших четвергов сделаем оптимистичным. Это как у Александра Николаевича Радищева, столь памятного нам с советских школьных лет. Помнишь, конечно, его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву»?

— А как же, Васильич! Даже в школьную при сказку вошел эпиграф к книге из «Тилемахиды» Тредиаковского: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

— Но я о другом и созвучном твоему вопросу о просвете в нашей глобалистской жизни. Ведь на протяжении двухсот страниц своей книги Радищев пишет об ужасах существования крепостных и вообще жителей России времен императрицы Екатерины Второй, но завершается «Путешествие» сугубо оптимистическим «Словом о Ломоносове». И я, Андреевич, со школьных сочинений помню строки из этой главы: «Подстрекаем науки алчбою, Ломоносов оставляет родительский дом; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих Мусс и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божью». И мы, в чем-то уподобляясь первому сочинителю-бунтовщику России,

последний наш четверг озарим умеренным оптимизмом. Еще раз подчеркну: на достаточно короткий исторический срок и исключительно для России, вернее — для сложившегося за тысячелетие государственности русского характера, что совершенно справедливо на Западе укладывают в формулу: «загадочная русская душа». Итак, вдогонку по второй кизлярского за здоровье недавно избранных наших думцев, сплошь трезвенников и некурящих, и перейдем к существу завершающей беседы.

◆ — Умозамещение, как мы с тобой, Андреяныч, условились принять за истину в первой инстанции, есть одновременно средство, тактика и достижение цели в глобализации. Я уже утомился спорить со своими оппонентами, как друзьями, так и научными «врагами»; естественно, не в Тулуповске, где на разные философские категории всем и всея наплевать, а по всей стране и русскоязычному миру — в основном, на страницах моего журнала. Как-то не могут они, что стронники коммунистической идеи, что апологеты либерализма и демократии западного пошиба, понять, точнее — принять: во-первых, правым оказался не Ленин, а старина Маркс, то есть не отдельная страна, даже группа стран, сможет оторваться от капитализма и навечно перейти к социально организованному государству, но — только все страны, весь мир одновременно. Во-вторых, только у утопистов Мора и Кампанеллы, на естественные человеческие фантазии которых во многом ориентировались и Маркс, и Ленин, и вся когорта европейских и русских, далее советских, социалистов, светлое коммунистическое будущее вырисовывалось как рай земной: каждому по потребности, от каждого по способности. Это все хорошо даже не в идеале, но и в возможной действительности, однако при обязательном условии: человек будущего остается точно таким же, 1:1, как пишут инженеры на своих чертежах, что наблюдали

вокруг себя Маркс, Ленин и так далее, в том числе и мы с тобой, Андреяныч, почти до окончания прошлого века.

...История движется не по прямому пути: от точки «а» до точки «б», далее «в», но методом проб и ошибок. Конечно, создание усилиями Ленина и Сталина СССР, а затем, но уже только Генералиссимусом, социалистического блока в Европе, Азии, отчасти в Латинской Америке и Африке, при том, что Советская страна стала сверхдержавой, не было ошибкой Истории, но ее мощной пробой. Увы, проба эта противоречила геополитическому, экономическому и пр. раскладу мировых сил, а главное — всем трем законам диалектики Гегеля — Маркса. Проба показала, что социально ориентированное проживание человечества возможно, дееспособно, но переход к нему возможен только «всем миром», говоря по-крестьянски, и при непременном исчерпании, исторически предопределенном, возможностей частнособственнического капитализма. Увы, даже к началу третьего тысячелетия эти возможности высшей стадии его, империализма, оказались достаточно мощными. Это доказано поражением (не распадом! — Паскудное определение...) СССР и его блока в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне. История явно показала на этом трагическом примере: империализм не победим, пока не исчерпаны «квоты» частнособственности — уже и сейчас атавизма человеческой эволюции.

Оппоненты — с той и другой сторон — яростно возражают мне: империализм победил социализм, подчинил себе весь мир, так что: будущий коммунизм отменяется раз и навсегда?

Мне сложно им возражать: в них не анализирующий ум сейчас говорит, а постигшее их умозамещение... Да, империализм образца конца двадцатого — начала двадцать первого века празднует

полную победу, но она же и пиррова! А потому пиррова, что этой победой классический империализм исчерпал себя: уже нет единства и борьбы противоположностей — по Гегелю и Марксу, а это суть состояние загнивания. Тигр, победивший на своем «участке ответственности» уссурийской тайги всех врагов-конкурентов, сразу расслабляется и нарывается на пулю китайского браконьера. Еще хватает разума у современного сверхимпериализма обезопасить себя, приняв стратегию глобализма. Но — это прямой, хотя и долгий, от восьмидесяти до двухсот лет по разным источникам политологов-профи, путь к Марксову переходу «всем миром» к социально ориентированному моногосударству Земли. Вот с какой целью Истории, то есть запрограммированному Мирозданием движением биоэволюции, потребовался период, или целая эпоха, глобализации. Действительно, как уже сейчас зримо стираются геополитические границы между странами и их блоками, а главное — идет уничтожение отжившего свое инстинкта частнособственничества в его классическом понимании — основного препятствия к социально ориентированному мироустройству. Подспудно ликвидируется мелкое и среднее собственничество, а более крупное сливается в олигархат. Но эта мировая власть «двухсот семей» уже не есть частная собственность в ее привычном понимании, но де-факто обезличенные, хотя и с именами — по традиции, центры промышленно-финансовой инфраструктуры мирового хозяйства.

...Уходят в прошлое девяностых и начала двухтысячных годов всплески молодых исторически, от того и нагло-показательных, отечественных олигархов с их любовно освещаемыми СМИ поездками в Куршавель с вагоном московских VIP-проституток: они красивые и недорогие по сравнению с архикорыстными европейскими кобылами «ни кожи, ни рожи».

А дальше — дело техники, как, Андреяныч, ваш брат от военной инженерии говорит: Тайное мировое правительство, которое и сейчас уже нами всеми исподволь управляет, скоренько разрушит — что оно сейчас и делает успешно методами гибридных войн — Исламскую дугу, найдет управу на Китай и другие страны-миллиардницы и объявит всемирное социальное государство. Это и будет наше «светлое будущее». Вроде как и коммунизм для людей будущих, ноосферных, но люди-то будут уже другими: умозамещенными. Ну и что? Мы с тобой для советской эпохи своими людьми были. Все нас устраивало, а легкое, имманентное для любого нормального человека, недовольство гасили в кухонных, немного диссидентских разговорах, анекдотах про руководителей партии и правительства. Наши дети, вообще говоря, не особо недовольны нынешним *status quo*, которое нам с тобой тошнотворно. Ибо они уже другие люди. Внуки... и так далее. Почему же людям ноосферным двадцать второго века не приветствовать такой вот вариант Марксова коммунизма? Человек создан эволюцией как воплощение интеллекта, но не животного инстинкта, потому он перестраивается не *генетически*, но *феногенотипически*, даже просто *фенотипически*: уже между дедом и внуком — пропасть в восприятии реалий бытия. Но это вовсе не различие, с возрастом переходящее в преемственность поколений, как в «Отцах и детях» Тургенева, но уже нечто иное, ибо между нынешними дедами и внуками цепь преемственности разрывается умозамещением, как средством перехода от человека биосферного к ноосферному, о чем я вкратце сказал. Это перелом в эволюции человека, какового до сих пор она не знала. И временные рамки этого перелома и разрыва цепи преемственности суть период глобализации.

Кстати, в самом начале наших «четвергов у Про-

кофьича» речь шла о нобелевском лауреате, создателе науки этологии, то есть о поведении животного, человека тож, Конраде Лоренце. Помнишь рассказ о встрече моего дядьки Степана, лейтенанта по финансовой части, с военнопленным, также бывшим лейтенантом вермахта, Лоренцем? Так недавно перечитывал сборник его основных трудов и натолкнулся на размышления как раз по эволюции преемственности поколений.

Пишет он, что у древнего человечества связь поколений была настолько тесной, что в поведении и мышлении не то что дети, но и внуки, правнуки и так далее «пра» почти ничем не отличались от своих пращуров. Чуть-чуть эта связь ослаблялась в последующие тысячелетия цивилизации и культуры, но только в Новейшее время появилось «разночтение» отцов и детей, обусловленное фактором, как пишет сам Лоренц, *нефрустрационности*, то есть редко видя занятого работой отца вне дома, сыновья теряют образец для подражания. Ну, это я к слову.

Но мы в сегодняшней «каминной» беседе общепланетарные тенденции суживаем до отдельно взятой России, до русской сущности мировосприятия. Имеешь, Андреяныч, что сказать о русской же специфике глобализации?

◆ — Конечно, Васильич, имеются кой-какие наблюдения. Не владею твоим строгим логико-философским «штилем», мы люди простые, от сохи...

— Эк тебя, Андреяныч, кизлярский раззадорил! Давай к сути.

— А суть такова, что в части всяких исторических, политэкономических и прочих процессов в России все происходит по-иному. И вовсе не потому, что «один я иду в ногу, а все остальные не в ногу...». Нет, русский человек, включая всех мыслящих по-русски: восточных славян, даже бунтующих сегодня супротив нас братанов-хохлов, наших угро-фин-

нов, евреев, татар отчасти и прочая «ста языков», всегда и сейчас отличается от Запада-Востока, прежде всего от европейцев, тем, что изначально не пальцем делан, как грубовато народ выражается, но исторически жизнь приучила его мыслить *самодостаточно*, то есть только краем уха, с ухмылкой про себя, слушать увещевания древних князей, потом царей, императоров и так далее, благостные наставления языческих жрецов, попов, заменившей ее «нашей партии» и опять так далее, а сейчас всех и вся затмивший телевизор.

Сложнее дело с главным средством — проводником глобализации — телекоммуникационными сетями в ипостаси Интернета, а внутри него — социальными сетями. Понятно, что последние есть величайшее изобретение дьявола, понимаемого как совокупность высших органов глобализации: под внешней оболочкой сугубо личного обмена людей — с преобладанием полной дури — все это умело направляется некоей рукой, имея целью всемирное умозамещение.

И здесь комплимент России, а именно в смысле действенности известной притяжки о дураках-чиновниках и плохих дорогах. Последние надо понимать в смысле протяженности страны на десять часовых поясов (или их пробовали сократить? — Не было внятного разъяснения) от сталинского завоевания в бывшей Восточной Пруссии до его же приобретения Курильских островов. Опутать все эти грандиозные пространства всемирной паутиной дело дорогостоящее на фоне всеобщего нищенства. А что касается дураков-чиновников, то что с них взять? Смотри Салтыкова-Щедрина, особенно сказки о лесных воеводах...

Понятно, что Россия в планах мировой глобализации, начиная с ее капитуляции в Третьей (...и так далее) мировой войне, уже четверть века вовлечена в этот проект. Уже не говорим о Меченом, запойно-

воровских девяностых, но сейчас это архиуспешно насаждается. Успешно как с позиций политики, пре-валирующей сейчас над экономикой, так и умозамещения населения страны.

«Как? — воскликнет рядовой обыватель, давно уже зашоренный умозамещением,— это Россия-то, что сейчас, хотя бы и не по своей воле, противостоит почти всему миру империалистического глобализма уж точно на сто процентов! Мы отказались от ставшей национальной пищи — турецких помидоров, французского камамбера и рокфора, голландских устриц и вообще ото всего, за два года покупательская способность каждого из нас упала в три-четыре раза... все на оборону Родины от супостатов-янки с прихлебательской Европой! Что ты, доцентиска слабоумный, чушь несешь?!» И так далее по восходящей в эмоциях тональности от «до» до «си-бемоль».

Что ему, друг Васильич, ответить? Он же, наш добрый сосед-обыватель, зашорен телятником с его агитками-речевками. Еще про нефтяную иглу с сочувствием к самому себе поймет, но тут же поставит под сомнение твое, явно не от телевизора, толкование: доллар и цены в магазинах, сплошь принадлежащих забугорным торговым сетям, выросли в два-три раза вовсе не от снижения стоимости «барреля», но от компенсации привычных доходов отечественной буржуазии: от олигархата до мелкооптовых спекулянтов, коим очень даже сочувствует госбанковская система.

И совсем не будет слушать вас сосед, добрый знакомец и веселый собутыльник в «мирной» жизни, когда ты заикнешься, что-де для мирового, всеобщего процесса глобализации внешнее сопротивление отдельных стран, даже бывшей сверхдержавы России, все одно, что сопротивление течению большой реки многочисленными препятствиями: от плотин гидроэлектростанций — это ассоциация с Россией — до

порогов — вроде как Северная Корея с ее ядерным оружием, не считая суживающихся скал-берегов, заторов из бревен при неграмотном лесосплаве и так далее. Ассоциаций с разными странами здесь масса: от социалистического Острова свободы и госкапиталистической Поднебесной до каких-нибудь тихоокеанских островов и мелких африканских государств, требующих за включение их де-юре (де-факто они давно там уже...) в глобалистский миропорядок «дипломаты» и «арбузы» долларов...^{*} Все одно реку не остановишь.

Хочешь, не хочешь, но при всех внешних — повторяюсь — противостояниях России с миром объединившегося империализма и его марионеток, в основном, из стран бывшего соцлагеря и республик Советского Союза, страна наша успешно глобализуется внутренне. — Даже не столько усилиями олигархата и пресловутых агентов влияния, что разрушили СССР, но общим движением мировой истории. Против лома нет приема. Против уже объединившегося империализма тем более. И наши СМИ уверенно внушают: Россия суть субъект глобализации.

В такой ситуации об автаркии России, хоть в малом повторяющей таковую сталинскую, и речь не идет.

Будь добр, Васильич, перехвати развитие темы, ты ведь мастак по анализу мировой политики, а я похлебаю чайку с лимончиком под кизлярский. Только Прокофьевич умеет так чай заваривать! Даже Тихоновне это святое дело не доверяет... как кавказец женщину ближе двух метров к готовящемуся шашлыку не подпустит.

◆ — Понимаю твой завуалированный вопрос:

^{*} Из подзабытого в обиходе чиновно-бандитско-воровского мира жаргона «лихих девяностых»: дипломат — 1 млн. \$; арбуз — 1 млрд. \$.

для чего глобализаторам, без того знающим о своей скорой победе над всем обитаемым (и необитаемым Арктикой и Антарктикой) миром, понадобилась этакая образцовая порка малого числом сопротивляющихся внешне стран, России в первую и главную очередь? Вопрос правильный и своевременный. Верховоды-глобализаторы — это не американские президенты, путающие Австрию с Австралией; не хлопотливые немецкие канцлеры из бывших гэдэровских комсомолок*; ни растерявшиеся французские президенты и так далее вплоть до описанных Маяковским: «Не повернув головы кочан и чувств никаких не изведав, берут паспорта датчан и прочих разных шведов».

Главные верховоды — это даже не физические лица, а системные институты (не в смысле учебных или исследовательских организаций) Тайного мирового правительства, тщательно просчитывающие в высоколобых мозгах и на мегакомпьютерах все известные ходы истории и пролонгирующие их на текущий, оперативно-тактический и стратегический ход глобализации.

А исторический опыт говорит: «взятая с бою» страна подчиняется намного крепче, нежели договорно-уговорно ослабленная. Ближний и наиболее характерный пример — Германия, проигравшая в двадцатом веке две мировые войны. В первую из них Германия сдалась Антанте именно договорно: после подписания в вагоне на пограничном полустанке капитуляции, принятой верховным главнокомандующим союзников маршалом Франции Фердинаном Фошем, Германия выплатила огромную контрибуцию**, ей

* То есть членов FDJ — Freie Deutsche Jugend, ведущей свое начало и традиции еще от «спартаковцев, смелых бойцов» начала 20-х годов.

** По размерам она составила... пятикратный мировой золотой запас!

было запрещено иметь современную армию и ее вооружение, но страна не оккупировалась, исключая Эльзас-Лотарингию, но это извечный спор ее с Францией: в каждой очередной франко-германской войне победитель забирает себе важный промышленный район. Отсюда и население Эльзаса — французские немцы или немецкие французы... Самое существенное: победители вообще не вмешивались в дела внутригерманского устройства с их революцией, Веймарской республикой и Третьим Рейхом.

Иное дело Вторая мировая: полное подчинение с оккупацией — это Германия, взятая с бою в буквальном смысле. И результаты разительные: после поражения в Первой мировой Германия очень скоро проникнулась единым духом национализма и жажды отмщения покорившей ее Европе. Но итог Второй мировой известен всем: уже не двадцать лет, как между войнами, а семьдесят с хвостиком Германия ниже травы, тише воды, а в современном состоянии — после позорной сдачи ГДР Западу Меченым — уже навечно политический сателлит Америки, а значит и накрепко схваченное звено глобалистского мира.

Переходим к России. Понятно, что здесь искомый вариант «взятие с боя» есть эвфемизм: в нынешнюю эпоху гибридных (очень удачный термин политологов!) войн большеформатные «горячие» войны исключаются. К тому же России удалось сохранить сталинское военное наследие, многожды умноженное в 50—60-е годы — здесь главная заслуга самого молодого сталинского наркома Дмитрия Федоровича Устинова. Запад понимает прекрасно: оружием Россию с ее ядерным щитом не взять. То есть «взятие с боя» подразумевает умело скомбинированный набор информационных, экономических, политических и прочих элементов гибридных войн.

Опять же, Андреяныч, твой добрый сосед-обыватель встрепетается: дескать, помним мы девяностые

годы, когда и власти наши расстилались перед янки, и народ в общем-то, исключая потерявших всякую власть старых коммунистов. Шеварнадзе еще при Меченом отдал америкосам всю восточную нефтеносную Арктику, а Ельцин пробовал задарма вручить им же стратегический запас обогащенного урана, накопленный Советским Союзом за сорок лет! Почему же они, сукины дети, не взяли нас тогда за хебос голыми руками?

Не так все просто. Во-первых, как-то твой сосед совсем сбросил со счетов народ, в девяносто шестом году проголосовавших де-факто за коммунистов, которые испугались взять власть. Во-вторых, я с того и начал: нужна образцовая порка для последующего послушания. Согласен, может глобалисты и переборщили со своими гибридными войнами и показательными порками. Рад бы всей душой полагать, что нашла коса на камень, как мы внешне, политически видим сейчас, рад... Не такое уж и далекое будущее покажет, но мы с тобой скорее научные пессимисты, нежели восторженные оптимисты. Настораживает подчеркнутое преобладание внешней политики над внутренней экономикой.

И нам с тобой, Андреяныч, хватит политиканствовать... а к анализу нашей экономики и приступать страшно, горько и обидно. Давай еще по рюмах за нашу возрождаемую — надеюсь, что это не видимость как все остальное в стране — армию. С флотом сложнее: дорог он очень и много времени требуется. А закусив, перейдем собственно к русскому характеру, как антитезе европеизму. Главное, пришли мы к выводу: глобализация неизбежно захватит и Россию, что уже и происходит, но и здесь *мы* — не *Европа*, не подчиняемся ее стандартам. Бум здрав, дорогой коллега.

◆ — Но все же, Васильич ... характер характером, загадочная русская душа и прочее, но ведь само

умозамещение, тема наших с тобой многочисленных бесед, есть фактор, поддающийся сугубому научному обоснованию. Или я не прав!

— Семижды семи прав, старина! Поэтому немного отодвинем наш славный русский характер, а я вкратце изложу свою точку зрения на этот предмет. Свою — в смысле моего системного, так сказать, обобщения-вывода. Но многие первостатейные мировые умы об этом размышляли, именуя умозамещение другими терминами: уже не раз всплывавший в наших разговорах Конрад Лоренц, нобелевский же лауреат Анри Бергсон, наш соотечественник, недавно ушедший из жизни академик Влаиль Петрович Казначеев из Новосибирска... Многих можно назвать — и не зазря! Опять же Ивана Петровича Павлова с его условным рефлексом и Зигмунда Фрейда с психоанализом... Хотя двое последних очень уж сосредоточились на своих гениальных учениях. Фрейд и вообще своим либидо «подмял» под свою теорию все мыслимые биологические, психологические, социальные и так далее науки.

Ладно, отвлечемся от нобелистов и приравненных к ним. Не погрешу против их мнений, если определю умозамещение в нашей с тобой трактовке как вытеснение — в определении Фрейда — здорового, самодостаточного ума-мышления из собственно сознания в самые глубокие «каморки» подсознания, загоняя его намного ниже порога этого сознания. Такой процесс уже Лоренц называет *индоктринированием*. Термин этот можно перевести на русский как погружение человека в некое, навязываемое ему «одномыслие»: от латинского *in*, то есть «в, внутри», и доктрина, что само собой понятно без перевода. Вот внушили такому подопытному умозамещенцу, что «партия наш рулевой» или «доллар есть главная общечеловеческая ценность» — и все, пропала самодостаточно мыслящая особь, возник робот в обликии человеческом.

Самое существенное, что такой человек, загнавший — сейчас обычно по «приказу» телевизора или соцсетей Интернета — обычные умоистины в чуланы подсознания, в высшей степени агрессивно сопротивляется возврату их в активное сознание; причем неважно, кто и что требует этого возврата: собственная потребность исправить свою глупость, советы и увещевания добрых людей, почуявших, что их родственник, друг, просто сосед, как у тебя, Андреяныч, попал в беду. Это как в фольклорном анекдоте: пришли сваты в дом невесты, расхваливают ее родичам своего парня: и не пьет ни капли с рождения, не курит, не драчливый, за девками не бегает... А с полатей столетняя старуха встречает: «Чай, не дурачок ли ён у вас?»

Как только индоктринирование в конкретном направлении охватывает усилиями тех же СМИ широкие массы — считай, пропало человечество! Явление дьявольское, что мы сейчас и наблюдаем не то что ежечасно, но ежесекундно: весь мир объединяется в едином вредоносном заблуждении, которое кому-то очень нужно. Это и есть полное умозамещение, есть итог глобализации.

...Не буду загружать тебя, Андреяныч, терминами психологии, но все же намечу цепочку массового, всемирного умозамещения. Про индоктринирование вроде все сказано. Далее утомлю тебя еще двумя «импортными» понятиями. В Америке господствующей в психологической науке есть теория *бихевиоризма*, то есть, как записано в их конституции: любой человек рождается свободным и абсолютно равноправным — в том толковании, что на момент рождения голова его пуста, *tabula rasa*, то есть «чистая доска», говоря по ученой латыни. И что хочешь в эту пустую башку закачивай!

Хорошо, если бы это оставалось сухой, бесполезной теорией, но америкосы руками и ногами уце-

пились за этот бихевиоризм, сообразив, что с такой идеологией проще всего штамповать людей-винтиков для фордовских конвейеров и так далее, вплоть до сенаторов и президентов. Итак, индоктринируемость воплотилась в практике американского, а потом и вселенского бихевиоризма. И — не кляни меня, Андреяныч, — еще один заумный термин: *кондиционируемость* людей. Эта завершающая процедура в массовом умозамещении после индоктринирования и биохевиоризации и означает всеобщую промывку мозгов. Улавливаешь точность и определенность этого названия: кондиционер — равномерное проветривание, то есть та же самая промывка! Означает процедуру одинакового развития, то есть умозамещения, всех людей. В итоге глобализм справляется с основной своей целью: нет самодостаточно мыслящих индивидуальностей, есть мировая общность послушных, умозамещенных роботов-винтиков.

Кстати, вся эта цепочка, ведущая к умозамещению, продумана как строгое следование сочетанию трех основных законов диалектики Гегеля — Маркса! Вижу, не удивляешься? И правильно делаешь, От Маркса никуда не денешься. Потому его сейчас нигде директивно не изучают, исключая самые престижные университеты: Итон, Кембридж, Оксфорд, Гарвард и Массачусетский технологический институт, где готовят высших управленцев глобализируемого мира.

Итак, Андреяныч, мы определились, что в части неизбежной глобализации Россия не Европа; у нас и туда свой путь. И биолого-психологические основы умозамещения наметили. Сейчас же к другой ипостаси нашего отличия от Европы перейдем: русский характер и наш кондовый генофенотип. Что ж мы с тобой? — Разлили и не пригубили — нехорошо для течения беседы. Прочистим пока еще не импортозамещенным кизлярским наши головы от чужеродной терминологии. Твое здоровье вдругорядь, дорогой

наш Мичман! — Кот на кличку проснулся, недоуменно оглянулся, повернулся на другой бок, закрыл мордочку лапой и пушистым хвостом, снова погрузился в приятную околокаминную дрему.

◆ — О кондовом, он же посконный и домотканый, характере русском поговорим, Васильич, вздох-леб: тема-то благодатная и неисчерпаемая, навроде тех же старинных вопросов: кто виноват и что делать?..

— Да-да, как у нас в «универе» отвечают на них: виноват всегда стрелочник — подчиненный, а делать все надо согласно штатному расписанию.

— Я просто хотел вдогонку вставить пару слов по части глобализации России. Мне представляется, что империалисты, глобализирующие нас, для осуществления «образцовой порки» не только изолировали Россию ото всего мира, но и создали для нее образ врага, умело организовав ситуацию на Украине, при которой нам, дабы совсем не потерять лицо, пришлось втянуться в противостояние с ней. Мощно и грамотно было продумано! Тож самое с Сирией и ИГИЛ* — поссорить с мусульманским миром. Правда, здесь у них осечка вышла, видать, мегакомпьютеры перегрелись что ли: кроме Сирии у нас появились союзники в лице Ирана, отчасти Турции и Израиля... Замечу попутно, уже безо всякого упоминания о России: взяли реванш в самом гнезде глобализации, начав разваливать главного внутреннего противника — Евросоюз — демонстративным выходом Англии... Ладно, позволь мне по теме сказать о русском характере, что так порой то восхищает, а чаще пугает Европу, которая и сама не считает Россию своей частью. Кстати говоря, популярное сейчас евра-

* Как дана инструкция для СМИ: при каждом упоминании ИГИЛ и других «контриков» оговариваться: «Запрещенная в России». Согласны — для пользы дела. Но в публицистике и художественной прозе это портит стиль изложения. Извиняемся.

зйство если и имеет отношение к нам, то только лишь по части географии... и внешней политики.

Русского человека, как истинного и безусловного государственника, четко и на века обозначил Пушкин в программном стихотворении «Клеветникам России». На том и стоим, в отличие от Европы, которая сейчас в рамках упомянутого Евросоюза практически отказалась от государственности и национальной идентификации в пользу буржуазного экономического прагматизма.

Конечно, и у сугубо государственного мировоззрения (язык не поворачивается употребить чужеродный термин «менталитет») русского человека, и у практического отсутствия такового в европейском месиве есть историческая предтеча. Точнее, следует держать в голове школьный курс истории. Главное здесь: причины и последствия средневековой феодальной разобщенности. То есть действие в исторической и политэкономической вариации диалектического закона перехода количества в качество происходило в Европе и в России различно.

Если свободолюбивая Европа после распада Римской империи почти на полторы тысяч лет погрузилась в воинскую соревновательность феодалов (вассал моего вассала не мой вассал...), превратив своих хлебопашцев в безликое отощавшее стадо, то обрести статус централизованного государства Московской Руси помогла... монголо-татарская орда, вернее, монгольская верхушка — потомки Чингизхана. Да-да, именно так: им азиатская лень и отвращение к земледелию претили содержать на огромной завоеванной территории бесчисленную армию надсмотрщиков, потому они и создали союзное — именно союзное, не вассальное! — русское государство: Улус Джучиев. Очень даже скоро этот улус стал Московским объединительным княжеством, потом царством, а ордынцев заставил пахать землю в Ка-

занской губернии, торговать и трудиться носильщиками и чистильщиками обуви в своей столице...

Итак, если при Иване Грозном (как бы он понадобился России сейчас!) русское царство начало серьезно пугать Европу своей самодержавной государственностью, то, исключая торговую «англичанку», последняя обрела государственность в целом только в Новейшее время, когда Бисмарк собрал под прусский скипетр тридцать самостоятельных германских княжеств и маркграфств. А Гарибальди сделал это в Италии еще позднее. Здесь не мы Европу догоняли, но совсем наоборот...

Как мне кажется, извиняюсь: кажется — креститься надо, как думается, не только наше опережение в государственности очертило русский характер. Необъятные просторы, сплошной лес Московской Руси, в муках отвоеванная от сосны и ели пахотная земля, изначальная оседлость и крестьянствование, враждебность всего окружающего Русь-Россию мира — все это и создало русского человека в убеждении: всем миром одолеем, на миру и смерть красна, за богом молитва, за царем служба не пропадет и так далее из Даля и фразеологических словарей русского языка.

Отсюда же и неискоренимая вера в царя-батюшку, которую они и оправдывали всегда; надеемся, и сейчас оправдают. Дескать, царь дал народу тягловому жалованную грамоту, а злые бояре-своекорыстники ее украли и зарыли в землю... Эта вера была блестяще использована самородным русским, казачьим умом Емельяна Пугачева, чуть-чуть не вздыбившему Российскую империю. Эта вера началась с уездных князей-самостийников, окрепла при первых великих московских князьях, а далее по накатанной при царях рюриковских и романовских, императорах — мужиках и женщинах (в восемнадцатом веке), даже при Керенском с оципанным царском ор-

ле — это как сейчас на банкнотах и монетах банка России, — генсеках, президентах. Исключения были: в Смутное время, в революции 1905-го и 1917-го годов и в горбачевщину с ельцинщиной по причине утраты доверия царю, а также в золотые советские времена, особенно сталинские, когда бояр не было, а царь напрямую общался с народом. Сейчас, как ка- же... извиняюсь вдругорядь, эта вера пропагандой СМИ возрождается. Оно и к лучшему: лишь бы не было войны... в пределах государства. Это все в на- шей генетической памяти сплошь потомков крестьян- землепашцев, для которых любая война — несоб- ранный урожай: помирать собрался, но рожь сей...

Добрый наш народ все же! Как писал в нетлен- ном романе «Юрий Милославский» наш старинный писатель Загоскин в том смысле, что добры в есте- стве своем все русские: крестьяне и разбойники-ши- ши, бояре и их крепостные, князья и их мародеры- приказчики... Все добрые, лишь бы их захватчики- лахи и шведы-супротивники не тревожили.

— А как же чиновники? Тоже «Юрия Мило- славского, или русских в 1612 году» почитывали. Что-то Загоскин о них не упоминает?

— Как же, Васильич, не упоминает, а всякие писцы и дьяки? Приказные избы опять же. — Это все родина наших родимых, обласканных Гоголем и Михаилом Евграфовичем российских чиновников, коим мы и сейчас рукоплещем на всякого ранга вы- борах, в теленовостях, в ЖЭКах и прочая, прочая, прочая...

Чиновник! — Как замирает сердце и душа рус- ского человека, государственника и субординирован- ного подчиненного, при сладостном этом слове. Вот выступает-вышагивает он, сиренево-шоколадный или иной под окраску официально утвержденного колера, с откормленной под поросенка физиономией — это из нынешних молодых — и для него весь окрестный мир воссияет! (Извини, Васильич, повторяюсь...)

Вот где мы, Васильич, на сто двадцать процентов не Европа! Если там чиновник есть сугубо наемный или избранный голосованием, наконец, назначенный властью работник по части управленческой политики, часто в глаза ругаемый, не сходящий со страниц провокационных еженедельников навроде скандального «*Hebdo Charlie*», с зарплатой, чуть превышающей рядовую клерковскую, преследуемый ордами хроникеров и папарацци (избави, бог, «налево» пойти или позволить в законный выходной день оттянуться за бутылочкой бургонского или рейнского!), словом — несчастнейший из жителей того же Рима или глухой французской деревушки*, то в России в части чиновничества все сказано гениальными словами известного остряка: «В России генерал не звание, а счастье». Конгениально! Опять же повторяюсь...

◆ — Да-да, Андреяныч, в наших кругах, если упомянешь эту присказку, тотчас по въедливости преподаской начинают спорить об авторе ее: из старших поколений ссылаются на Салтыкова-Щедрина, из молодежавых приписывают генералу Лебедю. Впрочем, оба в таковых чинах состояли — Михаил Еврафович по табели о рангах — как вице-губернатор, потому оба и все прекрасно знали о чем говорили...

Чего далеко за примерами ходить-то! Зайди в главный корпус, где все пять этажей сейчас заняли расплодившиеся до невероятия службы-отделы, только полуподвал оставив для библиотеки и архива. Народу там по коридорам мелькает поболее чем в ином учебном корпусе студентов и преподав: толпы служилых баб мигом рассыпаются и ныряют в свои комнаты, и вот в образовавшейся пустоте величественно шествует, бережно держа в обеих руках листок приказа на подпись у Самого, плотный облик,

* «Лучше быть последним в Риме, чем первым в галльской деревушке», — изречение Кая Юлия Цезаря.

одетый в любой сезон в пиджачную пару, при белоснежной рубашке и галстук, чиновник высшего разряда до проректора включительно.

— Не хожу я туда давно, если только в библиотеку приспичит до зарезу...

— И правильно делаешь. Туда, особенно на второй «ректорский» этаж, давно уже ходят только по великой необходимости. Обязательно подвернешься под руку скучающему от хронического ничегонеделания небожителю: от вѣдливго замечания до совершенно ненужного тебе поручения тотчас схлопочешь!

Чего нам с тобой о русском чиновнике говорить? Все одно, что воду в ступе толочь. Все о нем сказали наши великие писатели. В одном, тверже стали закаленной убежден: лучшие из чиновников в позднесоветские и нынешние времена — это евреи. С точки зрения подчиненных, разумеется. Но их мало сейчас осталось: в деловые сферы ушли, кто за бугор не уехал в девяностые годы. Жаль. А представь себе мысленно, что наш традиционный чиновник переродился в типичного европейского? — Это сплошной ужас случится. Как же мы без родного до боли? Тогда исчезнет и чисто русская каста подхалимов, а без них скука вселенская. Подхалим чиновничий — услада серой нашей жизни. Словом, от добра добра не ищут, даже если это издевка над добром истинным. Но — привыкли и расставаться не жа-а-лаем!

«Лето Господне» Ивана Шмелева, конечно, читал? Как он до дрожи душевной писал: «Холодно в России зимой — а тепло!» Так и о чиновниках хочется сказать. Но, хватит о них, родимых; мы ведь под Новый год им полноформатную четверговую беседу посвятили.

Я как-то тебе говорил, что горжусь собственным афоризмом: чиновник-патриот берет взятки только в рублях! Чиновник — от плоти своего народа, раз мы перешли к отличию русского человека от евро-

пейца в части всяких «измов». Не удивлю тебя, мой дорогой воспитанник Северного флота, потомственный старовер-старообрядец с примесью шотландской крови, это которые по словам Роберта Бёрнса умели гнать виски, еще находясь в утробе матери, матерого ракетчика, а ныне доцента нашего славного универа, если определю — в русском понимании — все эти «измы», включая особенно бюрократизм, коль скоро упомянули чиновничество, нашим добрым словом *пофигизм*. Понятно, что в простонародной речи слово это употребляется в иной синонимомантике, ядерной и всем понятной.

Не в том смысле пофигизм, что нет никакого дела до чиновничьей власти, того же патриотизма и интернационализма, но в восприятии природного русского человека — от сохи до академика — четко разделяются: чиновник — необходимое, во многом полезное мироустройству, государственное зло; патриотизм — изначальное русское свойство, но красной, декларируемый патриотизм суть демагогическая утка, впрочем, часто полезный при правильной госполитике — как сейчас видим. Интернационализм в нашем кондово-домотканном самосознании есть мирное, дружелюбное сосуществование «ста языков», но при двух непеременимых условиях: эти языки, коль скоро живут в России исстари, принимают русское мировоззрение, хотя бы и посещают мечеть или поют под шаманский бубен; и главное — не ищут «где славны эти бубны за горами». Все тяготы — вместе, всем миром — русской деревней, татарской и башкирской тож деревней, кавказским аулом, среднеазиатским (это в советское время) кишлаком, якутским и бурятским (извини, не помню их названия) тож поселением, вплоть до чукотских чумов. Все радости, что были опять же в советское время, тоже вместе.

Второе условие — это где бубны за горами — полагает опять же сугубую государственность под

благосклонной властью мудрого белого царя, который всегда остепенит, а то и отправит в узилище, злых бояр, зарвавшихся во взятках чиновников, что нынешняя власть (возможно, в силу безысходности) и демонстрирует активно-показательно, что мы, Андреяныч, и видим сейчас на примере тулуповских губернаторов. Правда, забывая, что поставлены они были во власть сверху...

Пофигизм, Андреяныч, есть мощнейшая самозащита русского человека от всего и вся: от неизбежного напора глобализации и тайно руководящего в России олигархата, что из грязи во князи, до деревенского Ваньки-хитрована, сообразившего, что пришла его пора стать председателем сельсовета... или как там они сейчас именуются. А ведь есть еще мощно поднявшийся на селе класс кулаков-«фермеров», владельцев уездных «газет, заводов и пароходов», озлобленных от умоисступляющей работы-тяготы «манагеров» и «офисных креветок» и так далее...

— Но ведь, Васильич, вроде как вся Европа пронизана пофигизмом в таком определении его?

— Нет, Андреяныч, там пофигизм от хронического безделья: худо-бедно, ограбляя весь трудящийся мир, они вынуждены содержать на госсредства этих дармоедов, попутно прославляя свою дермократию и общечеловеческие ценности. У нас же совершенно иное: труд, осмысленный или конвейерный, и пофигизм, как единственный способ сохранения здравого мышления. У них — власть частнособственности, у нас — органическое отвращение к нему.

◆ — Но ведь и у нас сейчас, Васильич, сугубое частнособственность, гарантированное конституцией?

— Гарантировано — не значит внедрено в умы полутора сотен миллионов человек.

— Хочешь сказать, Васильич, что за семьдесят лет советской власти отучили?

— Козыряй, как каталы карточные говорят и твои земляки — северные моряки. Нет, дорогой мой единомышленник и друг. Мичман — тоже друг за-кадычный, но мыслящий инстинктом, то есть бессловесный (заспанный от комнатной теплоты кот, не просыпаясь, только вильнул в знак согласия полосатым пушистым хвостом). В части частнособственничества мы с Европой опять же на противоположных полюсах — при почти полной сейчас внешней схожести. Я, как ты помнишь прекрасно, в прошлом году подряд в двух номерах своего «Феномена разума» всероссийскую и международную дискуссию провел. Многие авторы этих материалов вполне согласились с кардинальным различием отношения к частнособственности русского человека в подавляющем большинстве массы и европейского.

Исходить надо из того, что само это «собственность» для современного человечества, активно вовлекаемого в ноосферизацию Земли, есть уже атавизм. Он сыграл мощную роль — по Энгельсу говоря — в создании государственности и ее минимальной ячейки — семьи, но в наблюдаемый нами период глобализации, как составной части ноосферизации, эта роль уже сыграна. Олигархат суть вписан в государственное устройство, как в современной России, где счастливые десять процентов условно держат в руках почти все, спекулятивные в основе, финансы и, используя принятый термин, реальный сектор экономики. То же самое, но в более изощренной форме, учитывая мудрость и старость своего капитализма-империализма, наблюдаем и на Западе. Европе, конечно, тоже. Словом, господство «двухсот семей», как движитель процесса глобализации.

Но если западное буржуазное устройство «мудро» от своей старости-долговременности, то русскому капитализму в развитой его форме от силы полторы сотни лет, от манифеста царя-освободителя. Да еще

вычти из них семьдесят советских лет! — Всего-то ничего... Конечно, и до освобождения крепостных и так прекрасно описанного в русской классике бума железнодорожного строительства последней трети девятнадцатого века в императорской России имелись черты буржуазности: купцы, фабриканты, с некоторой натяжкой — крупные помещичьи землевладения с выписываемой из Англии сельхозтехникoй, так называемые культурные помещики — сразу вспоминается Лёвин толстовский...

Однако, надо смотреть в корень русской специфичности: фабрикантами и купцами в массе своей являлись староверы*, фактологически неправильно именуемые старообрядцами. Здесь, Андреяныч, слово за тобой, как потомком, хотя и не воцерковленным, но явно духовным этой славной когорты истовых русских людей! Как там у вас?

— А у нас Островский в своих пьесах все изоврал, пиарщиком, говоря по-нынешнему, стал заработка ради. Хотя драматург от бога, слог народный до тонкости понимал. Правду же всю сказал Николай Семенович Лесков. В купцы-фабриканты староверы подались не от хорошей жизни: официальная церковь, люто преследовавшая их вплоть до речи Владимира Ильича с броневика на площади Финляндского вокзала, все староверам запретила в части занятия в жизни, оставив только хлебопашество и торговлю-предпринимательство, которые церковь относила по старинке к низменному. Так староверы стали определять, как бы сейчас сказали, всю хозяйственно-экономическую жизнь империи к середине девятнадцатого века. Но истинное православие, даже излишне рьяно понимаемое, господствовало в их душах — особенно по части евангельского верблюда, стремящегося безуспешно протиснуться сквозь иголь-

* Мы уже касались темы старообрядчества в шестой новелле, но в другом аспекте их полезной деятельности...

ное ушко, о чем мы с тобой уже упоминали. Именно поэтому в части собственности, к которому сложно присовокупить слово «частно», они избрали позицию государственного стяжательства: копейки не упустят, но весь немалый капитал возвратят стране и народу. Ну-у, это давно всем известно: крупная, главное — целевая, благотворительность.

И что уж здесь говорить о тягловом русском человеке, которого от частной собственности отвращала веками крестьянская община, а в прошедшем веке общегосударственная собственность. Вот только последняя четверть века...

— И ничего, что последняя, Андреяныч! Действительно, многих, в том числе с чисто русским умозрением, искусственно повернули лицом к чуждому частнособственничеству, и что? В лихие девяностые это требовалось агентам влияния и прямым руководителям с Запада для разрушения страны. А сейчас, опять же оговариваясь по части олигархата, массовая частнособственность мешает государственному строительству... чтобы там не муссировалось в СМИ насчет развития всяких «бизнесов». Впрочем, вроде как по обязанности, вяло муссируют...

Но, главное, народ наш и сам уже потерял интерес ко всему этому: хлопотно, чиновников-обдирал море. Да и нет исторического гена частнонакопительства. Нет, Андреяныч, в этой части русский и европейский характеры, как разговор двух случайных собеседников, говорящих на разных языках.

◆ — Однако, Андреяныч, за окнами темень непроглядная на землю упала, через час последний городской автолайн прощально мигнет засыпающему пригороду с приютившим нас гостеприимным домом Прокофьяча, Тихоновны и, конечно, живущего на правах полной автономии Мичмана. Как бы не опоздать нам, давай завершим последний в эту зиму «каминный четверг». Вроде обо всем поговорено — и, куда ни кинь, всюду русский человека глубоко чужд

этих самых европейских «общечеловеческих ценностей», то бишь евро-доллара, благоглупостей навроде толерантности и всяких «измов». Мы — одни, они — другие. У нас невоцерковленное истинное православное душепонимание, у них — официоз по минимуму. Я уже не говорю о пресловутой толерантности в части всяких извращений: у них психический праздник гомосекса, а у нас он — большая благодарность власти, в эту ловушку пока не попавшейся — стыдоба и принадлежность тюремного быта. У них нарочитая «инвалидизация» общественного мнения, у нас — истинное сострадание к убогим, но без извращенческого любования чужими бедами. Хотя и нас они порой пытаются приучить к этому: телешоу навроде «Танцев на колясках», паралимпиады всякие... Народ это не приемлет, просто помалкивает.

И глобализации мы сопротивляемся по-толстовски: каждый усовершенствуй сам себя. Но главные свои черты мы еще сохранили: природный ум и мечтательность, страсть к изобретательству и прохладное отношение к «конвейеру»; потому-то наши легковые машины (не грузовики и танки!) всегда будут хуже западных: нет желания заниматься «облизыванием» технологий изготовления. Пущай этим немцы занимаются, а мы лучше танками... Здесь, конечно, тоже технологии всякие, но они многопудовые, в мелкоскопы разглядывать монотонно не нужно. В электронике, которую все же в девяностые годы агенты напрочь разрушили, братья-белорусы, сохранившие ее, помогут.

Так худо-бедно и сумеем сохранять среднесрочный оптимизм. Мы ведь Россия, не Европа. И литература наша, как говорит твой, Андреяныч, сосед-писатель, свои позиции русскости не сдает. Будем оптимистичны в деле, которое все равно проиграем: вместе с глобализующимся миром, но — последними! Давай и мы по последней на посошок.

...Провожаемый хозяевами, включая окончатель-

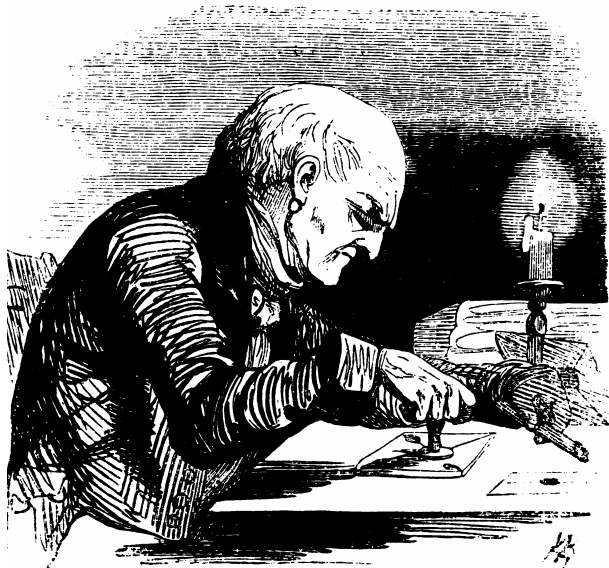
но проснувшегося к своему позднему дополнительно ужину — перед ночным бдением в ожидании прихода виртуальных мышей — Мичмана, гости вышли на крыльцо, привыкая после каминного райского тепла к сыровато-холодной февральской промозглости. Но все одно в чистом вечернем воздухе пригорода, лишенного в лихие девяностые годы всякой чадающей промышленности, дышалось легко. Бронхи и легкие уже улавливали в чернильно-фиолетовом (это по Пастернаку: «Февраль, налить чернил и плакать...») исходе зимы отдаленное веяние самого оптимистичного времени года: что-то слабо пахнущее почками деревьев, которые сами мечтали покрыться зеленой кроной, и арбузным тлением прошлогодней слежавшейся листвы.

Прощавшись, Николай Андреянович и Игорь Васильевич прошагали до калитки, у которой с уличной стороны их уже поджидал оседлый поселковый цыган Урупкин в новокупленном китайском пуховике, шапке-хрущевке, с топорщащимися буденовскими усами и личной овчаркой на новом же поводке. Еще с ноября прошлого года он уяснил, что по четвергам у Прокофьяча гостюют городские профессора, падкие на всякие старинные кунштюки. На этот раз он принес найденный в хламе на месте порушенного новыми владельцами участка Дома культуры — бывшей помещичьей усадьбы — латунный колокольчик без язычка, которым, наверное, добрый помещик вызванивал к себе в кабинет управляющего: «Насчет Федора того... на конюшне распорядись». Его тотчас, не торгуясь, купил Николай Андреянович, как человек военно-морского воспитания уважавший различные склянки, что на корабельном юте отсчитывали часы вахтенной смены.

«По ком звонит колокол»? — Можно и без кавычек.

Демократия — это по-гречески власть народа, а демагогия — что-то навроде учения об управлении массами, то есть слова по смыслу близкие. Демагог всегда возвышается над учаемым народом, речи его сладки и успокоительны, фразы грамматически обработаны и не содержат бранных слов, за исключением относящихся к Сталину и современным коммунистам (О членах бывшей КПСС он говорить избегает, ибо сам четверть века трудился вторым секретарем обкома). По общепрофессиональной классификации демагоги относятся к политическим проституткам. Именно поэтому их не любят нормальные в половом отношении женщины, что и объясняет преобладание гомосексов среди демагогов. Это тяжелое, но хорошо оплачиваемое занятие (Речь идет о демагогии, а не о гомосексуализме).

Доносительство — неиссякаемая, лишь временами утихающая, страсть наших соотечественников. По всей видимости, здесь сказалась и сравнительно поздняя — по историческим меркам — поголовная грамотность в России. Как ребенок впадает в восторг перед очередным освоенным умением, так и массы, научившиеся писать, предаются чудесному делу излагать свои мысли на бумаге. А обыденные мысли чаще всего завистливые в отношении соседа Ивана и сослуживца Никифора. Так родилось письменное сутяжничество: от новгородских берестяных грамот, что уже полвека раскапывает академик Янин, до современных подметных сайтов и чатов Интернета. Демократия поначалу вроде как отвергла идею доносительства, но ненадолго. Вспомните последующие за расстрелом Верховного Совета, а еще раньше — за окончанием ГКЧП дни: демпресса, в том числе и государственные СМИ, прямо требовали доносов на участников и сочувствующих.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>К читателю: Предисловие Леонида Ханбекова</i>	3
Новелла первая: Двое у камина, не считая кота Мичмана.....	11
Новелла вторая: Сержант с острова Сахалин (были люди в наше время.....)	27
Новелла третья: Профессор на Восточном фронте (и у них тоже были люди.....)	73
Новелла четвертая: На цыганском факультете.....	114
Новелла пятая: Един в уме держим, два в пропись заносим: вирус хиршемании.....	153
Новелла шестая: Зеркало эпохи растеряевщины.....	185
Новелла седьмая: Чиновник-патриот берет взятки только в Р.....	224
Новелла восьмая: Паранойя за клавиатурой.....	258
Новелла девятая: Не по хоро́шу мил, а по милу хорош.....	293
Новелла десятая: Россия не Европа: среднесрочный оптимизм.....	311

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

**ЗАДУШЕВНЫЕ БЕСЕДЫ
ОБ УМОЗАМЕЩЕНИИ**

(Восьмая книга рассказов Николая Андреевича)

18+

Редактирование и корректура А. А. Яшин
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета С.В. Никитин

Издатель: Независимое литературное агентство
«Московский Парнас»
121069, Москва, Поварская ул., 52, комн. 24
E-mail: 6709449@mail.ru; тел.: 8-495-691-63-41

Подписано в печать 31.12.2016 г.
Формат бумаги 84×108 1/32. Печ. л. 16,0.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Akademy».
Тираж 500 экз. Заказ №
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел./факс: +7(4872)49-73-73
E-mail: aquarius-press@mail.ru, grif-tula@mail.ru,
<http://www.grif-tula.ru>

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года и член Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Автор 29 книг прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редколлегий ряда московских и тульских периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого (дважды), А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса»; белорусских премий им. Симеона Полоцкого и им. Вениамина Блаженного. Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер орденов «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Академик Академии российской литературы, член ее Правления.

Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования». Почетный изобретатель Европы и Почетный деятель науки Европы (Гамбург).

Биография А. А. Яшина опубликована в двух десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008) и статью в «Википедии».